

Пушкарёв Б. В.

Рука дружбы

Книга первая

Серия книг « За Боевые Заслуги»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Викторович Пушкарев

Рука дружбы. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67193003

SelfPub; 2022

Аннотация

Безвременье девяностых годов прошлого тысячелетия стало настоящим испытанием для России. Только что закончилась первая чеченская кампания. И в горниле этой войны закалились новые воины – настоящие профессионалы своего дела. Таким воином стал офицер ГРУ Красовский Андрей Семёнович. Проходя службу в ГРУ, Красовский побывал во многих уголках планеты, выполняя различные задания Генерального штаба. Но одно задание – самое первое – он запомнил в мельчайших деталях. Задание предполагалось несложное – по сбору сведений военного характера в одной из стран мира в Африке. Вот именно здесь и развернулись события, которые не могли себе представить и опытные аналитики ГРУ. Андрею со своими боевыми товарищами пришлось вступить в бой с повстанцами, уходить от местного спецназа по древним горам и воевать с племенем, жестоко расправляющимся с любыми чужаками, объявляющимися на их территории. Но всё по порядку...

Из серии "За боевые заслуги".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	78
Глава 11	86
Глава 12	94
Глава 13	99
Глава 14	108
Глава 15	115
Глава 16	124
Глава 17	130
Глава 18	140
Глава 19	146
Глава 20	152
Глава 21	163
Глава 22	174
Эпилог	179

Борис Пушкарев

Рука дружбы. Книга первая

По понятным причинам имена и фамилии главных героев, а также названия некоторых населённых пунктов, изменены.

*Те, кто сражается на войне,
– самые замечательные люди, и чем ближе к передовой,
тем более замечательных людей там встретишь;
зато те, кто затевает, разжигает и ведёт войну, – сви-
ньи.*

Эрнест Хемингуэй

Вообще-то простой обыватель убеждён, что бойцы ГРУ только и делают, что взрывают мосты, колют часовых, косят автоматными очередями противников на их же территории и вообще ведут силовые действия в тылу вражеской армии. На самом деле это массовое заблуждение. Силовые действия в тылу противника ведут диверсанты, а не шпионы, а разведчики ведут боевые действия, только если они раскрыты, когда другого выхода просто не существует или командованием поставлена задача – провести запланированные диверсионные мероприятия. Хотя разведчики ГРУ и подготовлены для проведения силовых операций ничуть не хуже диверсан-

тов, но им приходится скрывать свои умения до наступления обстоятельств, для которых эти умения будут необходимы.

Конечно армейская разведка – это довольно сложная войсковая структура. В эту структуру входит большое количество подразделений и многие из них со своими специфическими задачами под грифами "Совершенно секретно". Исходя из всего вышесказанного, задача для простого разведчика сводится к следующим простым, с виду, действиям: добраться в нужную точку, всё узнать, всё увидеть да вернуться и рассказать о увиденном. Вроде бы всё просто, но зачастую эти простые действия даются очень тяжело, и за эти действия иногда приходится платить очень высокую цену – жизнью и кровью своих боевых товарищей.

Справка

Четвёртый отдел ГРУ при Генеральном Штабе Российской Федерации до реформ двухтысячных годов занимался разведкой и проведением спецопераций в странах ближнего востока, а также сбором разведанных на всей, немалой территории африканского континента. Иными словами: Африка и Аравийский полуостров были зонами влияния четвёрки.

Глава 1

В своём, четвёртом отделе Андрей считался, наверное, одним из лучших оперативников. Так случилось, что, будучи, ещё молодым лейтенантом, сразу после выпуска, он попал на войну в Чечню, да ещё в самый тяжёлый и сложный период для наших войск. Тогда он ещё не был разведчиком и командовал взводом мотопехоты, а его место по боевому расписанию находилось рядом с водителем в БТРе. Во время памятного зимнего штурма Грозного Красовский и находился в своём БТР-80 в середине колонны входящей в состав группы "Север" штурмующей центр города. Да – а повоевали тогда ... Теперь много написано и снято про тот штурм. Сколько фатальных ошибок, сколько погибших наших ребят ... Повторятся об этом – здесь не имеет смысла. После прорыва остатков автоколонны российских войск из окружённого боевиками центра Грозного, который организовал Красовский, сев за рычаги управления брошенного БТРа, Андрея заметил командир одного из отрядов ГРУ при ГШ России, воевавших в этом же соединении.

После довольно продолжительной проверки Андрею предложили перейти на службу в одно из подразделений ГРУ. Он согласился на работу в армейской разведке, и в последствии ни разу не пожалел об этом решении. Потом, спустя несколько лет он вернулся в Чечню, но уже в качестве

разведчика и опять его ждала удача. Это именно он участвовал в операции по дезинформации боевиков Басаева, которые поверив в дезу, пошли на минное поле, думая, что путь из Грозного свободен. Разгром банды одиозного командира, чудом уцелевшего, но оставшегося без ноги – довершил плотный миномётный обстрел, устроенный по полной программе российской войсковой группировкой. За участие в этой операции Андрей получил орден и очередное звание. Но это, совсем другая история.

После зачисления Красовского в четвёртое управление он стал выполнять задания на территории стран ближнего востока и Африканского континента таких как: Ирак, Сирия, Нигерия, Зимбабве, Ливия и пиратская Сомали – все эти страны были для Красовского и временным домом и полем боя одновременно. Но особенно Андрею врезалась в память его самая первая командировка на чёрный континент в небольшую африканскую страну Джибути – это там где неподалёку находится, известный многим, своим заковыристым названием Баб-эль-Мальдебский пролив. В этой стране он работал под прикрытием в должности советника по бронетехнике, завезённой сюда ещё во времена Советского Союза. С течением времени и без должного ремонта, советская боевая техника пришла в негодность, и правительство Джибути поспешило заверить руководство, уже, России под управлением Ельцина, в вечной дружбе и сотрудничестве двух государств. В самой республике было далеко неспокой-

но, а попросту, страну раздирала на части гражданская война. Юг страны захватила, так называемая, умеренная оппозиция – "Фронт за восстановление единства и демократии – ФВЕД" (англ. FRUD), а в северных районах несчастного государства верховодили "Непримиримые". Но, на деле и те и другие – это просто бандиты, возглавляемые полевыми командирами, и очень сильно желающие оторвать кусок от большого государственного пирога или наложить лапу на, и без того, скудные ресурсы истерзанной страны. Вот для борьбы с, разного рода, оппозиционерами и нужны были весомые аргументы в виде советских танков и бронетранспортёров.

Для оживления бронетанковых динозавров советской эпохи в Джибути направили группу российских советников в состав которой и был введён Красовский, как специалист по бронетранспортёрам, а именно БТР-60ПБ. (Что, собственно, и соответствовало изначальной специализации Андрея). Напарником по работе с бронетехникой в Джибути у него был славный, рязанский парень лейтенант Толя Переверзнев прекрасный механик – золотые руки, блондин, весельчак, если он и улыбался, то только какой-то немного виноватой улыбкой типа: "Мол, простите так уж вышло". С ним Красовский познакомился у проходной на взлётное поле в военном аэропорту под Тверью, откуда был назначен вылет на Джибути всей группы советников. Понятное дело, что Толя был не в курсе того из какого ведомства на самом деле прибыл его коллега.

Когда Красовский подошёл к полосатому шлагбауму, то у входа на КПП уже стояло довольно много групп офицеров. Шлагбаум постоянно открывался и закрывался, пропуская армейские тентованные грузовики в обе стороны. Сновали солдаты – срочники с какими-то ящиками. В общем, царил здоровый сумбур, каковой обычно присутствует почти во всех военных аэропортах в центре России. Рядом с Андреем стоял довольно молодой парень с погонами лейтенанта и курил. Из-под фуражки выбилась совершенно белая чёлка. Лейтенант заметно нервничал. Красовский подошёл к нему и попросил зажигалку прикурить сигарету. Андрей в последнее время хотел бросить курить, но ему всё никак было не собраться с духом, а здесь вдруг решил для себя, что там, в Джибути он больше дымить не будет, и теперь, в который уже раз, раскуривал свою "последнюю сигарету".

– Извини друг, – начал первым Андрей, – Ты не слышал случайно, где тут собирается команда восемьдесят пять (номер присвоенный группе советников отправляющихся в Джибути). – Так я сам из неё, да вот ещё ребята стоят, – и он кивком головы указал на группу офицеров, преимущественно лейтенантов (война – дело молодых). Среди летёх раздалось здоровое ржание молодых пацанов – это кто-то рассказал зачётный анекдот.

– Ну, тогда давай знакомиться что ли, – сказал Андрей и они назвали друг другу имена.

– Слушай, Толя, а ты танкист или ...

– Да нет. Я спец по бэтэрам. Механик, электрик и моторист в одном флаконе. Видели рекламу про шампунь? – и он улыбнулся своей виноватой улыбкой.

– Рекламу не видел, но я тоже спец по БТРах. Готовлю башенных стрелков, водителей, щи и каши. Ну, и в автомеханике могу помочь. Значит напарники?

– Да, товарищ старший лейтенант, так точно – напарники.

– Да ты расслабься. Нам же вместе ещё около полугода лямку тянуть. Что ж мы будем друг другу всё время козырять? Ну, а это значит танкисты из нашей группы, – Красовский посмотрел на группу смеющихся офицеров. – Старшим кто у нас назначен, не знаешь случайно? – продолжил он.

– Вроде как полковник Палий П. В. . Во всяком случае, в предписании стоит это имя. -

Андрей прислушался к группе офицеров – танкистов, стоящих рядом. Лейтенант довольно высокого роста и с крупными чертами лица, стоящий в центре этой группы начал травить новый тематический анекдот.

– Двое загоняют танк жопой в бокс. Один за рычагами, а второй – сигнальщик подаёт водителю команды голосом: "Так – так. Чуть правее. Давай ещё правее. Смелее. Ещё – Ещё. Всё! Стоп! А теперь выйди и посмотри, козёл, что ты натворил!" – Шквал дикого ржания обрушился на стоящих перед КПП людей.

– А вот ещё один есть..., – начал новую историю тот же рассказчик, завоевавший всё внимание стоящих вокруг него

офицеров. Но его прервал зычный командный голос,

– Это что ещё за сборище пьяных индейцев? – Подошли два старших офицера. Один с погонами полковника, а другой с папкой под мышкой, и с одинокой звездой майора на погонах.

– Майор командуйте, – резко сказал полковник. Майор – человек среднего роста с небольшими, разрешёнными уставом, седыми усами и печальными глазами крикнул,

– Команда восемьдесят пять строиться, – и показал рукой место построения – вдоль побелённого бордюра окультуренного газона. Офицеры довольно быстро разобрались с построением в линию. Майор достал из своей чёрной папки какую-то бумагу и объявил громко, перекрывая отдалённый расстоянием, гул двигателей транспортного самолёта,

– Переключка! -

и тут же стал зачитывать фамилии, поглядывая в список. Андрей был записан в команду под своей настоящей фамилией. В оперативном центре при подготовке этого задания для Красовского, сильно мудрить не стали. На самом деле Андрей до сих пор числился в составе того самого полка мотопехоты где и начинал проходить службу. Просто по документам, хранящимся в канцелярии полка, значилось, что Красовского отправили на переподготовку – обычное дело в армии. Получалось просто идеальное прикрытие. Человек под своим именем и фамилией проходит службу по своей военной специализации. Правда он проводит много времени

в командировках, но на то она и военная служба. Хорошие специалисты везде востребованы.

После переклички перед строем вышел полковник и начал говорить хорошо поставленным голосом, – Здравствуйте товарищи офицеры! – В ответ послышался нестройный ответ, – Здав.. жел.. тов.. полков... – Полковник поморщился, и продолжил,

– На ближайшие пол – года вы поступаете под моё командование. Меня зовут Пётр Васильевич Палий. Это мой временный заместитель Михаил Ефимович Ткачек, – полковник указал кивком головы на майора и продолжил, – он будет с нашей группой до прибытия на место. На том объекте, куда мы прибудем для выполнения нашей непосредственной задачи, вы будете подчиняться непосредственно мне. Если есть просьбы или вопросы готов сейчас выслушать. -

Настала пауза, только рабочие звуки аэропорта и негромкие разговоры остальных военных, стоящих в стороне от строя офицеров, нарушали тишину. – Ну что ж, если вопросов нет тогда ... Командуйте майор.

– Напра – во! Шагом а-а-рш! – Оглушительноскомандовал Ткачек.

Всего первой партией в Африку летело восемнадцать человек (это без майора, который потом остался при атташе в посольстве) – советников по разным военно-техническим вопросам. Второй партией должны были прибыть специалисты по авиационной технике, чтобы разбирать лётный хлам

доставшийся Джибути в наследство от бывшей супердержавы. Но прибыла ли вторая партия – Андрей так и не узнал, да и не его это дело.

Летели долго. Очень долго. Сделали четыре промежуточных посадки. Из самолёта во время посадок никого не выпускали даже на взлётное поле – секретность, мать её. Дозаправка, и вперёд дальше по маршруту. Во время перелётов было очень холодно. Ведь грузовое брюхо военнотранспортного АН-24 практически не утеплено, как в пассажирских авиалайнерах. Откидные алюминиевые сиденья в транспортном отсеке идут вдоль обоих бортов, а по центру обычно принаитовывают сеть и стяжными лентами груз. Так и в этом рейсе – по центру грузопассажирского отсека находились штабеля ящиков, накрытые брезентом серозелёного цвета. Ящики были оружейные, но без нанесённых маркировок, что странно. Ведь потом на месте разберись где – что.

Ещё вместе с группой офицеров летели в Джибути и парни из фельдъегерской службы. Серьёзные ребята, довольно крупные, в форме и при оружии – всего четыре человека. Везли два несгораемых опломбированных баула и чёрный ящик. Да, почти как в популярной телеигре: "Чёрный ящик в студию". Вот только этот чёрный ящик охраняли два автоматчика, которых вместе с их грузом подвёз прямо к откинутой аппарели самолёта небольшой броневедомитель с разноцветными мигалками. Почтари всей своей группой сели

отдельно в дальний угол грузового отсека, и в течение всего полёта, отлучались по очереди только по нужде, а всё остальное время полёта проводили в своём загоне, лишь изредка сверкая в полутьме отсека настороженными глазами.

Наконец самолёт в последний раз на этом маршруте коснулся колёсами взлётно-посадочной полосы, довольно быстро погасил скорость и после недолгого маневрирования по аэродрому, замер в конце поля. Постепенно прекращали вить раскрученные турбины. Аппарель самолёта пошла вниз, открывая местность, залитую ярчайшим солнцем, таким слепящим, особенно в сравнении полумраком грузового отсека, что сразу заслезились глаза. Из раскрытого проёма грузовой палубы людей обдало раскалённым воздухом, словно кто-то включил огромную тепловую пушку, и направил её в открытое брюхо самолёта.

– Ну вот, и прибыли. Здравствуй Африка, – подумал Андрей, смахивая капли пота моментально выступившие на лбу и висках.

Глава 2

После представления и инструктажа у военного атташе в посольстве России, их группу отвезли в пригород столицы с одноимённым названием – Джибути, где в боксах хранилась бронетехника советских времён. Расположились рядом с боксами в двухэтажной казарме с толстыми стенами то ли из каменных блоков, то ли из известняка. Застеклённых окон в казарме не существовало в принципе. В стране, где не существовало холодного времени года окна просто не нужны, а если учесть, что в октябре – ноябре в столице средняя температура в тени была около тридцати семи – тридцати девяти градусов (в летние месяцы температура доходила до пятидесяти градусов в тени и выше), то отсутствие окон только приветствовалось. Столица страны раскинулась в беспорядке своими домишками по берегу Аденского залива, но какой-то свежестью от воды не веяло совсем, а как раз, наоборот – от порта несло гнилью и тухлятиной.

При въезде на огороженную территорию воинской части несла службу усиленная охрана, пулемёты на вышках, высокие белые стены, спираль Бруно перед стенами и на стенах. Так сразу и не поймёшь то ли уважаемые, дорогие гости, то ли пленники – заложники. Советникам выходы в город были временно запрещены. Пребывание российских спецов в армии этого государства старались скрыть, насколько это

вообще возможно, и маячить лишний раз перед носом у штатских, было не рекомендовано самим атташе. Им выдали форму джибутийской армии – коричневый балахон без отличительных знаков, и на следующий день они приступили к работе.

Очень быстро выяснилось, что Андрею с Толей практически нечего нельзя было сделать с древними БТР-60ПБ. Всё дело в том, что в таком жарком климате резиновые колёса почти всех машин без периодической подкачки стравили весь воздух, расплющились блином об грунт, и в таком состоянии они и стояли непонятно сколько лет, а за это время резина от жары пересохла и лопнула по складкам. Колёса уцелели лишь у двух машин, стоявших на подставках и с законсервированными двигателями (видимо поставленные на хранение ещё советскими специалистами). Было видно, что технику кто-то пытался расконсервировать, но совершенно не представлял, как это делается, и бросил тщетные попытки.

Вот этими двумя машинами они и занялись вплотную. О проблеме с колёсами они доложили атташе, который поматерившись от души, сказал, что заявку на колёса передадут в Россию, и где-нибудь месяца через три – четыре они придут грузовым кораблём, а пока пусть Андрей с Толей занимаются той техникой, которую можно поставить на колёса. Через пару недель они выкатили пару машин из бокса, и стали готовить их к боевым действиям: снаряжать ленты пулемё-

тов, проверять вооружение. Колёса у бронетехники всё равно подтравливали из-за мелких трещин в резине, но благодаря автоматической подкачке колёс всё-таки удавалось держать давление в шинах.

У танкистов дела шли чуть – чуть лучше, но они были в более выгодном положении, чем Андрей с Толиком. Снимая детали с неремонтопригодных машин, они собрали пять вполне боеспособных танков Т-64Б. И пробовали ход и развороты на плацу перед казармой, но вскоре стало ясно, что надо переходить к полноценным ходовым испытаниям и боевым стрельбам на полигоне, а потом и к обучению экипажей. Доложились атташе. После обсуждения дальнейших действий с Президентом страны Хасаном Гуледом Аптидоном (арабы произносят эти имена по-другому – Хасан (Гасан) Халед Аптидо), совмещавшим должность министра обороны, решили: колонну бронетехники, состоящую из пяти танков и двух бронетранспортёров своим ходом, ночью, в сопровождении местных военных отправить в городишко Мулуд.

Этот небольшой, скорее, посёлок, а не город находился совсем недалеко от условной границы территории занятой отрядами ФВВД, но пока активных боевых действий правительственные войска в том районе не вели. Ехали с открытыми люками, так как даже ночью температура не опускалась ниже плюс двадцати восьми градусов. Жара изматывала неподготовленного человека очень быстро, и хотя людей для

службы в Африке подбирали абсолютно здоровых, делая им в придачу ещё много прививок от разных тропических болезней, люди часто не выдерживали испытание Африкой. В отряде советников прибывших в Джибути: одного механика срочно эвакуировали в Россию с диагнозом – "тропическая лихорадка", а ещё одного отправили в госпиталь при посольстве в прединфарктном состоянии.

Жара никому спуска не давала, и даже местные государственные учреждения не работали с двенадцати часов дня до шестнадцати – это как раз в то самое время, когда ослепительное африканское солнце, особенно на открытой местности, жарило совсем невыносимо. Броня бронетранспортёра на солнце нагревалось до такой степени, что к ней невозможно было прикоснуться даже внутри машины, можно было сразу же получить ожог, а на внешней броне, наверняка, можно было приготовить яичницу, просто разбив яйца и вылив их содержимое на стальной лист – через пять минут – кушать подано.

Кстати о еде. Есть в Джибути не хотелось совсем. Отчасти из-за того, что у всех поголовно через пару дней развилась такая диарея, что её не могли побороть таблетки, выдаваемые доктором из посольства, который иногда посещал место пребывания россиян. Аппетита не было ещё и отчасти из-за запахов, точнее вони, исходящей от сортира устроенного здесь же во дворе, да ещё и ароматов исходящих от порта. Что там гнило в сооружениях порта было неизвест-

но, может остатки водорослей, а может фекалии, сливаемые в залив из сортиров в домах, стоящих на побережье. Никакой канализации в стране и в столице в частности не было совсем. А общественный туалет в Джибути, да и во многих других африканских странах выглядит так. На свободной от застроек местности выкапывается, вручную или при помощи трактора, квадратная яма с плоским дном и глубиной около пятидесяти сантиметров. По периметру яма закрывается переносным невысоким забором из профлиста. Вот и всё – общественный туалет готов. Как только яма наполняется отходами жизнедеятельности граждан – яма закапывается и рядышком выкапывается другая. Так что антисанитария в Джибути была та ещё.

Питьевую воду и продукты, по договорённости с атташе, им привозили из посольства. И все советники кашеварили – как умели. Основные блюда: остывший несладкий чай и бутерброды. Мылись они местной водой – мутноватой и с каким-то антисептическим запахом. Как её пили местные и при этом не болели – было совсем непонятно. Только ночь давала относительную прохладу, если конечно можно назвать прохладой плюс двадцать пять градусов, но на фоне дневных температур – то был бальзам для души и тела. Поэтому ночной марш-бросок был лучшим вариантом из всех возможных. И лишних глаз нет, и относительно прохладно. Первыми в колонне шли лендроверы сопровождения, за ними танки, потом два БТРа управляемые Андреем и Толиком,

и далее опять джипы сопровождения.

Перед самым отъездом к группе советников присоединился военный переводчик Сергей. Джибути это бывшая французская колония. Поэтому большинство населения страны говорило на слегка изменённом французском, а некоторая часть на фарси, со своеобразным диалектом, и ещё небольшая часть на местном языке племён Афарских кочевников. Сергей говорил на французском, на английском, немного на фарси, но язык кочевников в России, по словам Сергея, не знал практически никто.

Надо сказать, что асфальтовых дорог в стране вообще нет, а есть только утрамбованные широкие грунтовки, по ним днём и ночью снуют грузовики и нефтеналивные автоцистерны из порта Джибути в соседнюю Эфиопию, не имеющую выхода к океану. Танки на марше поднимали в воздух тучи красной пыли и песка, который в качестве взвеси быстро заполнил всё внутренние пространства БТРов. Стало трудно дышать, душил кашель и свербило в носу. Пришлось взять интервалы между машинами больше, иначе забиваются песком воздухозаборные фильтры двигателей, и моторы могли заглохнуть, да и не видать ничего.

Дорога, понятное дело, была не освещена фонарями, поэтому на танках включили небольшие прожектора на башнях, направив их по направлению движения колонны. Со стороны зрелище было просто фееричное: казалось что под звёздным ярким небом (на африканском небе видно нево-

оружённым глазом очень много звёзд), в свете полной луны, мчалось во тьму, пыля и утробно рыча моторами совершенно невообразимое, просто фантастическое, механизированное стадо тяжеленых, но мощных мастодонтов ушедшей эпохи. С рассветом колонна бронетехники прибыла в расположение джибутийских войск. Полевой армейский лагерь состоял из трёх казарм, стоящих на ровной площадке, почти в середине пустынной местности, и расположенных буквой "П". Вокруг казарм были разбросаны в совершенном беспорядке подсобные помещения.

Сам посёлок Мулуд находился чуть дальше по дороге в пяти километрах от армейского лагеря. Группу советников решили расквартировать в самом центре Мулуда, в доме, построенном когда-то ещё советскими специалистами, а до приезда советников его занимали представители местной администрации, они покинули свои апартаменты из-за близости театра военных действий. Наши ребята оставили танки и один из бронетранспортёров на плацу между казармами, чем вызвали настоящий ажиотаж среди местных военных, а сами, погрузившись всей компанией на второй БТР, покатали заселяться в выделенные апартаменты в Мулуде.

Сам посёлок представлял собой жалкое зрелище. Кривые, узкие улочки, мусор гонимый ветром и домишки, с маленькими квадратными окнами, понятное дело, без стёкол. Стены домов сложены из кирпичей, сделанных из смеси глины, верблюжьего навоза и соломы, перемешанных в определённом

ных пропорциях. На крышах солома или камыш (не понять), но у кого дома побогаче – куски железа. Надо сказать, что в Джибути нет дождливого периода, как в субтропиках или в джунглях Юго-восточной Азии, и пока что за всё пребывание здесь группы советников, а это почти три недели, с неба не упало ни одной капли дождя, так что протечки хлипким крышам местных жителей не грозили.

Местом очередной резервации советников было двухэтажное здание, добротное сложенное из обычного красного кирпича, с решётками, вмурованными в проёмы окон первого этажа, и пыльным, пустым и явно давно заброшенным вторым этажом. Из здания был ещё один выход во внутренний дворик, огороженный забором из профлиста, где находился туалет по джибутийски (о котором было рассказано ранее) под открытым небом. Вода в поломанных кранах и электричество отсутствовали напрочь. Рам со стёклами в проёмах окон, по старой, доброй джибутийской традиции, уже не было. Зато на окнах висели выцветшие на солнце полотнища, изображавшие собой занавески, что было весьма кстати, – это неплохая защита от жгучего солнца и цепких глаз снайперов, если таковые появятся в окрестностях Мулуда. Война в двух шагах всё-таки. В тридцати километрах от Мулуда находился посёлок Гуэлиль, занятый отрядами боевиков ФВЕД, вот именно там-то и должны были развиваться основные боевые действия, к которым и готовилась советская бронетехника.

Глава 3

На следующий день скромную обитель советников посетил с дружеским, деловым визитом лично сам Бессленный, Бесподобный и Достигший Сияющих Вершин Президент всея Джибути "Великий и ужасный" Хасан ибн Халед (арабское прочтение имени и фамилии). Надо заметить, что Президент Джибути избирался всенародным голосованием сроком на шесть лет, но на самом деле находился на президентском троне сколько хотел, и, забегая вперёд, надо сказать, что Хасан Халед дожил в должности Президента до глубокой старости, и умер на своём посту. Так что пожизненное президентство придумал совсем не вождь и отец всех белорусов – добрый батька Лукашенко, а все полит – технологии по липовой демократии изобретены давным-давно в других странах и на других континентах.

Великий и ужасный прибыл, как и полагается его высокому статусу, на современном броневике TPz.1 'Fuchs' фирмы Даймлер-Бенц, в сопровождении колонны джипов охраны. К броневику подбежали люди в форме, и расстелили тёмно-красную неширокую, мохнатую ковровую дорожку от люка броневика и до крыльца общежития. Потому как негоже Его Президентскому Величеству топтать своими драгоценными ножками по грязи, пыли и песку, а нести Его Сиятельство в паланкине или на руках, ну, как-то немного старомодно,

что ли, и не отвечает современным представлениям о демократической морали в толерантном обществе.

Вдоль ковровой дорожки выстроились гвардейцы из личной президентской гвардии, в ярко-оранжевых беретах, лихо заломленных на манер российской десантуры. Понятное дело, с автоматами товарища Калашникова в руках. Командир российской группы советников полковник Пётр Васильевич Палий и ещё пара офицеров – танкистов встретила господина Президента на дорожке у входа в здание, приветствуя его коротким докладом по стойке смирно.

Президент был одет в военный английский мундир песочного цвета, с какими-то орденскими планками на правой стороне груди. На голове фуражка с мощной кокардой и высокой тульей, а на ногах мягкие, армейские американские ботинки на шнуровке. В общем и целом Его президентское Величество был одет весьма демократично, видимо, по случаю предстоящей военной кампании. Даже личный переводчик Его Сиятельства, идущий чуть в стороне и на пол – шага позади своего патрона, выглядел как разодетый в яркие шелка петух. Все остальные сопровождающие лица, одетые в национальные африканские одежды, то есть завёрнутые в различные, яркие, кричащих цветов, занавески тоже выглядели так, как будто только что все они вернулись с очередного бразильского карнавала.

Всю делегацию препроводили в актовЫй зал, где за час до визита отца джибутийского народа завезли кучу стульев для

приближённых Президента и один шикарный стул, чем-то отдалённо похожий на невысокий трон для самого Величества. Забавно то, что на стене актового зала висел портрет Ленина, оставшийся там неизвестно с каких времён. Вождь мирового пролетариата взирал с портрета на происходящее в актовом зале мудро, с легко узнаваемым фирменным прищуром, а также, с явным пониманием текущего непростого момента. Потому-как этих самых непростых моментов в жизни и активной деятельности Ильича было великое множество, как пухлых головастиков в тёплой весенней луже.

Господин Президент безошибочно угадал своё кресло и устроился в нём, сложив руки на рукоять своей сабли, инкрустированной драгоценными камнями, с которой свисали какие-то висюльки с кисточками.

Отец джибутийского народа первым начал разговор с советниками через своего переводчика. Говорил он, обращаясь в основном к Петру Васильевичу как к равному по статусу. В начале беседы Президент поблагодарил советников за ударный труд, за танки и БТРы на ходу. Спросил, а в чём нуждаются советники, как питаются, есть ли жалобы. Вспомнил, как он сам пребывал в России с дружеским визитом, как его там привечали. Посочувствовал офицерам в том, что такая большая страна как СССР перестала существовать, ведь первый раз он посетил нашу страну, когда там правил ещё Леонид Ильич Брежнев, а он сам был ещё молодым лейтенантом с огромными планами по возрождению своей держа-

вы. Но господин Хасан Халед выразил надежду, что связи между нашими странами будут только крепнуть. Ну, и всё в таком же духе. А Красовский сидел на скамейке, где им определили место, потел и думал: – "Ну и какого хрена ты сюда припёрся Халед? Уж явно не благодарности советникам раздавать. Сидел бы у себя во дворце под кондиционером, а стукачи тебе бы всё докладывали: и о том, что тут делается, и о состоянии бронетехники. Нет. Тебе что-то от нас нужно. Именно поэтому ты по такой жаре притащился сюда лично, подальше от нашего посольства и лишних глаз. А вот что тебе от нас нужно? Ну – ну, посмотрим, подождём". -

Тем временем Халед закончил петь соловьём дифирамбы в честь посланной советников страны, и ответное слово взял Пётр Васильевич. Он поблагодарил Президента за заботу о быте скромных военных тружеников – советников. Заверил, что наши страны будут и дальше идти рука об руку, а также дадут совместный отпор мировому империализму и в частности США. А нужно советникам всего-то чистой воды для питья и приготовления пищи, да организовать место для мытья личного состава, ещё неплохо бы раздобыть сигареты (в столице сигареты привозили из нашего посольства вместе с водой). Надо пояснить, что Джибути – это мусульманская страна, поэтому ни сигареты, ни водку здесь в свободной продаже не увидишь. Купить табак и водку за бешеные деньги можно только в пятизвёздочном отеле для иностранцев "Imperial". Ну, или на городском рынке из-под прилавка.

Да и то, далеко ещё не каждому продадут. Его Сиятельство выслушал полковника Палия очень внимательно. Во время просьбы об организации мытья личного состава Халед улыбнулся просто ослепительными зубами на фоне агатовой кожи, и сказал с акцентом по-русски, с пониманием кивая головой.

– Банья. Да-а-а ... -

В конце ответной речи Петра Васильевича, Достигший Сияющих Вершин заверил полковника, что все просьбы российских офицеров будут удовлетворены, и тут не о чем волноваться. А теперь он как Главнокомандующий джибутийской армией хотел бы обговорить некоторые военные аспекты сотрудничества с глазу на глаз с советниками и поэтому – все лишние пошли вон. Все сопровождающие лица, в цветастых занавесках, изменившись в лице, потеряв всякое достоинство, вскочили со своих мест, и путаясь в своих попугайских одеждах, заторопились к выходу, устроив в дверях маленький затор. Через минуту в зале остались только россияне, переводчик Халеда, личный телохранитель Президента – здоровенный негр двухметрового роста со свирепым выражением лица и багровым шрамом на лбу, ну и сам Его Сиятельство.

– Сейчас начнётся то зачем он сюда припёрся, – подумал Андрей и оказался прав.

Халед поинтересовался у Палия сколько времени займёт обучение танковых экипажей. Но, узнав, что учёба займёт

пол – года, поморщился и покачал головой, цокая языком. Немного выдержав театральную паузу, и сделав скорбное лицо, глава государства поведал нашим офицерам, что столько времени у правительства нет. На северных границах активизировались непримиримые, и вот – вот могут захватить автомагистраль, ведущую из порта столицы вглубь Африканского континента, и надо бы нанести удар там, но пока ещё не решён вопрос с коалицией ФВЕД здесь – на южных рубежах.

Немалую прибыль правительство получало за счёт эксплуатации порта и автомагистралей, проходящих через всю территорию страны. Богатая Эфиопия разгружала в джибутийских портах свои танкеры с нефтью, бензином и дизельным топливом, а потом перевозила всё это богатство на свою территорию в автоцистернах. Полковник Палий предложил, как вариант, ускоренные курсы обучения механиков – водителей, всего за три с половиной месяца, при условии, что курсанты до этого водили гусеничный трактор.

Глава государства внимательно выслушал полковника и заметил, что подбор таких людей займёт какое-то время, а вот его-то как раз и не хватает. Но у вождя всех джибутийцев есть встречное предложение. Мистер Президент предлагал господам офицерам самим сесть за рычаги управления и системы ведения огня танков и БТРов, прокатиться до вражеского Гуэлиля и раскатать его, нахрен, в блин вместе со всеми кто попадётся под танковые траки, в назидание всяческим недоделанным повстанцам. Ну, а за оказанную услугу

Великой Джибути, Халед обещал озолотить всех участников рейда, вручив им, аж, по десять тысяч американских денежных знаков каждому.

Было видно, как сразу стал активно потеть Пётр Васильевич. Не хотел бы Андрей сейчас оказаться на месте полковника. Советникам строжайше было запрещено участие в местных военных конфликтах на чьей-либо стороне, и даже оружие им было не положено по статусу. Правда Палий выбил у атташе "Макарыча" (пистолет ПМ) для себя и семь укороченных "Ксюх" (АКС-74У) – по одному на каждую рабочую боевую машину. И ещё по три снаряжённых магазина к каждому автомату, с условием, что при передаче техники в пользование джибутийской армии всё оружие останется в бронетехнике на своём месте, где и положено ему быть по штатному расписанию. Но, понятное дело, пока что автоматы и снаряжённые магазины все ребята таскали с собой – так спокойней и безмятежней сон на чужбине.

Пётр Васильевич попытался объяснить Его Президентскому Величеству, что они всё-таки технические специалисты, и тут есть очень большая разница между двумя действиями: в бой идти, или гайки крутить. Но все аргументированные доводы не действовали на Халеда. На всё эти объяснения у него один контр довод: "Воин – он всегда воин, только он не всегда на войне". Похоже, глава Джибути вполне естественно и совершенно искренне недоумевал – почему же эти русские выпендриваются. Денег он предложил, по джи-

бутийским меркам, очень даже прилично. В армии Джибути офицеры и за год столько не получают, а тут куча денег всего-то за одну атаку.

Вся армия этой страны держится на вознаграждениях, и нет никаких сомнений, что если бы повстанцы заплатили бы его солдатам и офицерам больше чем Халед, то вся джибутийская армия в полном составе перешла бы на сторону мятежников. Это Африка, здесь кто платит – тот и заказывает музыку. Пришлось полковнику свой отказ озвучить в более резкой форме. Палий заявил, что без приказа своего командования он за рычаги не только сам не сядет, но и не пустит ни одного своего офицера, поскольку именно он ответственен за жизнь и здоровье вверенных ему людей. Как только переводчик закончил перевод слов полковника, Его Президентское Величество в упор посмотрел в глаза Палию и вдруг, на чистейшем русском, с небольшим акцентом, произнёс,

– Это твоё последнее слово? Ты хорошо подумал полковник?

– Да, господин Президент. Разрешите связаться с российским посольством, – только что и нашёлся сказать Пётр Васильевич.

Но Халед будто его не слышал вовсе, и через переводчика сказал, – Люди для обучения придут завтра. Через два месяца они будут штурмовать Гуэлиль, выучатся они мастерству танкистов полностью или нет – это неважно. – Затем

резко встал, тем самым показывая, что разговор окончен, потом сделал два шага к выходу, резко остановился и ни на кого не глядя сказал менторским тоном по-французски,

– "On ne lance pas de pierre quand on vit dans une maison de verre".

– Личный переводчик Его Президентского Сиятельства рванул к двери со скоростью зайца улепётывающего от своры гончих, забыв про свои профессиональные обязанности, и распахнул дверь перед своим повелителем, склоняясь в вежливом поклоне. Советники стали с грохотом подниматься со своих мест, а Хасан ибн Халед, по-прежнему ни на кого не глядя, быстро вышел в открытую дверь.

На улице послышались громкие команды по-французски, послышалась разноголосица заводящихся автомобилей, и через три минуты весь этот гомон стал удаляться от общезнания советников. Все головы повернулись к нашему переводчику Сергею.

– Ну, и..., обратился к нему ближайший офицер – танкист, друзья называли его Лёхой.

– Что? – захолопал глазами Серёга.

– Серёга, не тупи. Чего этот павиан на прощанье сказал-то? А?

– Да, пословицу французскую выдал. Приблизительно переводится: "Не бросай камни, если живёшь в стеклянном доме".

– Вот сука, – негромко сказал кто-то из танкистов.

Глава 4

Да – а, нечасто господин Хасан ибн Халед получал отказы в своих просьбах, и все эти завуалированные угрозы в виде поговорки действовали на всех россиян угнетающе. У входа в общежитие постоянно дежурил джип с охраной четыре – пять человек. Солдаты охраны говорили, что их сюда послал комендант военного лагеря, чтобы охранять советников от местных жителей, если те вдруг захотят заглянуть в дом с целью чего-нибудь стащить, что случается нередко в разных африканских странах. Что ж может быть и так. Но время потихоньку шло, а ничего паскудного не происходило, и постепенно люди стали успокаиваться.

На следующий день пригнали на обучение курсантов, и сразу же у всех появилась масса работы с личным составом. Переводчик был всего один, поэтому лекции читали сразу всем: или стрелкам – наводчикам, или собирали всех вместе мехводов (механиков – водителей), а полковник Палий зачитывал будущим командирам танков основы стратегии танкового боя. Красовский с Толей еле вырвали Серёгу у танкистов для того чтобы Толик смог научить своих подопечных управлять бронетранспортёром, а Андрей разъяснить башенным стрелкам их обязанности.

Со стрелками проблем не было. Практически у каждого живущего в деревне мужчины был автомат Калашникова или

французский автоматический карабин (наследие колониального прошлого). Оружие дарилось отцами своим сыновьям на совершеннолетие – это лет в пятнадцать приблизительно, и хотя патроны стоили достаточно дорого, все джибутийцы к двадцати годам становились просто "Ворошиловскими стрелками". Конфликтов между племенами или деревнями было хоть отбавляй, поэтому стрелковая практика у простых джибутийцев была постоянно. Оба башенных стрелка Ясер и Фатлах очень быстро освоили КПВТ калибра 14,5 мм, и на стрельбах на импровизированном полигоне в пустыне показывали просто феноменальные результаты, а вот с водителями Толик намучился в обучении.

Люди в Джибути в основном живут довольно бедно, и автомобиль позволить себе может далеко не каждая семья, особенно из деревень, откуда и набирали новобранцев. Городские жители и жили богаче, и работы в городе было больше, чем в глубинке, поэтому в армию они не очень-то рвались. Хорошо, что пустыня это не узкий горный серпантин и не лесная дорога с ёлками по обеим сторонам – крути баранку в любую сторону куда хочешь, всё равно никуда не врежешься, а перевернуть двадцати тонную машину – это ещё постараться нужно, хотя Андрею приходилось видеть и не таких "умельцев". Поэтому Толик выкатывал БТР подальше от казарм в пустыню, втыкал в песок вешки, сажал за руль ученика, и они вместе катались от вешки к вешке. У танкистов дела шли похожим образом. Они отгоняли танки подальше

друг от друга, и сажали за рычаги учеников.

Время шло, началась календарная зима. Ночью стало даже относительно прохладно около плюс двадцати градусов, днём около тридцати – тридцати пяти. Джибутийцы явно мёрзли и надевали на себя тёплые вещи, ну а россияне задышали полной грудью, можно сказать, воспрянули духом, появился аппетит, люди стали больше шутить, улыбаться. Правда активизировались насекомые, которых в Африке великое множество, а особенно досаждали людям разнокалиберные мухи, их было всегда огромное количество, были они просто вездесущи и ужасно надоедливы.

Наверное, в Джибути был своеобразный рай для какого-нибудь фанатичного энтомолога, и этот гипотетический учёный запросто мог бы написать настоящую диссертацию, в нескольких толстенных томах на тему "Эти мерзкие мухи Джибути". Но к великому сожалению учёные вряд ли скоро попадут на задворки этой страны, и сей величайший труд так и останется не написанным. Но мухи действительно очень сильно досаждали россиянам, они запросто прокусывали кожу до крови, и пока не заклеишь пластырем место укуса, мухи не отставали, а на место убитой твари тут же прилетали две – три новые, а кусались они очень и очень больно. Потом ещё переводчик Серёга подлил масла в огонь, рассказав историю об одном виде африканских мух, которые откладывают яйца в уши и нос человека, а потом оттуда выползают белые личинки, и человек от боли сходит с ума. После этой

истории все стали спать, закрывая лицо полотенцем.

Но все офицеры понимали – скоро конец всем мучениям, потому что кончались два месяца, отведённые Халедом на подготовку экипажей. Командующий военным лагерем майор Ашраф Багаутдин через день подходил к Палию и спрашивал о том, когда же экипажи будут готовы штурмовать Гуэлиль. Наконец, в один прекрасный день Багаутдин подошёл к полковнику и сказал, что он только что прибыл из столицы, где встречался лично с президентом, и Великий приказал ему в трёхдневный срок организовать наступление на мятежников. На это Палий ответил, что и техника и люди ваши, а мы только готовим их к бою, поэтому все боевые действия планирует ваше командование. Вот только Палий попросил джип в своё пользование на день, и одного местного жителя, чтобы съездить на разведку к Гуэлилю, посмотреть, что там да как, и, может быть, дать несколько дельных советов танковым экипажам.

На эту просьбу майор ответил, что завтра с утра машина с полным баком и проводником будет подана к дверям общежития советников. Похоже, что этой просьбе джибутиский майор очень даже обрадовался. Вечером в общежитии Палий собрал офицеров, и попросил добровольцев сопровождать его в поездке к городу мятежников, но желающих особо что-то не нашлось. У всех уже было чемоданное настроение, все уже грезили возвращением в посольство, где им была обещана неделя отдыха, и выдача, частично в валюте, за-

рабочих денег. Наконец-то походы по местным рынкам и магазинам, а по возвращении в Россию два месяца отпуска и выдача очень неплохого, по российским меркам, вознаграждения за служебную командировку в эту треклятую страну. А здесь нужно тащиться по жаре к передовой, да и мало ли что в пути может случиться. Красовский подал голос,

– Пётр Васильевич, не волнуйтесь. Сгоняем, осмотрим местность. Всё сделаем.

– Можно я с вами поеду. Могу за руль ... – Это Толик решил, видимо считая, что не годится отсиживаться в тылу, когда твой напарник к передовой поедет вместе с начальником.

– Спасибо ребята. "Ксюхи" возьмите на всякий пожарный. Серёга, дорогой, ты нам нужен. Как мы без тебя общаться-то с аборигенами будем?

– Пётр Васильевич не могу я, – занял плаксивым и тягучим голосом переводчик.

– Диарея у меня разыгралась не на шутку. Я от горшка и на десять минут не могу отойти, а уж куда-то ехать вообще жуть – жуткая, и думать боюсь. Да я с вашим аборигеном здесь в машине у входа в общежитие переговорю, он вам направление и повороты будет потом руками показывать. Ой ...! Я сейчас ... – Лицо у Сергея за секунду сделалось серо-зелёного цвета, и он пулей вылетел из актового зала.

– Ну и ладушки, – подвёл итог Палий. – Всё пока вроде бы порешали. Всем спать.

Глава 5

На следующий день в восемь утра громадный, высоченный лендровер, с явно лифтованной подвеской, стоял у входа в общежитие, а на заднем сидении сидел человек в пятнистой военной форме песочной расцветки без знаков различия. Но, в отличие от солдат армии Джибути носящих кепи, на голове у него был берет тёмно-зелёного цвета. Серёга – переводчик был уже здесь, и о чём-то очень громко с гортанными, визгливыми интонациями разговаривал с проводником. Подошли к автомобилю Толик и Андрей с автоматами через плечо, да Палий с биноклем в жёстком футляре на шее и с кобурой на поясном ремне. В кобуре тускло отсвечивала рукоять "макарыча". Все поздоровались. Военный в камуфляже слегка кивнул головой. Андрей определил национальность проводника как араба или потомка арабов, которые в древние времена захватывали тут в Джибути всё и вся.

Это Абасс, – сказал вместо приветствия Сергей, – во всяком случае, он просит так его называть. Он служит в подразделении, которое занимается сбором разведданных в армии Джибути. Он покажет вам дорогу к Гуэлилю.

– Ты это ... Скажи ему, что нам нужно остановиться в двух – трёх километрах от города, да так чтобы нас не видно было, а то прямо к повстанцам в лагерь прибудем. – Сергей опять заговорил на фарси, но со странными визгливыми ин-

тонациями.

– Хуб, – уверенно сказал Абасс, потом слегка качнул утвердительно головой.

– Он говорит, что всё понимает, и всё сделает правильно, не сомневайтесь, – перевёл Сергей.

– Ну ладно. Тогда поехали что ли. – Подвёл итог Палий.

Толик запрыгнул в водительское сидение, отдав автомат Андрею. Палий сел к арабу на заднее сидение, а Красовский к Толику на переднее пассажирское сидение. Абасс был молчалив, и действительно показывал направление движения для автомобиля рукой. Выехали на широкую, относительно ровную дорогу – что-то типа местной магистрали. Абасс закрыл от пыли нижнюю половину лица шейным платком, и вроде бы задремал. За открытыми окнами автомобиля проплывал однотипный пейзаж – солончаковая красная песчаная пустыня, вид которой не менялся сотни тысяч лет. Солнце поднялось повыше и начало в миллионный раз прожаривать песок пустыни. На дороге в низинах появились миражи – целые моря и озёра не существующей воды. Опять вездесущая красная пыль заскрипела на зубах.

Ехали молча. Из-за шума двигателя и довольно громкого шуршания колёс по песку, особо не поболтаешь, но Андрей думал о том, что надо всё-таки как-то поговорить о нынешней ситуации с полковником, но при этом не раскрывать своего статуса. Красовский прекрасно понимал, что пока все они занимаются своим делом, и обучают экипажи бо-

евых машин, с россиянами ничего не случится, но вот после окончания занятий их жизни резко упадут в цене. Тут надо держать ушки на макушке. Прошёл час равномерной дороги. Толик дорогу не знал, поэтому ехал ровно, спокойно, не газуя но, и не нажимая на тормозную педаль лишний раз. Красовский, от монотонности движения стал клевать носом, но вдруг Абасс, которого Андрей считал спящим, неожиданно заговорил.

– Явош, – чётко сказал он, и показал знаками, что надо ехать ещё медленней. Потом он стал вглядываться в дорогу. Внешне дорога ничуть не изменилась, а за пределами дороги как была нескончаемая красная пустыня, так она и простиралась далее, но проводник был явно другого мнения как о самой пустыне, так и о ориентировании в песках в целом.

– Раст! – громко сказал он и показал рукой поворот направо.

Свернули и проехали ещё около километра. Заехали между двух огромных дюн размером с пятиэтажку, здесь Абасс показал знаками, что надо остановиться и заглушить двигатель. Так и сделали, потом все полезли из машины. У Араба оказался хороший большой бинокль, который болтался всё время на шнурке под мышкой с боку и совершенно был незаметен со стороны. Андрей решил, что надо за этим арабом приглядывать, мало ли что он там ещё в одежде прячет. То, что у этого араба был небольшой пистолет в кобуре на поясе, Андрей заметил ещё в самом начале поездки, но Абасс раз-

ведчик, и у него должно быть оружие. Правда, Андрей знал один психологический трюк с оружием. Держишь у всех врагов на виду, скажем, пистолет в кобуре. Враг спокоен, потому что видит оружие у тебя к бою не готово, а значит волноваться нечего, а ты рывком вынимаешь из рукава малогабаритный, пятизарядный, уже с патроном в стволе ОЦ-21, бац – бац, и ты хозяин положения.

Залезли всей компанией на гребень громадной, застывшей песчаной волны, аккуратно высунулись, и вот он посёлок – как на ладони. Этот посёлок был точной копией Мулуда. Те же убогие домишки разбросанные тут и там, кривые, узкие улочки, крыши из соломы, кругом песок и мусор, перегоняемый с места на место ветром. Единственное отличие от того посёлка где жили советники – это блокпост на въезде в деревню. По обеим сторонам от дороги были сооружены укрепления из мешков с песком, уложенные таким образом, что образовывались амбразуры для стрельбы, обращённые в сторону дороги. Саму дорогу перегораживал дохленький, полосатый шлагбаум, окрашенный в красно-белые цвета, а вот чуть в стороне располагались артиллерийские позиции, на них две коротко – ствольные пушки, направленные на дорогу под углом. Андрей попросил у Палия бинокль, и внимательно осмотрел орудия, потом навёл бинокль на блокпост, а затем осмотрел окрестности. Отдал бинокль полковнику и жестом показал, что спускается к машине. Палий последовал за ним, а араб и Толик остались на гребне осматривать

окрестности посёлка. Дошли до лендровера и Палий тихонько спросил Андрея,

– Ну как? Что скажешь Андрюша? Полковник был гораздо старше Андрея, поэтому спокойно обращался к нему по имени.

– Да что тут сказать Пётр Васильевич. С кем тут танками-то воевать. Две пушки древние, похоже, времён второй мировой, наверно французские, стволы короткие – это явно не гаубицы, так что броню танков вряд ли возьмут. Блокпост и тот не из бетонных блоков, а из мешков с песком. Этот блокпост развалится от первого точного попадания. Мне представляется такая стратегия: танки перестроятся в линию перед городом за пару км до него, с расстояния в километр пусть открывают огонь по орудиям, а потом переносят огонь на блокпост. Вот и вся премудрость. Только в посёлок пусть не суются, там улочки узкие, кривые – могут и гранату из-за угла сунуть в моторный отсек. Единственно надо опасаться гранатомётчиков с РПГ, но если ближе километра танки подходить к посёлку не будут – то и гранатомётчиков бояться нечего. Я надеюсь, что ПТУРСов у повстанцев нет. Во всяком случае, так Багаутдин говорил. А в посёлок пусть десант идёт, броне там делать нехрен – только танки погубят. – Пока Андрей говорил, Палий тихонько кивал головой, как бы соглашаясь с идеями Андрея, а потом посмотрел разведчику в глаза и спросил,

– Слушай, Андрюха, а ты участвовал ...?

– Да пришлось немного, – ответил Андрей, проклиная себя за болтливость.

– Мне тоже пришлось ... хм ... немного, – сказал Палий и закурил сигарету. Немного помолчал, смотря под ноги, а потом сплюнул на песок и продолжил,

– Я думаю тоже, что и ты Анрюша. Чего тут танками воевать? Есть у меня подозрение, что Халед хочет просто жути нагнать на неприятеля. Устроить на примере Гуэлиля показательную порку. Понимаешь? Вот, мол, со всеми так будет, кто супротив меня пойдёт, а может быть хочет этих повстанцев выкинуть на территорию Сомали. Граница-то она тут неподалёку где-то. Ведь тут у них бардак полный – никто границы страны не стережёт, да и вся служба тут у них поставлена через одно место. Вот и эти повстанцы, – Палий показал рукой с сигаретой в направлении Гуэлиля, – такие же расзвездяи, как и джибутийские вояки. – Полковник глубоко затянулся сигаретой, тут же закашлялся, бросил сигарету в песок, наступил на неё и сказал,

– Вот чёрт, и на зубах и в глотке песок один. Скорее бы домой, надоело всё уже, блин.

– Пётр Васильевич, я с вами как раз о возвращении переговорить хотел.

– Да, Андрей, слушаю, – сказал Палий, и покосился на араба с Толиком, по-прежнему, лежащим на вершине бархана.

– Пётр Васильевич, вы помните, как Халед на прощание

нам туманно так угрожал?

– Да как забыть. Часто думаю об этом. Одна надежда, что не посмеет он нас тронуть. Не захочет он ссориться с Россией, ведь танки и другая наша техника у него не вечные – где он ещё боевые машины такого класса дешевле найдёт?

– Это так, но он может какую-нибудь пакость выдумать. Например – несчастный случай нам устроить.

– Всем сразу? Будет очень подозрительно, если сразу все советники накроются.

– Может быть, но здесь война не прекращается никогда, а на войне и не такое может приключиться.

– Хорошо, Андрей. Твои конкретные предложения?

– Ну, с начала надо в нашей общаге круглосуточное дежурство установить. Наблюдать за улицей, да и за нашей охраной на джипе. Стрелковое оружие, какое у нас есть не сдавать джибутийцам ни за что, а сдать его только нашему атташе, когда в посольство попадём.

– Будут недовольны, наверняка. Многие местные офицеры на наши "Ксюхи" слюной истекают. Сам знаешь, как у них тут к оружию относятся.

– Ничего. Перетопчатся как-нибудь. Скажете им, что не они нам оружие давали не им и отбирать, а если есть вопросы, то пожалуйста – в наше посольство обращайтесь – к атташе.

– Да, связаться бы с атташе или с нашим посольством, – мечтательно сказал Палий. – Ведь эти суки говорят, что свя-

зи со столицей у них нет, а общаются они с командованием в столице при помощи вестовых и депеш передаваемых ими. Жаль что на танках радики слабые – только друг с другом и разговаривать.

– Пётр Васильевич, не поможет тут связь. Разве что наши будут знать, что мы живы, а так ... Ведь атташе не устроит спасательный рейд через полстраны – это чтобы нас вытащить отсюда в случае чего, и эвакуационные вертушки тоже не прилетят. Нет тут у нас боевых вертолётов, во всяком случае, пока. И в рейд идти некому – войск тут у нас нет. Взвод ВДВ охраняющий посольство не в счёт. Никто посольство без охраны не оставит. Вот и выходит, что придётся нам самим как-то выкручиваться в случае чего.

– Слушай Андрей, а ты можешь один из БТРов, на котором мы ездим до казарм и обратно, сломать? Но так сломать, чтобы посторонний не понял чего сломалось, а починить всё можно было б за пять минут.

– Понял, Пётр Васильевич, сделаем в лучшем виде, не сомневайтесь. – И они пожали друг другу руки

Глава 6

Танки легко и быстро бежали по относительно ровной местности, слегка покачиваясь на торсионах подвески, развернувшись в неровную шеренгу и оставляя за собой пыльно-песочный шлейф, рассеивающийся и оседающий где-то там далеко – далеко в пустыне. Даже здесь – в нескольких километрах от места атаки было слышен мощный гул дизельных двигателей мощностью в восемьсот лошадей каждый, и характерное взрыкивание танковых моторов при перегазовке. Палий, Андрей и Толик опять лежали на верхушке всё той же песчаной дюны. Прошло два дня после разведывательной поездки с Абасом. Только теперь они наблюдали танковую атаку джибутийской армии во всей красе, и без лишних глаз и ушей. Автоколонна с отрядом зачистки отстала по дороге, предоставив танкам первыми сказать своё веское слово. Было хорошо видно, как засуетились защитники Гуэлиля: забегали расчёты орудий, подавая боеприпасы на позицию, на блокпосте заметались фигуры, занимая стрелковые ячейки, но Палий и Андрей понимали, что от фугасных снарядов, выпущенных из танковых орудий, вряд ли кто спасётся, если джибутийские танкисты сделают всё правильно, так как их и учили. Первыми не выдержали новоиспечённые танкисты, и сначала один танк, а потом и все оставшиеся открыли стрельбу из башенных орудий в сторону оборо-

няющихся.

Палий не выдержал и выругался, – Вот придурки, твою жеж мать. Сказал же: "С хода не палите – у вас опыта такого нет. Только с остановки". Ну, тупицы. -

Снаряды из-за большого расстояния до цели, и неверного угла прицеливания легли куда-то в сторону от деревни, в пустыню, – никому не причинив вреда, и только один снаряд разорвался в группе небольших домиков на окраине посёлка, разметав те до основания. Танкисты, увидев, что они палят в белый свет, прекратили бесполезную стрельбу и добавили немного скорости. Где-то в километре от окраины городка танки остановились, и начали планомерный обстрел позиций противника, но начали почему-то с блокпоста. Этим незамедлительно воспользовались вражеские артиллеристы, открыв беглый огонь по танкам, и хотя снаряды пока ложились с недолётом до бронетехники, скорострельность стареньких орудий была просто феноменальной. Наконец-то танкисты заметили орудия, и все пять танков стали долбить по позициям пушкарей. Орудия и их позиции исчезли в облаках разрывов фугасных снарядов, поднимающих в воздух тонны песка и пыли.

Даже на таком удалении советники чувствовали всем телом мощь далёких разрывов. Тум – тум – тум – глухо бубнили разрывающиеся фугасы, и песок пустыни вздрагивал на много километров вокруг. Казалось будто громадные, невидимые и злющие великаны где-то там далеко за горизон-

том, в бессильной ярости, молотят огромными кулачищами по земле. Наконец танки закончили терзать то место где когда-то стояли пушки, и начали работать фугасами по городским кварталам – куда попало, так, особо не целясь. Домики, сложенные из глиняно-соломенных кирпичей разлетались как игрушечные от ударной волны фугасного снаряда. В разных районах посёлка начались пожары. Наверное, танки могли бы и полностью сравнять с землёй посёлок, но количество снарядов было ограничено, а тратили неопытные танкисты драгоценный боеприпас неразумно, особенно, в начале атаки, поэтому танки прекратили обстрел посёлка, и не глуша двигателей, застыли многотонными монументами в пустыне, чётко выполняя указание: "В посёлок не соваться".

Толик оторвался от бинокля, взятого у кого-то из танкистов напрокат, и спросил лежащего рядом Палия,

– Товарищ полковник, а чего танки посёлок-то кроют, там-то укреплений нет?

– Козлы потому что, – ответил Палий и сплюнул в песок, а потом добавил, – И вот на это нас хотел подписать Халед Гнида.

– Понимаешь, Толик, – вступил в разговор Красовский, – По местным понятиям – если жители этого посёлка пустили без боя повстанцев, значит, они сами враги и с ними можно обходиться как с предателями. То, что там ещё живут дети, женщины и старики – нихрена для местных вояк не значит –

так пустое сотрясение воздуха, а сколько там народа погибнет при обстреле – никого не волнует. Да, Толя, такая вот теперь война. А вот и рейдерский отряд пожаловал. -

На дороге ведущей к посёлку показалась колонна десанта джибутийской армии, возглавляемая советским БТРом просто обвешенным десантом, как новогодняя ёлка игрушками, за ним ехала целая колонна из разномастных джипов штук сорок – пятьдесят, а в конце колонны ковылял французский, древний грузовичок "Рено", набитый солдатами под завязку. Вся колонна остановилась у разрушенного блокпоста, и солдаты посыпались из машин во все стороны как тараканы, чего-то крича во всё горло и стреляя непонятно куда из автоматов.

– А чего они орут-то? – поинтересовался Толик.

– Да уж известно чего – "Алл-а-а-ях Акбар" – орут, – угрюмо ответил полковник.

– Они такими воплями поднимают себе боевой дух, а заодно жути на врагов нагоняют, – пояснил Красовский, и вдруг перед глазами опять встала всё та же картина, которую он уже начал забывать, и которая терзала его почти каждую ночь, сразу же после возвращения из первой командировки в Чечню. Штурм Грозного. Первое января девяносто пятого года. Красовский и ещё шестеро бойцов, сидят на полу в одной из комнат бывшего жилого дома, теперь уже без окон (вылетели вместе с рамами от близких разрывов, после арт-подготовки).

На перекрёстке улиц Комсомольской и Рабочей реактивная граната влетела под тупое рыло БТРа, убив водителя и двух солдат в десантном отсеке. Красовский уцелел лишь потому, что во время попадания гранаты, находился на месте стрелка – оператора почти в середине транспортёра, а теперь БТР-80 стоит, уткнувшись носом в стену этого же дома, где спрятались уцелевшие солдаты и Красовский, и коптит чёрным, жирным дымом. Иногда порывы ветра задувают клубы этого дыма в комнату, и тогда становится совсем нечем дышать. Но это не главное, а главное это то, что за стенами, там внизу, бесятся "чехи" орут в несколько глоток своё "Аллаху Акбар", и стреляют длинными очередями в проёмы окон, да так что и головы не поднять. Пули влетают в помещения, высекая искры из бетона, рикошетируя от потолка и стен. Маленькие кусочки этого бетона, штукатурки и краски постоянно осыпают солдат дождём из строительного мусора. Кто-то из солдат воеет на одной ноте дурным голосом, ещё один вроде как молится.

Тогда первый раз в жизни Красовский и почувствовал этот предупреждающий смертельный холод на спине между лопаток, словно кто-то вылил стакан холодной воды за шиворот сзади, захотелось передёрнуть лопатками и растереть занемевшую спину. Потом, гораздо позднее, побывав во многих переделках – это предчувствие смертельной опасности не раз спасало ему жизнь. Иногда это чувство возникало тогда, когда ещё ничего не предвещало смертельной угрозы, но

это предчувствие уже заставляло Андрея быть осторожней и вести себя очень осмотрительно, взвешивая каждый свой шаг.

Потом воспоминания о том дне поблекли, стали прозрачными, какими-то ненастоящими. Вообще он часто видел всю эту картинку как бы со стороны: себя сидящего на разбитом полу, солдат жмущихся к стенам, но и одновременно чеченских ополченцев там за стеной на улице, одетых в пальто, пыжиковые шапки, да тренировочные штаны с кроссовками на ногах. 'чехи', не жалея патронов хлещут автоматными очередями по проёмам окон в каком-то диком исступлении, похожим на боевое безумие. В тот раз ему просто невероятно повезло – его не убили и даже не ранили, но впереди были ещё двое суток боёв в полном окружении, невероятный прорыв с боем к своим, а кругом была смерть, смерть, смерть... В те дни Андрей видел только смерть и ужас. После пяти дней непрерывных боестолкновений в Грозном не осталось ни одного целого дома, а сам город был очень похож на Сталинград после завершения боёв в 1943 году. Из этих жутких, липких воспоминаний Красовского выдернул голос Паляя, который спросил у Толика,

– Толя, а ты какого болта в эту командировку напросился? Дело-то вроде добровольное.

– Ну, как и все, наверное, Пётр Васильевич. Хорошее жалование здесь обещали, да и выплаты сразу после завершения командировки. Ведь у нас в Забайкальском В. О. (В.О. –

Военный Округ) за последние три месяца жалование задерживают, хорошо ещё, что сухпай регулярно выделяли, а то чего хавать-то – непонятно. Да потом ещё комбат наш интересно так Африку расписывал. Он в своё время сюда какие-то грузы сопровождал. А потом он говорил, что, мол, нужно протянуть руку помощи джибутийскому народу ... Ну и всё такое ... А ребята говорили, что смотаешься туда, гайки покрутишь и всего делов-то, не на войну же, а технарём – это самое то. Ну, и заграница всё-таки. Когда я ещё из Сибири выберусь?

– Толя, а чего ты в ваше рязанское высшее училище ВДВ не постарался попасть, ну хотя бы технарём? Ты же из Рязани вроде? – поинтересовался Красовский.

– Что вы, Андрей Семёнович, да как туда попадёшь-то? Туда только дети военачальников попадают, особенно на преподавательскую работу. Ведь за них отцы хлопчут, а я-то детдомовский. Кто за меня слово скажет? Вот и отправили меня за Байкал.

– Значит, говоришь: " ... протянуть руку помощи"? – задумчиво сказал полковник.

– Да не я, а комбат наш.

– Как бы нам руки-ноги-то не обломали за нашу помощь, – угрюмо проговорил Палий.

– Товарищ полковник, у меня вопрос есть. Можно?

– Валяй, Толян.

– Почему мы до сих пор никаких животных не видели?

– Чего-о-о?

Ну, всяких животных африканских: львов, зебр, жирафов там ... – Толик замылся, увидев каким взглядом, смотрит на него Палий.

– Да не осталось у них тут никаких животных. Давно сожрали всех. Одни макаки и остались. Вон они с автоматами по пустыне бегают – друг в друга пуляют. – Палий мотнул головой в сторону наступающих.

– Шутите товарищ полковник. Я сам по телевизору видел, что в Африке и зебры есть и антилопы, и слоны даже.

– Толя, дорогой, понимаешь все эти животные: слоны и бегемоты, остались только в национальных парках, где их охраняют правительственные войска на заграничные деньги разных благотворительных организаций, а в дикой природе они просто не сохранились. Голодуха тут у людей и нищета беспросветная. Поэтому всех диких зверей и извели полностью. И потом. Все эти экзотические звери живут в районе саван, а у нас здесь в основном солончаковые пустыни, в которых крупнее скорпиона твари нет. Не выживает тут никто. Понятно?

– Понятно, товарищ полковник, – с грустью в голосе сказал Толик.

– Жаль всё-таки, что львов тут нет. Ребятам потом нечего будет рассказать, когда домой вернусь.-

Тем временем ход боя явно изменился. Пехота вошла в посёлок и встретила яростное сопротивление повстанцев.

Где переждали отряды сопротивления артобстрел, непонятно. Может они находились в дальних районах посёлка, куда снаряды почти не долетали, а может просто сидели во время обстрела рядом с посёлком в пустыне. Между двумя такими же дюнами можно наверно не одну роту спрятать. Тем не менее, перестрелка набирала обороты. Палий обернулся к Андрею и сказал,

– Знаете ребята, надоело мне на этих сраных вояк смотреть. Техника наша отработала в бою на все сто, претензий никаких быть не должно. Поэтому поехали мужики отсюда к себе в общагу. Эх, шас бы водочки ледяной, да огурчика солёного с хрустом, прямо из запотевшей трёхлитровой банки.

– Эх, Пётр Васильевич, не травите душу, где всё это среди этих красных пустынь-то найдёшь? – ответил Красовский.

– Ну, среди песков-то точно – нет, а вот в посольстве у меня припрятана контрабандная фляга со спиртом. Так что как только доберёмся до своих в столице, – милости прошу к нашему шалашу, в мой кубрик. Там и отпразднуем наше возвращение ребята. Да, ну и, в конце – концов, что же мне одному, что ли спирт лупить. -

Андрей хотел было сказать, что загадывать наперёд – примета плохая, но потом передумал и сказал просто,

– Ну что ж, ловим на слове Пётр Васильевич. Как только прибудем в посольство, отмоемся, и мы у вас. Да, Толян? -

Толик улыбнулся в ответ своей фирменной виноватой улыбкой.

Глава 7

– Андрей Семёнович вставайте, – над Красовским стоял Толик с озабоченным лицом, тактично положив руку на плечо, но не тормозил. Андрей открыл глаза и сразу понял: "Вот оно. Случилось, то чего опасались". – По спине, между лопаток растекался знакомый, противный холодок и хотелось передёрнуть плечами.

– Скоро буду как бабка ясновидящая как там её ... Янга или Нанга, – подумал Красовский.

– Заломило в затылке – всё, жди миномётного обстрела своих позиций. А заныло в паху – то точно попадёшь в засаду. Ну, а ежели печёночные колики одолели – бомбёжки на свою голову не избежать, однозначно. -

Вчера Красовский чуть ли не буквально осязал опасность, повисшую в воздухе, особенно после визита майора Багаутдина. Майор прибыл лично, да ещё с адъютантом, и через Серёгу всё пытался выяснить – ну почему же БТР не заводится, ведь до этого места-то он доехал. На все вопросы Красовский отвечал, что нужны запчасти, которых здесь нет, а некоторые нужно заказывать в далёкой России. Майор был очень недоволен. Он загнал криком и подзатыльниками своего адъютанта в БТР, чтобы тот удостоверился в том, что машина мертва. Адъютант долго крутил стартер, да так долго, что Андрей начал уже переживать о том, что этот чёртов адъ-

ютант переусердствует, да посадит аккумулятор, и что потом технику можно будет завести только с тягачом, а все известные тягачи в округе, способные тянуть по песку двадцати тонный БТР, у джибутийской армии. Наконец адъютант перестал мучить кнопку стартера, вылез весь мокрый от пота (надо заметить, что потеют джибутийцы нечасто) с виноватым лицом, и беспомощно развёл руки в стороны. Толик увидел, что майор в бешенстве, и улыбнулся своей фирменной улыбкой: "Мол, извините, так уж вышло", хотя именно Толик и удалил оба резистора из бегунков, в распределителях зажигания на обоих двигателях. На шум и перепалку рядом с бронетехникой, вышел Палий.

– Что вы тут разорались, как бабы на базаре? – сказал он.

– Да вот местные тут переживают, что техника не заводится, ни хрена, – с невинным видом ответил Андрей.

– Да – а, техника в руках дикаря – кусок металла, – изрёк банальную истину полковник, и добавил в сторону Сергея,

– Это переводить не нужно. Скажи ему пусть не ссыт. Технику не бросим, подцепим к танку и отбуксируем в столицу в лучшем виде, а там уж разберёмся. -

Потом поздоровался с Багаутдином за руку, и через Сергея поинтересовался у него, как закончилось стремительное наступление доблестной джибутийской армии, и когда же советники смогут попасть в своё посольство, ведь свою часть договора они выполнили полностью. Майор поведал о том, что зачистка Гуэлиля протекала не так гладко, как предпо-

лагалось изначально, и они потеряли убитыми двадцать пять солдат, но майор был расстроен не этим, а тем, что зачистку посёлка так до конца и не довели. Пришлось отступить, и об этом придётся докладывать самому Верховному лично, а за такие косяки в работе Его Величество мог и сабелькой рубануть (говорят, были прецеденты). Сабля-то она только с виду декоративная, такая вся беленькая да рукоять в брильянтах, а на самом деле очень даже настоящая: клинок – великолепная дамасская сталь, прекрасной закалки и остроты немалой.

– Кисточки на рукояти сабли видели? Каждая кисточка – это голова врага, – рассказывал Багаутдин, гипнотизируя борт бронетранспортёра. Андрей подумал, что всё это, скорее всего, джибутийский фольклор – этакие местные страшилки, которые, для пущего воздействия, надо рассказывать в полночь. Но кто знает все эти забавные местные обычаи, кто знает ...

Да, но были и неплохие новости для россиян. После аудиенции у Сиятельного, на которую Багаутдин отправляется завтра же, скорее всего всю военную технику и советников перекинут в столицу, потому как непримиримые на севере страны «вконец оборзели», перекрыли главную автомагистраль, и теперь грабят все автомобили подряд. Этих разбойников, понятное дело, надо непременно размазать траками танков по дороге, но без приказа он не имеет права сняться с места. Война, она ведь и в Африке – война, и майор

должен исполнять приказы вышестоящего начальства, а оно (начальство) пока не давало распоряжений ни о каких перемещениях личного состава. На том и простились.

У всех танкистов было приподнятое настроение, ведь скоро в столицу, а там и домой к спасительному холодку в тени деревьев, желательно на берегу тихой речки. Потом ещё хорошее жалование, и два месяца отпуска – красота. Но Андрей чувствовал, что всё идёт неправильно. Как-то всё очень гладко, а когда всё идёт как по маслу – жди большой беды. Ну не верил он, что такой человек как Халед простит им своеволие, хоть они и не его подданные. Хасан Халед привык с детства, что все люди вокруг повинуются его воле беспрекословно как дрессированные собачки, а тут какие-то гяуры (неверные) вздумали ему перечить. К ногтю их надо, к ногтю! Да, но что он задумал? Палий видимо думал аналогично, и остаток дня ходил мрачнее грозовой тучи. А вот теперь к ночи и ответ созрел ...

– Толя, что случилось? – Андрей посмотрел на наручные часы. Было четыре часа утра с хвостиком. За окном темень, только звёзды и луна как фонарь (до уличного освещения джибутийская цивилизация ещё не доросла).

– Наша охрана куда-то смылась, и джипа нет. Когда слиняли – непонятно. Я ещё днём заметил, что они свой джип всегда напротив входа ставили, а вчера поставили на соседней улочке за углом, только решётка радиатора торчала. Ну, я подумал – в тень забрались, а оно вон как оказывается ... А

ночью жарко мне было, и что-то не спалось. Я к окну, занавеску открыл, что б, значит, воздух пошёл, выглянул, а морда джипа-то не торчит из-за угла, ну я сразу к Палию, а Палий всех приказал будить и собрать в красном уголке.

– Где – где? – не понял Андрей. Красные уголки стали убирать из казарм уже несколько лет назад.

– Ой! Это я по привычке. В актовом зале, конечно. – Толик и Андрей заспешили в актовый зал, где уже почти все собрались. Палий председательствовал, как и положено старшему по званию. Подошли оставшиеся офицеры. Пётр Васильевич обвёл взглядом весь личный состав. Насчитал пятнадцать человек. – Ну, что все? – спросил полковник.

– Да. Только Лёха остался дежурным, наблюдать за улицей, – ответил кто-то из танкистов.

– Значит так, ребята, охрана наша куда-то исчезла, то есть по-тихому покинула свой пост, нас не поставив в известность, а это говорит о многом. Во всяком случае, похоже, что все мы стали неинтересны джибутийцам, а значит и нехрен нас охранять, но тот факт что они покинули свой пост скрытно, говорит о том, что скорее всего, задумывается против нас какая-то гадость. Ждать мы эту гадость здесь не будем, а с рассветом выдвигаемся в столицу Джибути к нашему посольству. – Ответом было гробовое молчание. Офицеры готовились совсем не так прибыть в своё посольство. И кто-то из танкистов негромко спросил,

– А на чём выдвигаемся? Бэтэр-то здох.

– Андрей, Толик, сколько вам потребуется времени, чтобы завести технику? – Ответил Толик.

– Да, минут десять, наверно. Там делов-то крышки скинуть и ...

– Понятно. А боезапас к пулемёту какой, и горючки сколько? – Отвечал уже Андрей.

– К пулемёту около пяти сотен патронов в лентах, а горючки бак с четвертью, но разрешите своё мнение высказать товарищ полковник?

– Давай выкладывай.

– Нельзя нам в столицу ехать.

– Объясни.

– Халед далеко не дурак. Он наверняка подстрахуется – поставит наши же танки на подъезде и будет нас ждать.

– Так ты думаешь, что армейский лагерь уже свернули, и наши танки тю-тю, – ушли к столице?

– Нет сомнений. Ведь мы в лагере у джибутийцев уже четыре дня не появлялись, а за это время можно пол Африки проехать.

– Да, но вчера же Багаутдин приезжал.

– Приезжал, убедился, что БТР стоит памятником, сел в свой джип и укатил, а что ему мешало ехать напрямиком в столицу?

– Ну и для чего вся эта канитель?

– Я думаю, что с рассветом надо ждать наступления повстанческой армии. Ответный захват Мулуда или нечто по-

добное.

– Да, но ведь Гуэлиль-то армейцы распистонили напрочь. Неужели повстанцы так быстро очухались, и подтянули новые отряды боевиков?

– Ну, положим распистонили-то не до конца, и, наверное это единственное объяснение происходящему. Потом Халед скажет нашему послу или атташе, что, мол, извините, повстанцы неожиданно прорвались к Мулуду и положили, нахрен, всех ваших драгоценных советников. Такое иногда случается на войне. Любим – помним – скорбим. Всё, "привет семье". Давайте везите других советников, более сговорчивых. Адью. Что? Думаете, посол ему что-то возразит? Да ничего подобного. Посол-то ведь не знает о щедрых предложениях от Его Сиятельства танкистам, и об их отказе от головокружительных проектов господина президента, тоже не в курсах.

– Ну, хорошо. Почти убедил. Твои предложения.

– Прорываться в соседнюю Эфиопию через горы. – Все офицеры одновременно выдохнули, отчего по залу пронеслось мощное,

– Уф-ф-ф.

– Да ты чего Андрей? Там же сотни километров, да ещё по горам, по неизвестной территории, занятой местными племенами, которые чужаков любят кушать на ужин с чесноком. А в Эфиопии что? Думаешь, что нас встретят с оркестром? Там одни погранцы чего стоят – стреляют во всё что шеве-

лится, а если не шевелится, то расшевелят и опять стреляют.

– Ну, всё не так уж мрачно как кажется. Большую часть дороги мы проедем на бэтэре, а горы там древние, склоны пологие. Самая высокая точка – полторы тысячи метров над уровнем моря, так и не обязательно же перется через вершины. Да, можем нарваться на местных, а они постоянно враждуют друг с другом, но попробуем договориться, пообещаем за проход по их территории пару "Ксюх". Оружие в этих краях стоит дорого. Потом просто сдаёмся эфиопским пограничным разъездам. У них там наряды на джипах разъезжают – территория большая потому что, и просим вызвать кого-нибудь из российской миссии, а можем и сами прикинуться эфиёпскими советниками, российский контингент там большой. Вот просто заблудились, и всё тут – это вообще неважно. Главное чтобы они признали нашего представителя, ну а там уж ... Вот, как-то так, но по ходу дела можно и подкорректировать ... Ведь как тут всё угадаешь? -

Палий слегка задумался и сказал,

– Ты, Андрюша, только не обижайся, но твой план говно, по ряду причин, на объяснение которых я сейчас не хочу тратить драгоценное время. Но, оставим его как запасной. Значит, поступим следующим образом. Андрей и Толик прямо сейчас идут готовить БТР к поездке: заводят двигатели, прогревают машину, и не покидая жилого отсека ждут всех остальных на погрузку. Пусть кто-нибудь посмотрит за обстановкой снаружи, пока они там внутри ковыряются. Не

хватало нам ещё новых сюрпризов. Человек восемь с оружием и всей пустой тарой под воду – идут к местному колодцу. Без воды в этих краях мы долго не протянем. Да, и фляжки все наполните. Остатки сухпая грузим в БТР. До рассвета осталось меньше часа, надо успеть отчалить отсюда. По пути заглянем в полевой лагерь джибутийцев. Вот там-то всё и узнаем.

Глава 8

Лагерь был абсолютно пуст – это было заметно даже с приличного расстояния в бинокль. На шлагбауме никого. Никакого движения на территории лагеря не видно. Бронетехники и след простыл, да и вообще никакой техники не было ни на территории, ни рядом с ней. Решили подъехать поближе. Всё равно дорога шла мимо лагеря. Остановились и вышли из машины. Все офицеры, конечно же, не поместились внутрь бронетранспортёра. Семерым пришлось ехать на броне сверху. Толик был за водителя, на командирском месте рядом с водителем сидел Палий, а Андрей сидел на насесте во вращающейся конструкции пулемётной турели в башне. Место было мало, канистры с водой рассовали куда только возможно, а на месте оператора наводчика Красовскому было очень неудобно, но придётся потерпеть.

Ехать ещё предстоит долго, поэтому все вышли ноги размять и оглядеться. Правда, смотреть было особо не на что. Армия, похоже, в спешке покидала лагерь. Повсеместно на всей территории базы валялись кучи разнообразного хлама. Чего тут только не было: ящики из-под снарядов, пустые вскрытые цинки, промасленная упаковочная бумага и другой мусор. Везде пусто. В помещениях гуляет ветер. Палий подошёл к Андрею.

– Андрюш, а ты был прав.

– Так может, всё-таки, в горы рванём, а ...? Пётр Васильевич?

– Андрей ты же должен понимать, что по горам шастать – это далеко не сахар, да ещё по вражеской территории, а боевой опыт только у тебя да у меня. Людей только погубим зря. Сколько там по твоим горам в километрах будет – с одной стороны на другую?

– Больше ста, может сто двадцать. Точно не знаю. Всё зависит от того как близко сможем подъехать.

– Нет – нет, Андрюха. Через горы – маршрут на крайний случай – это если перед столицей заседают комитет по встрече. ПКВТ на бэтэре может, ох, как пригодиться в дороге, да и на броне мы гораздо шустрее будем, а в горах технику придётся бросить. -

Их разговор прервал возглас,

– Товарищ полковник! Смотрите! -

Все обернулись к дороге. Над дорогой со стороны Мулуда виднелась красноватая стена поднятой в воздух пыли. Приглядевшись, Андрей увидел целую колонну автомобилей различных марок и разновидностей, общим количеством около сорока – пятидесяти единиц, оставляющих за собой этот пушистый хвост красноватой пыли. На некоторых грузовичках, в кузовах стояли на намертво прикреплённых станинах крупнокалиберные пулемёты (чуть позднее такую машину назовут "Джихад – мобиль"). Кто пришёл с той стороны, было понятно без пояснений – это бойцы той самой

FRUD. Палий отреагировал мгновенно,

– Быстро все в машину! Толян, заводи! Андрюха к пулемёту!

Все попрыгали в БТР и на броню "согласно купленным билетам" (кто поедет внутри, а кто снаружи решали жребием – это вопрос-то далеко не праздный). Толик рванул с ходу со звоном коробки скоростей и завыванием двигателя.

– Толя, спокойней. Не рви, – посоветовал Андрей, и потом прокричал, перекрывая рёв двигателя, – Эй, на броне, посторонись! – и стал разворачивать башенку стволом к колонне автомобилей.

– Толя, как только на трассу вырулишь, сразу стоп и заводи второй двигатель, я крикну, когда трогать. Понял?!

– Понял Андрей Семёнович! Понял!

– Ты чего Андрюха придумал? Валить же надо. – Спрашивающий танкист смотрел на него широко открытыми глазами.

– Да не уйти нам по ровной дороге от джипов, а по песку – тем более. Понимаешь?

– А что же тогда ...? А ...? – Андрей ответить не успел. Толик выскочил на укатанную дорогу и резко дал по тормозам. Машину качнуло, и Красовский ошутимо стукнулся головой об броню башни. Как удержались люди на броне и не сверзились в красную дорожную пыль – было непонятно. Андрей спокойно, как на стрельбище определил приблизительное расстояние до цели – это чуть больше километра,

потом навёл ствол пулемёта на удаление восемьсот метров и нажал на спуск. Короткая очередь в четыре патрона, прогремела в тесном отсеке бронетранспортёра, ударив децибелами по ушам. Андрей увидел как над местом, куда попала пристрелочная, пулемётная очередь, взвилось облачко пыли. Удовлетворительно кивнул головой, и спокойно стал ждать. Всё тот же любопытный танкист не унимался,

– Андрюха, ты там уснул что ли? Чего ждём-то? – Но ответил вместо него полковник Палий.

– Заткнись уже? Видишь же – человек работает. -

Как только головная машина приблизилась к пристрелянному месту, Красовский открыл огонь, с упреждением, длинной очередью патронов в тридцать – тридцать пять. Как говорили классики: "Эффект был велик". Ударная сила пули калибра четырнадцать и пять – это несколько тонн, и всё это немалое давление приходится на площадь всего полтора квадратных сантиметра, да ещё следует учесть, что пуля врежется в препятствие на скорости, около, тысячи метров в секунду. С расстояния восемьсот метров, пуля такого калибра со стальным сердечником запросто прошивает блок головки цилиндров легкового автомобиля навывлет. Но, всё равно такого эффекта от своей стрельбы Андрей много лет, знавший это оружие, не ожидал.

Головному автомобилю первые пули пришлись в аккурат, в центр капота, а потом очередь перечеркнула автомобиль ровно по середине и пошла дальше, ко второй машине в ко-

лонне. Первый автомобиль просто развалился на несколько крупных и мелких запчастей, и все эти части, сохраняя скорость развалившегося автомобиля, закувыркались по дороге по разным траекториям, при этом поднимая тучи пыли и песка. Второй джип не успел уклониться от пулемётной очереди, и от массовых попаданий пуль крупного калибра – его просто перевернуло вверх колёсами, и вот в таком виде его протащило по инерции ещё метров тридцать. Зато третья и четвёртая машины успели отреагировать, и резко свернули с дороги в разные стороны, уходя от обстрела. Вот только этот манёвр их не спас. На довольно высокой скорости колёса автомобилей попали на мягкий песок. Машины занесло боком, и они закувыркались по пустыне как куча металлолома, раскидывая по сторонам запчасти, стёкла и бойцов, выброшенных через окна или раскрывшиеся искорёженные двери.

Оставшимся автомобилям в колонне удалось затормозить вовремя, и только несколько машин несильно столкнулись друг с другом, но возникла заминка и толчея. Автомобили в колонне стали разворачиваться, но делали это не согласованно, из-за чего на дороге возник затор, и именно этим-то обстоятельством и воспользовался Красовский. Нажимая на гашетку, он повёл стволом пулемёта по всей колонне автомашин, меняя угол обстрела. Потом повторил свой манёвр ещё несколько раз. Во вражеской автоколонне началась паника. Солдаты революции поняв, что на дороге их ждёт неминуемая смерть, выбегали из машин и искали укрытие в песча-

ных невысоких дюнах. Андрей хорошо видел попадания в автомобили повстанцев: вылетали лобовые стёкла, разлетались щепки от деревянных бортов, где-то в середине колонны возник пожар, и только после этого Андрей прекратил стрельбу.

Он надеялся, что хотя бы половину автотранспорта он вывел из строя, и оппозиционеры не продолжат погоню, ведь им надо ещё расчистить дорогу, собрать убитых, оказать помощь раненым. В общем, грустными делами на ближайшее время Красовский загрузил этих борцов за справедливость по полной программе, но и задерживаться на месте больше уже не имело смысла. Нельзя выпустить весь боезапас по этим революционерам и остаться без боеприпаса к КПВТ. Ведь ещё неизвестно, что ещё ждёт их впереди, да и борцы за демократию могли очухаться, развернуть свои крупнокалиберные стрелялки, а БТР-60ПБ не рассчитан на попадание крупного калибра, его броня защищает только от автоматного-пулемётного огня калибра не более семь шестьдесят два.

Забавно было ещё и то, что эта разновидность бронетранспортёра была рассчитана на защиту экипажа и десанта от лучевого поражения. Кому из офицеров командования Генштаба Советской армии пришла в голову идея отправить в Джибути технику с защитой от проникающей радиации, непонятно. Ведь танки Т-64Б тоже предназначены для ведения боевых действий в условиях радиоактивного заражения местности. Какую такую ядерную войну собирался ве-

сти СССР в этих солончаковых пустынях, теперь уже наверно мы не узнаем никогда. А может, надо было просто списать устаревшую технику, а лучшего способа, чем послать эту технику в виде военной помощи слаборазвитому государству и не найти. Вроде и технику сохранили, и предполагаемым союзникам помогли (кто знает какими там, в будущем будут приоритеты государства).

Но сейчас надо было уносить ноги. Весь транспортный отсек заволкло пороховыми газами от большого количества выстрелов, некоторые офицеры закашлялись, а уши им всем заложило грохотом пулемётных очередей. Андрей крикнул Толику сквозь вату приглушённых звуков,

– Толян, пошёл! – БТР рванул с места как гоночный болид "формулы-1". Ну, или так показалось всем офицерам, сидящим внутри железной коробки, а те, кто сидел снаружи распластались по корпусу, цеплялись за выступы на броне обеими руками.

Глава 9

После получасовой гонки по, довольно приличной, утрамбованной дороге решили всё-таки сбросить скорость и заглушить один из двигателей. Два двигателя транспортёра на полном газу буквально пили бензин, и стрелка уровня топлива прямо на глазах стремилась к нулю, да ещё и перегрев сразу обоих движков не внушал оптимизма. Решили, что всё-таки погони ждать не стоит. В глубину джибутийской территории борцы за всеобщую демократию, скорее всего, не пойдут.

После большого нервного напряжения у ребят настала душевная разрядка, поэтому люди много нервно смеялись и шутили. Ведь они выскочили из смертельной ловушки, а смерть была настолько близко, что её ледяное дыхание (если она, конечно, вообще дышит, та тётка с косой) почувствовали все офицеры. Адреналину, выработанному молодыми организмами, требовался хоть какой-нибудь выход, а почему бы ему не выйти в виде смеха и шуток.

– Ну, ты, Андрюха, и дал им просратья, – говорил тот самый танкист, который постоянно тормозил Красовского.

– Да – а уж, Андрей, ты в одиночку сделал работу за всю джибутийскую армию – распистонил, нахрен, всю оппозицию в стране, – шутил Палий.

Красовский только скромно улыбался в ответ и дымил

предложенной сигаретой, хотя вроде как бросил курить, и по приезду в Джибути до сегодняшнего дня не выкурил ни одной сигареты. Стали гонять даже анекдоты, и в другое время и при других обстоятельствах Андрей прислушался бы к рассказчикам, но сейчас было не то настроение. Постепенно все успокоились, перестали трепаться без перерыва, да и не особо-то поболтаешь в грохочущем бронетранспортёре, воюющем своими шестерёнками, карданами и гипоидными передачами. Дальше ехали пока без приключений. Навстречу им стали попадаться и грузовые автомобили, и старенькие частные джипы. Через четыре часа непрерывной езды, стало ясно, что без заправки БТР до столицы не доедет. Очень уж много пожгли топлива после расстрела колонны революционеров – это когда гнали на полном газу.

Решили искать заправку. Они, конечно же, были, но попадались на дороге, прямо скажем, не часто, и выглядели как простая автоцистерна с краном, а бензин отмеряли на такой заправке двадцатилитровыми пластиковыми канистрами. Наконец увидели подобную цистерну всю во вмятинах, и вывеску с ценой на горючку, от руки, нарисованной на картонке. Причём разновидностей бензина обозначенного октановым числом не было вовсе. Всё просто: бензин – столько-то франков за баклажку, стоящую здесь же на песке перед цистерной. Подъехали, остановились. Продавец он же и хозяин этой цистерны матово-чёрный как крышка БТРа негр, и худой как палка с белоснежным тюрбаном на голо-

ве, с немалым удивлением разглядывал БТР и белых бойцов с автоматами в коричневой форме джибутийской армии на броне. Но парень оказался не из робких. Когда с брони попрыгали ребята с оружием, чтобы размять ноги и окружили цистерну, он и бровью не повёл, а когда через Сергея он узнал, что белым солдатам надо хотя бы пять канистр бензина в обмен на патроны, он вообще расцвёл, потребовал два автомата за пять своих баклажек.

Потом продолжил отчаянно торговаться, возмущённо выкрикивая реплики на языке кочевников, хотя прекрасно понимал и по-французски. Андрею, по прежнему сидящему на своём насесте в башне, всё это порядком надоело, и он с шумом развернул свою башенку в сторону цистерны, а пулемёт опустил на самый нижний угол обстрела, так что дуло КПВТ стало смотреть почти в лицо торговцу, и перезарядил пулемёт. Торговец, услышав лязг затвора, поменялся в лице, как-то осунулся, и всем ребятам показалось, что в этот момент кожа у него стала с серым отливом. Наверное, в этой ситуации про европейца можно было бы уверенно сказать, что он побелел. Вернулся в отсек БТРа Сергей.

– Передумал чёрт нерусский. Сдулся торгаш – дал задний ход. Теперь просит по целой автоматной обойме за каждую канистру.

– Андрюха, да ты не только из пулемёта шмалять натыркался, а ещё и торговаться умеешь, – заметил Палий.

– Да, товарищ полковник, с моим большим другом, я мо-

гу с кем хочешь договориться. Его тут сильно уважают, – и похлопал ладонью по телу КПВТ.

– Да, я это уже заметил, – отвечал полковник с улыбкой.

Взяли восемь баклажек, сразу перелив их в баки. Посчитали, что горючки до столицы должно хватить с запасом. Вот только доедут ли они до столицы? У Андрея по-прежнему оставались большие сомнения на этот счёт. У бойцов демократического фронта, частично посечённых пулемётным огнём, наверняка была рация, а то что они были в стоворе с 'Великим и ужасным' господином Президентом Всея Жибути, не вызывало никаких сомнений. Так что Халед наверняка был уже в курсе всех событий, да и на самой трассе у него могли быть глаза, ведь БТР проехал уже несколько больших и малых посёлков. Проехали без происшествий ещё три часа. Жара внутри транспортёра душила невероятно. Слегка приоткрыли люки. Через пару – тройку часов должны будут показаться пригороды столицы. Дорога пошла крупным зигзагом, обходя громадные, песчаные дюны высотой с нефтяную вышку. Из-за очередного поворота на дороге, где-то в километре с гаком, показался какой-то затор. Стояли какие-то автомобили и на дороге, и рядом с дорогой в пустыне – просто какая-то беспорядочная стоянка машин. Вдруг Палий заорал во всё горло,

– Толя сто-о-о-п! Танк! – И тут же сразу раздалось до боли знакомое и ослабленное расстоянием глухое "Тум". Андрей уже и сам увидел знакомый танк, стоящий прямо на середине

дороги, и обращённый пушкой в их сторону. Из ствола башенного орудия вылетело облачко пороховых газов – это автоматика продула ствол после выстрела. Всё это произошло в какие-то мгновения, Красовский инстинктивно сжался, и тут же жажнуло грохотом разрыва фугасного снаряда. Снаряд прошёл правее бронетранспортёра на несколько метров и взорвался от удара в песчаную дюну, которую они только что обогнули. Толик уже тормозил, но ему ещё надо было развернуться. Андрей открыл стрельбу по этой хаотичной стоянке автомобилей, особенно не целясь, надеясь таким образом вывести из строя как можно больше автомобилей, чтобы отсечь предполагаемую погоню, если таковая состоится. Понятно, что танку – крупнокалиберные пули, что слону – дробина. Толик съехал с дороги, разворачивая неуклюжий БТР, и целиться из пулемёта стало затруднительно, поэтому Красовский прекратил огонь.

В тот момент, когда БТР стоял бортом к танку, раздался второй выстрел. Андрей опять инстинктивно пригнул голову, стукнувшись о механизм пулемёта. Вторым снаряд лёг с недолётом в несколько десятков метров, и только град осколков жёстко хлестанул по борту, обращённому к взрыву. Снаружи раздался вскрик. Толик замешкался, не зная то ли остановиться, чтобы посмотреть, что там с ребятами на броне, или всё-таки продолжить разворот.

– Толя, давай жми! Не стоим! Едем-едем! Если кто погиб, мы уже им не сможем помочь, а будем стоять на месте – все

поляжем. Толя, давай родной! Давай! – закричал Палий.

БТР как бы нехотя выбрался на дорогу и постепенно стал набирать скорость. Когда до поворота за ближайшую дюну оставалось метров двадцать, раздалось опять знакомое "Тум" – танк успел выстрелить в третий раз.

Снаряд с воем пронёсся мимо транспортёра в каких-то паре метров левее корпуса транспортёра, и взорвался в двухстах метрах впереди по курсу, никому не причинив вреда. Как только БТР завернул за дюну, то сразу по броне сверху застучали чем-то железным. Толя ударил по тормозам, распахнули десантные люки и двое танкистов закинули третьего в чрево тесного отсека транспортёра. Палий с ужасом и непомерным удивлением спросил,

– Это что? Все?

– Да. – Коротко и ёмко ответили двое парней. Наружу полетели полупустые канистры из-под воды, освобождая место в проходе для раненого и двух танкистов тут же усевшихся на полу между сидений.

– Толя, трогай потихоньку. Андрей присмотри там ..., – Палий поднял руку и описал в воздухе окружность. Красовский развернул башенку к корме, и стал наблюдать за дорогой. Скорее всего, стоило ждать преследования. Вряд ли джибутийцы отрядят танк в погоню – не станут рисковать, да и пьёт танк соляры куда больше чем БТР – бензина. Гораздо проще послать несколько джипов и посадить туда ватагу автоматчиков, да пару – тройку гранатомётчиков с РПГ. Тем

временем раненому оказывали первую помощь.

Аптечка в БТРе конечно же была, но только древняя – времён СССР, поэтому резиновый жгут порвался сразу же. У раненого, а им оказался балагур Лёха, была перебита осколком кость голени правой ноги, и нижняя часть голени со ступнёй болталась как тряпочная, держась только на мышцах и сухожилиях. Рана сильно кровила – надо было срочно перетянуть ногу выше колена. Вместо жгута сняли ремень с автомата, и затянули ногу им. Потом разрезали штанину и перевязали рану (бинты в аптечке оказались очень даже годные). Затем искали что-нибудь подходящее, чтобы использовать в качестве шины, но нашли только более-менее ровную железную монтировку. Выпрямили сломанную ногу и привязали монтировку в качестве шины. Затем вкололи раненому антишоковый препарат (как значилось в описании), всё из той же аптечки, надеясь на то, что препарат в разовом, герметичном тубике всё-таки подействует, раз за столько лет не засох. Заодно вкололи такой же препарат одному из двух танкистов сидящих на полу. Его била сильная крупная дрожь, он никак не мог успокоиться. Второй танкист рассказал о том, что когда рванул фугас четверо из семи офицеров сидели на стороне, обращённой к взрыву, и их тела приняла основной заряд осколков: кому голову оторвало, кому конечности ... В общем, погибли они практически мгновенно, посечённые осколками фугаса.

Погони пока было не видно, но и местность просматрива-

лась от поворота до поворота. Вот когда выйдем на простор плоской пустыни вот там-то и станет ясно – послали ли за ними свору псов по следу, или просто будут перекрывать одну дорогу за другой, ведь вечно же не будешь по местным дорогам шарахаться, – думал Андрей. В том, что Халед постарается не выпустить их из страны, и уж конечно не пустит в свою столицу к российскому посольству, Красовский несколько не сомневался.

Глава 10

– Пётр Васильевич, надо срочно к горам уходить. Наверняка скоро все крупные дороги перекроют – потом не пробиться будет, – подал голос Андрей. Вот уже минут двадцать все подавленно молчали, приходили в себя после гибели ребят, ведь многие из них служили вместе в российских частях не один год. Поэтому голос Андрея прозвучал как выстрел в ночной тишине, но молчать больше было уже нельзя. Молчать дальше было уже опасно – смертельно опасно.

– Да, Андрюша, командуй – это твой план, да и карту ты видимо хорошо знаешь. -

Похоже, Палий сильно переживал гибель ребят, и винил в их гибели себя, ведь это именно он настоял на том, чтобы всей группой переть в столицу напролом в лоб. Вот по лбу и получили, а если бы джибутийцы не пожадничали и поставили на блокпост сразу два танка или даже три, то уже сейчас Андрей бы мирно беседовал с апостолом Павлом, ну или обливался бы потом в очереди к сковородке в пекле – это уж как повернётся. Но скорее всего оставшиеся танки перекрывали другие дороги и вероятные направления.

Но аномальной жары хватало и в этом мире, солнце жарило нещадно, а БТР накалился – что та сковородка в пекле, и стало абсолютно нечем дышать. Раненый Лёша пришёл в сознание и постоянно стонал, когда машину потряхивало на

ямах, которыми изобиловали джибутийские дороги. Порылись в аптечке, и нашли тубик – шприц, содержащий Три-меперидин – это что-то вроде лёгкого наркотика для общей анестезии. Вкололи раненому – вроде успокоился, уснул. Открыли все люки, и хоть немного стало обдувать ветерком, выдувая запах пота, пороховой гари, крови и медикаментов – весь этот специфический запах войны. Запах, который Красовский старался забыть после штурма Грозного в девяносто пятом, но он ещё и не подозревал, что этот запах будет преследовать его на протяжении всех долгих лет службы в ГРУ. Андрей по памяти восстанавливал карту, которую он внимательно разглядывал при подготовке к этому заданию – это была первая заграничная командировка, и готовился он к ней тщательным образом, несмотря на то, что ему дали довольно скромное разведывательное задание.

Предполагался сбор общих сведений об джибутийских вооружённых силах, их численность, состав, вооружение, оснащение, моральный облик личного состава, расположение войск и ещё множество подробных характеристик, а так же первичный анализ ситуации в целом. По возможности требовалось раздобыть и разведанные по противникам правящего режима (список необходимых данных смотри выше). Во всё время пребывания в Джибути, Андрей должен был просто держать глаза и уши открытыми (фарси он понимал неплохо, но скрывал своё знание, по понятным причинам), ничем не выделяясь из группы советников, а по возвраще-

нии домой засесть за писанину подробнейших отчётов, и исписать тонну бумаги, но всё пошло наперекосяк. Никто не предполагал, что простое на вид задание выльется в неоднократные, жестокие бое-столкновения с применением лёгкого стрелкового и тяжёлого бронетанкового вооружения.

Дорога пошла по берегу солёного озера Аббе, на берегах которого добывали соль на продажу для половины Африки. Соль, правда, из тёмных мутных кристаллов и с неприятным привкусом, но другой соли в Джибути нет. Чтоб вы знали – на всём Африканском континенте всего два крупных центра промышленной добычи соли и один из них находится именно в Джибути, а продажа прав на добычу соли являлось второй по значимости статьёй дохода страны – это после эксплуатации своих морских портов и перемещения транзитных грузов по своей территории.

На относительно ровной местности сразу стало видно довольно далеко, и вот там-то на грани видимости, практически за линией горизонта Андрей, и увидел то чего, в общем-то, ожидал, но опасался увидеть, а именно пыльный шлейф за движущейся автоколонной, которой пока ещё не было видно из-за большого расстояния. Один или два автомобиля не могли поднять столько пыли, так что последние сомнения отпали, свора Халеда взяла след, и избавиться от преследователей будет – ох, как сложно, но ведь можно на время сбить гончих со следа.

– Нам бы только до предгорий дотянуть без этого хвоста, а

там хрен им нас в зелёнке сыскать, – думал Андрей. (Зелёнка – зелёные насаждения: лес, кустарник и т. д.).

– Толя на ближайшем перекрёстке направо и скорости прибавь немного. За нами следует целая делегация наших почитателей, хотят нам торжественно вручить ордена и медали за уничтожение вооружённой оппозиции, но мне кажется, что нам лучше повременить с получением наград, пусть эти засранцы за нами всё-таки побегают, а уж потом подумаем ...

– Да уж, Андрей Семёнович, путь покатаются пока, – подержал общий тон разговора Толик, – Я, например, вообще не претендую на награды. Обойдусь как-нибудь просто денежной премией. -

Андрей ещё несколько раз просил Толю повернуть на пересечениях дорог, стараясь не упустить общего направления движения. Красовский уже и сам не был уверен до конца, что они двигаются в нужную сторону. Но были и хорошие новости – пыльный шлейф наконец-то пропал с горизонта. Сам БТР своими восемью колёсами тоже поднимал вверх немало красной пыли, но всё же гораздо меньше, чем несколько десятков автомобилей. Свора сбилась со следа – интересно надолго ли ... Но зато теперь можно смело брать направление на горы.

Сделали короткую остановку, чтобы оправиться, ноги хоть немного размять. Андрей сменил Толика за рулём, потому как тот управлял транспортёром уже больше четырна-

дцати часов. Толику освободили место на полу рядом с раненым, и измотанный длинной дорогой, водитель просто ментально уснул, подложив под голову чью-то куртку, чтобы не биться головой о бронированный пол. Когда окончательно стемнело, пришлось съехать с дороги и остановиться, иначе не зная сети местных дорог можно приехать обратно в лапы бойцам Халеда.

С рассветом все увидели плоские горы на горизонте, но никаких снежных шапок у местных вершин, конечно же, не было – это ж не Килиманджаро. Все склоны гор были покрыты сплошным ковром зелени: какие-то низкие деревья с корявыми ветками, плотно переплетёнными между собой, ещё на склонах были кусты в рост человека с ветками, густо усеянными довольно большими колючками – не кусты, а распущенные мотки колючей проволоки.

Зелёные горы резко контрастировали с красной пустыней простиравшейся вокруг гор до расплывчатого горизонта. Но до подножия гор или может просто больших холмов (не поймёшь) нужно ещё доехать, а горючки в баке – кот наплакал. Толик опять сел за руль, а Красовский в башню – наблюдать за дорогой с тыла, поэтому он и не увидел блок поста, неожиданно появившегося из-за поворота. Блокпост был устроен очень просто – две стенки укреплений сложенных из мешков с песком по обеим сторонам дороги. В стенках укреплений были сделаны бойницы для ведения огня. Позади укреплений стояла пулемётная вышка с крышей из соломы, а по-

перёк дороги, перекрывая её укоренился кривоватый шлагбаум, видимо изготовленный из ствола местного дерева, и выкрашенный в бело-красные полосы. Кинулись закрывать все люки, Андрей стал разворачивать ствол КПВТ в направлении блокпоста. Почему пулемётчик на вышке сразу же не открыл огонь по бронетранспортёру – непонятно.

Может он раздумывал, пробьёт ли пулемётная пуля броню этой странной машины, или может он просто спал (в джибутийской армии дисциплина та ещё). Как бы там не было, но огонь он открыл первым. Андрей ещё доворачивал с матюгами башенку, а пули из пулемёта, установленного на вышке уже весело защёлкали по броне, будто большая стая крупных птиц с железными клювами долбит по броне, желая пробить дыру в прочной, стальной коробке, и отведать на вкус этих мягких и таких приятных на вкус людишек.

Андрей про себя автоматически отметил, что калибр у вражеского пулемёта меньше двенадцатого, иначе пулевых отверстий в крыше транспортёра было бы уже больше полусотни, а так пули рикошетили от брони, и уносились в пустыню с жалобным воем. Но, похоже, пулемётчика это совсем не смущало, и он продолжал садить по транспортёру длинными очередями. Наконец Андрей повернул башенку до нужного угла и теперь выцеливал пулемётчика, но БТР раскачивало на ухабах как на качелях – то вверх то вниз, и всё никак не получалось поймать на прицел пулемётное гнездо. Наконец Андрей крикнул,

– Толя, стоп! – Толик резко дал по тормозам, как будто только и ждал этой команды, и Андрей в очередной раз стукнулся головой об элементы пулемётной турели. Как только БТР встал смирно, Андрей открыл огонь по пулемётной вышке и повёл пулемётом снизу вверх, до соломенной крыши, которая от попаданий крупного калибра слетела с каркаса и завалилась вниз. Полетели щепки от деревянной конструкции вышки, и пулемётчик наконец-то заткнулся. Неожиданно из-за правой стенки сложенной из мешков с песком вылетело тёмно-зелёное яйцо ручной гранаты, упало на верхнюю, переднюю часть рыла транспортёра немного прокатилось по наклонной поверхности и упало в песок перед загнутым кверху носом. Красовский успел даже крикнуть,

– Граната! – Кто-то успел закрыть уши – кто-то нет. Рвануло не так уж сильно, по БТРу хлестануло осколками гранаты, и он загудел как колокол, но носовая броня у бронетранспортёров самая мощная, а в придачу там же находится сложенный железный водник для форсирования водных преград, поэтому осколки внутрь машины не пробились. Андрей ожидал взрыва гораздо более мощного, видимо граната была наступательной, с малым радиусом разлёта осколков.

Но чтобы у обороняющихся не возникло желания бросить в машину ещё чего-нибудь да посерьёзнее, Андрей стал стрелять короткими очередями в три – четыре патрона, целясь в амбразуры, благо расстояние до укреплений было невелико.

Половина пуль попадала внутрь укрепления, и Андрей надеялся на то, что защитники блокпоста сейчас лежат плашмя на песке, и не помышляют кидать в БТР всякую взрывоопасную гадость.

– Толя пошёл! – крикнул Андрей, не переставая постреливать по бойницам обеих защитных укреплений. Так они и проскочили блокпост. Никто больше не отважился открыть огонь по бронетранспортёру, а Андрей опять развернул свой пулемёт направлением на корму.

Глава 11

После блокпоста дорога пошла вверх. За кормой транспортёра был виден не очень плотный столб белёсого дыма – это горел остов рухнувшей пулемётной вышки. Отчего он загорелся теперь уж не узнать, но это было совсем скверно – это был тот самый указатель для преследователей, на котором написано огромными буквами "МЫ ЗДЕСЬ", а если ещё добавить к этому и звуки боя ... Всё это несомненно привлечёт внимание загонщиков. Дорога сузилась до одной колеи, по её бокам появились завалы из камня, и если бы сейчас навстречу попался автомобиль, то разъехаться с ним было бы проблематично, но дорога была абсолютно пуста. Спустя полтора часа езды угол подъёма дороги стал очень велик.

Двигатель у транспортёра не выдержал нагрузки и перегрелся, а вода в системе охлаждения так просто закипела. Дорога сузилась настолько, что широченный БТР скрёб внешней стороной колёс по каменным россыпям по обеим сторонам дороги. Посовещались и решили БТР бросить. Бензин был почти на нуле, и всё равно пришлось бы раньше или позже оставить машину. Толик немного покатался, и специально засадил двадцати тонную машину почти поперёк дороги брюхом на камни, да так чтобы стащить её можно было только танком.

Это препятствие задержит джипы бойцов Халеда, и

немного уравнивает шансы беглецов с загонщиками, ведь дальше и нам и им предстоит идти пешим ходом, а на ту сторону гор джибутийцы не полезут – это точно. Пограницы Эфиопии шутить не любят, и юмора не понимают. Все кто явился из-за гор на Эфиопскую территорию – враги, и поэтому можно стрелять не задумываясь. Пограничники – это конечно будущая головная боль, но до границы надо ещё добратся. Почти вся группа советников стояла уже на дороге: распахивали по карманам сухпай, наполняли водой фляги из большой пластиковой канистры – готовились к походу по горам. Под сиденьями бронетранспортёра нашли четыре старых разгрузки, времён войны в Афганистане. На той войне солдаты называли их не иначе как "лифчик", но лучше такие изделия, чем просто таскать полные рожки от автомата в неглубоких карманах, откуда они постоянно пытались бы выпасть. Разгрузки взяли: Толик, Палий, Красовский и кто-то из танкистов.

Андрей подогнал разгрузку под себя, распределил автоматные рожки, а в свободный кармашек для рожка сунул НРС-2 в ножнах, который он провёз контрабандой в военно-транспортном самолёте, где, понятное дело, не было личного досмотра. Потом хранил его в своём РД (рюкзак десантника), а перед выездом из Мулуда положил РД под водительское сидение транспортёра. Этот нож подарил ему на память командир разведвзвода, на окраине горящего Грозного. После той самой сумасшедшей гонки по разгромленным

улицам города – когда Красовский вывез командира и бойцов его взвода, вернее, тех немногих что остались в живых, на своём бронетранспортёре почти из самого центра города, захваченного боевиками, где был настоящий ад для наших солдат.

С тех пор Андрей в своих служебных командировках с этим ножом не расставался. Выбор такого личного оружия Красовского одобрил сам Лось, а он являлся последней и наивысшей инстанцией по рукопашке вообще и ножевому бою в частности. В учебном центре ГРУ, где проходил подготовку Красовский, многие курсанты выбирали для занятий по ножевому бою заграничные ножи, красивые и лёгкие, но вот Андрей остался верен своему НРС-2. Лось – это Павел Андреевич Лосев инструктор по рукопашному бою – нет не так – высочайшего класса мастер рукопашного боя, но все курсанты называли его между собой не иначе как Лось. То, что вытворял с ножом Лось, просто не поддавалось описанию. Нож в его руках жил своей собственной жизнью, он то исчезал то появлялся, как колода карт в руках опытного иллюзиониста, перелетал из правой руки в левую, мог крутиться сверкающим колесом на ладони, сам Лось при этом перетекал ртутью из одной боевой стойки в другую производя то рубящие удары, то колющие. Уследить за действиями инструктора, а особенно предугадать их, было решительно невозможно.

Лось иногда вызывал для спарринга двух бойцов, а иногда

и трёх, и Андрей не помнил ни одного случая, чтобы такой учебный бой продолжался дольше двух минут, а ведь против него выходили не сопливые пацаны с улицы, но подготовленные крепкие ребята, которые имели разряды по разным видам единоборств. Ведь кого попало, не берут в спецназ ГРУ, да и медицинская комиссия при приёме на службу в подразделение почти такая же, как и у космонавтов.

Так что этот нож разведчика заменял Красовскому разнообразные талисманы, которые суеверные военные таскают с собой по всему миру. Да, а ещё, буква "С" в названии ножа говорила о том, что клинок-то не простой, а с сюрпризом – так с армейским юморком переводили букву "С" разведчики. На самом-то деле в рукояти ножа находился короткий, нарезной, шестисантиметровый ствол с бойком, взводимой пружиной, предохранителем, заряжающей планкой и спусковой скобой. Такой стрелковый механизм стрелял почти бесшумно (так негромкий щелчок) и без пламени, заряжался одним специальным патроном СП-4, калибра 7,62. Клинок хоть и имел приличный вес, но по сравнению с другими ножами выживания имел множество преимуществ, особенно для разведчика. Официально НРС-2 расшифровывается как – Нож Разведчика Стреляющий, и имеет собственное имя 'Взмах'.

Почти все офицеры стояли на дороге и молча курили. Паллий тоже был здесь и курил сигарету, потом он покосился на рукоять ножа, торчашую из нагрудного кармашка разгрузки

Андрея, явно узнал клинок, но ничего не сказал в слух, а только слегка сузил веки, вроде как дым от сигареты попал в глаза. Из бронетранспортёра через десантный люк вылез Толик и от машины на ходу начал взволнованно и быстро говорить,

– Товарищ полковник, Леха не хочет из бэтэра выходить. Мы его уговаривали и так и этак, а он залез в башню, вцепился в пулемёт и нас посылает по матери. – Палий, Андрей и ещё несколько танкистов вместе с Толиком подошли к открытым десантным люкам. Алексей сидел на месте стрелка башенного пулемёта, оставив в сторону большую ногу, и смотрел с ненавистью на двух ребят танкистов, видимо пытавшихся силой эвакуировать его из бронетранспортёра. Выглядел Лёша ужасно. Нога сильно опухла, по-прежнему сильно кровила если отпустить жгут, а если его не отпускать то ткани отомрут, и ногу смело можно будет ампутировать, да и то всё это можно сделать только в госпитале. А где этот госпиталь? Ещё доберись до него – попробуй. Сам Алексей был очень бледен из-за сильной кровопотери, а на лице выступили крупные капли пота, вокруг глаз залегли тёмные круги, а сами глаза горели нездоровым блеском, как бывает у людей с расстройством психики. Как он с таким тяжёлым ранением смог залезть на насест к пулемёту стало ясно сразу же, как только глянули на пол отсека. Там валялся шприц – тубик из-под Тримеперидина, и ещё один шприц в упаковке торчал из нагрудного кармана Алексея. Палий начал пер-

ВЫМ,

– Лёша, что за херня? Нам ещё топать и топать, а ты время тянешь, и с промедолом ты аккуратнее, пожалуйста – это всё-таки штука коварная. – Алексей прочистил горло, говорил он с трудом. Может просто пересохло горло или у него был жар, но говорил он короткими фразами.

– Пётр Васильевич, я никуда не пойду, вы пойдёте без меня. Со мной вам точно крышка выйдет. Далёко вы со мной не уйдёте. У меня уже жар. Дальше только хуже будет. Я карту тоже видел. Ведь по горам вам ещё идти около ста кэмэ, а это несколько суток. Мне столько не выдержать: и сам загнусь, и вас за собой поташу. Нет. Я здесь останусь. Когда джипы подъедут, я их поближе подпущу, а потом ка-а-а-к раз ... Ну, вот как Андрюха тех повстанцев на трассе. -

Андрей вступил в разговор.

– Там патронов-то в ленте только чуть больше сотни осталось.

– Да ничего, я короткими ... – Палий не выдержал, и с раздражением прервал Алексея,

– Всё, Лёха, кончай балаган. Это жар донимает тебя из-за ранения – это шоковое состояние у тебя. Понятно? Нас здесь двенадцать здоровых мужиков, что мы по очереди тебя нести не сможем что ли? Лёша, мы тебя тут не бросим. Слышишь?

– Нет, Пётр Васильевич, все сто кэмэ по горам, да целых восемьдесят килограмм моего мяса таскать, у вас кишка тонка. Когда промедол кончится, я всё равно от болевого шока

загнуть или от жары этой чёртовой. Василич, не дай подойти как скотине а? – закончил Лёха как-то жалобно и с просящими интонациями. Похоже, что боль в ноге его сильно допекала.

– А ты, значит, героем решил подойти? – зло сказал Паллий, – Так ведь не дадут, героя-то. Официально нас здесь нет, а значит для всех – ты пропадёшь без вести, а с нас подписку возьмут о неразглашении и баста. Вот и всё твоё геройство. Да, а чего вообще мы тут с этим камикадзе разговоры разговариваем? А ну, мужики тащите его к выходу, – Паллий кивнул двум танкистам, сидящим в отсеке. Неожиданно ловко Алексей сорвал с плеча свой автомат, с которым не расставался даже лёжа раненый на полу, передёрнул затворную раму, и приставил раструб короткого ствола себе к подбородку.

– Только троньте меня! Я себе башню прострелю! – крикнул он и часто задышал как после длительного бега.

– Парень ты что, совсем охренел? – Полковник явно не ожидал такого развития событий. Все застыли, не зная, что предпринять.

– Ребята, прошу вас – уходите, не тяните время. Я всё равно останусь здесь. Или останусь ждать этих гадов, или буду с простреленной башкой тут валяться. Выбирайте, – и перевёл предохранитель на щеке автомата в режим одиночного огня.

– Лёха – Лёха, что ты творишь? – с горечью ответил Паллий.

– Пётр Васильевич, – Андрей вступил в разговор, – Это его выбор. Но он прав в том, что нам надо или идти, или всем здесь остаться и принять бой. Тогда надо позиции готовить, а если просто вот так вот столбами стоять на дороге, то точно все поляжем – это однозначно.

– Как думаешь, сколько их? – Палий адресовал вопрос Андрею, видимо всё никак не мог решиться на дальнейшие действия.

– В колонне было от двадцати до двадцати пяти машин, по четыре человека в каждой – это приблизительно от восьмидесяти до ста человек, среди них наверняка есть гранатомётчики, ведь они собирались как-то с нашим бронетранспортёром бороться.

– Да, многовато что-то для нашего воинства. – Полковник на секунду задумался, и всё-таки решился. Оглядел стоящих рядом людей, и уже уверенным командирским голосом сказал,

– Всё, мужики. Всем оправиться. Через минуту выходим. Первым идёт Андрей, я в середине, а замыкающим – Толя Переверзнев. Пока по дороге пойдём, а там видно будет, – и уже совсем другим тоном, – Всё, Лёша, прощай, – закончил говорить Палий не глядя в глаза раненому. Лёха опустил автомат, и сказал,

– Вы только двери, нахрен, закройте, а то дует, да и мухи могут залететь, всю обедню изгадят.

Глава 12

Дорога запетляла среди нагромождений камней. Стало гораздо больше разнообразных кустов и деревьев, зелёный цвет радовал глаз, хотя сама дорога и россыпи камней на её обочинах по-прежнему были покрыты красной "марсианской" пылью. За всё время пути люди на встречу не попадались. Может быть, что местные жители услышали звуки утреннего боя, и попрятались, а может кто-то за отрядом советников и наблюдал издали – сложно сказать. Где-то, через час быстрой ходьбы, решили сделать привал и осмотреться. Послали самого молодого и лёгкого танкиста с биноклем на соседнее, довольно высокое нагромождение камней, чтобы глянул, что там за поворотами дороги. Видно или нет деревню, дорога-то всё-таки должна вывести к какому-нибудь жилью. Кто-то ведь её наездил – натоптал, да и по следам было заметно, что по ней частенько ходят и ездят на каких-то копытных животных, скорее всего на верблюдах – это самый распространённый вид транспорта в этих краях.

Хотели сначала обойти жильё аборигенов и не связываться с ними, но потом передумали, так как местность знали плохо и шанс столкнуться с местными был очень велик. А из той информации по этим горным районам Джибути, что впитывал Андрей при подготовке к этой поездке, можно смело сделать вывод, что у коренных жителей этой местности был

очень скверный характер.

Здесь воевали с малых лет и до седых яиц – как любил говаривать комбат Красовского в той – прошлой жизни, ещё до службы в ГРУ. Да вот только до седин здесь редко кто доживал. В Африке воевать умели, и воевали много и охотно. Воевали соседние племена друг с другом, и с правительственными войсками все вместе и порознь. Могли воевать из-за малейшей ерунды: из-за тропинки, что вилась по территории то одного племени – то другого, из-за выхода скота к водопою на маленькой речушке с мутной водой, из-за неосторожно брошенного слова, да и просто из-за косо́го взгляда.

Вот и многожёнство в большей части Африки прижилось не от хорошей жизни, а из-за того что на одного мужчину репродуктивного возраста приходилось по пять незамужних женщин. Единственно, что спасало население большинства африканских стран от самоуничтожения – это невероятная плодовитость африканцев. В семье, где при одном муже имелось две или три жены, могло быть до двадцати – двадцати пяти детей. Об абортах и предохранении от зачатия здесь слыхом не слыхивали. Правда, при почти полном отсутствии квалифицированной медицинской помощи, до совершеннолетия доживало едва ли не половина всех рождённых детей, поэтому природа брала своё и восполняла огромные потери населения от бесконечных войн, болезней и голода, такой же интенсивной плодовитостью.

Ведь в природе всё находится в гармонии и равновесии, и

только человек старается всем своим варварским умением, возведённым в ранг искусства, всеми своими силами и упорством, разрушить эту хрупкую гармонию. Да зачастую человек так усердствует в своих стараниях, как будто сам он не дитя этой самой природы, а является порождением совсем другого, странного и непонятного мира, в котором все его обитатели только и делают, что пытаются уничтожить всё и вся вокруг себя до чего только смогут дотянуться. А если это не получается, то хотя бы изгадить по полной программе всё остальное, насколько это будет возможно. В Африке это понимаешь особенно отчётливо.

Ненависть человека к человеку здесь в порядке вещей, и не является чем-то предосудительным. В подтверждение всех этих разрушительных процессов, происходящих на большей части огромной территории прародины человечества, служат миллионные толпы беженцев с африканского континента. Они готовы жить на любой европейской помойке, но только не на просторах родных саван, полупустынь и склонах древних гор, где кровь человеческая дешевле воды из-под крана.

* * *

Только присели на камни у обочины дороги и почти сразу услышали звуки перестрелки происходящей там внизу. Слушали, приглушённые расстоянием, звуки боя и курили последние оставшиеся сигареты. Все понимали, что сейчас Лёхе придется туго, но помочь ему уже ничем было невоз-

можно. Лёша стрелял короткими очередями, как и говорил, а в ответ слышалась стрельба из автоматов в один – два патрона, потом кто-то со страху всадил сразу длинную очередь в половину рожка.

Басовые звуки крупнокалиберного пулемёта "дум-дум-дум" были хорошо слышны даже с такого расстояния, а в ответ из автоматов палили, скорее, для собственного успокоения, чем с реальной целью нанести хоть какой-нибудь урон бронетранспортёру. Раздался взрыв, потом небольшая пауза и опять "дум-дум" и опять автоматные очереди. Криков людей из-за приличного расстояния слышно не было. Затем раздался взрыв гораздо мощнее первого.

– С РПГ-7 лупят суки, – прокомментировал кто-то из танкистов. Но Лёхин пулемёт взял лишь короткую паузу, и сразу же после взрыва продолжил своё унылое "дум-дум". Потом раздался довольно громкий треск. Этот звук был больше похож на треск горящего хвороста в костре. Всё-таки, Алексею удалось поджечь одну из машин бойцов Халеда, и теперь в огне взрываются патроны, оставшиеся в салоне автомобиля. В подтверждение этой догадки, над деревьями показались клубы чёрного дыма.

И тут же один за другим раздалось два сильных взрыва. Пулемёт замолчал, а над лесом взвился ещё один столб чёрного дыма. Всё происходящее было понятно и без слов. Офицеры молча курили, и угрюмо смотрели на дым, поднимающийся пышными, чёрными клубами над деревьями в

полной тишине. Вернулся наблюдатель и сообщил, что в километрах пяти отсюда вверх по дороге он заметил расчищенное от деревьев место и несколько тонких дымков, видимо от костров аборигенов. Подошёл поближе Палий зло и коротко скомандовал,

– Подъём. Выходим. Оружие к бою. Не расслабляться, – и передёрнул затвор на своей "Ксюхе".

Глава 13

Деревня появилась из-за резкого поворота дороги совершенно неожиданно. Вот только что мирно и нудно вилась пыльная утоптанная широкая тропа, по бокам которой по-прежнему были завалы красноватых от местной пыли камней, и довольно густой местный лес, состоящий из колючих кустов, а так же низкорослых разлапистых деревьев. А тут вдруг как-то разом открылась широкая поляна, на которой стояли в живописном беспорядке хижины местных жителей. Хижины, а по-другому эти домишки и не назовёшь, были довольно-таки немалого размера. Видимо они строились под большую семью, с отверстием дымохода по центру крыши, изготовленной из смеси красной глины и сушёных веток с листвой каких-то местных деревьев. Посреди деревни было пространство незанятое постройками.

Очень похоже, что это был эквивалент городской площади для собраний и митингов – этакая своеобразная площадь независимости. На утоптанной до состояния асфальта площадке заседал "комитет по встрече", а встречали, конечно же, отряд россиян. Комитет состоял из шести десятков чёрнокожих воинов весьма угрожающего и, несмотря на худобу, brutального вида, одетых кто во что горазд.

Некоторые воины носили вполне современные шорты ярких цветов, а другие – экзотическое местное одеяние что-

то типа своеобразного пончо, состоящего из куска материи длиной больше трёх метров, свободно болтающегося до земли и завязанного свободными концами на плечах. То есть это, опять-таки, своеобразная оконная занавеска с вышивкой, только в неё не заворачиваются, а накидывают на плечи. Причём такое одеяние ничем не подпоясывалась, и при ходьбе или от ветра пончо постоянно распахивалось, являя всем обнажённого хозяина модной одежды, впрочем, совсем не смущающегося своей наготы – как бы считалось, что так и было задумано, да в порядке вещей.

Но зато всё воинство поголовно было вооружено автоматическим оружием. В основном у всех в руках были АК-47 с деревянным прикладом, вытертым добела, и отполированным до солнечных бликов. На некоторых автоматах были нанесены краской местные узоры "под Хохлому" (от злых духов что ли?), отчего грозное оружие принимало немного странный вид – вид расписного сувенира для туристов. Ну, как у нас деревянные расписные ложки. И только некоторые воины держали в руках раритетные французские автоматические карабины, а на поясе у них болтались подсумки под снаряжённые планки с патронами. В этой живописной картинке была вся Африка, как она есть: "С голой задницей – но с автоматом".

Красовский не сразу заметил на фоне этой пёстрой толпы ещё одно главное действующее лицо комиссии по контактам, а именно старичка высушенного до состояния мумии, сидя-

щего на самодельной расписной табуретке с посохом – палкой в руках. Волос на голове старика почти не осталось, а тот пушок, что ещё оставался, был белым от седины. Глаза, глубоко утопленные в глазницах, смотрели на пришедших с явной неприязнью, даже не смотрели, а скорее горели ненавистью маленькими красными угольками.

Глаза у старика были сильно воспалены, отчего весь белок в глазу покраснел – это дело в Африке обычное и встречается у половины населения отдалённых районов. Череп старейшины был туго обтянут кожей, как лодки эскимосов шкурами моржей, да и сам он представлял собой – ходячее медицинское пособие по изучению костей скелета. Но здесь он был явно главным руководящим перцем, может местным Величеством, а может просто колдуном или знахарем. Короче этакий деревенский депутат местной Думы или Рады (кому что ближе – смысл один) со всеми привилегиями в полный рост.

И с ним предстояло как-то договориться о проходе через земли этого воинственного племени. Это если ещё слушать станет, а если нет? Что для такой вооружённой толпы двенадцать чужаков? Пристрелят в спину и "привет семье". Теперь Красовский не был так сильно уверен в своих планах по спокойному переходу через горы. Да и Палий не зря сомневался именно в этом пункте плана Красовского.

Но делать нечего они уже предстали пред светлы очи местного руководства. Это хорошо ещё, что пошли открыто пря-

мо в деревню, а если бы попытались скрытно пройти по землям племени, то точно бы просто пристрелили, нахрен. "Мумия" заговорила первой, выдав что-то отдалённо похожее на ...

– Шурум-бурум, хрендель-мендель! – грозно сказала она. По широко раскрытым глазам переводчика Серёги сразу стало ясно, что он не понял ни слова из всей тарабарщины сказанной сушёным старичком. Потом старейшина, безошибочно определив в полковнике равного по статусу, обратился к нему с вопросительной интонацией,

– Харядам-порядам мандрогу-ногу? (или "нгогу" – фиг поймёшь) – строго вопрошал старикашка. Судя по ввалившимся щекам, у старика полностью отсутствовали зубы, поэтому он ещё и сильно шепелявил, прямо как летучая мышь из детского отечественного кинофильма "Буратино"

– Серёга, ты всё ж не молчи как пень. Скажи чего-нибудь в ответ. Видишь, как человек надрывается, – повторил известные слова из легендарной кинокомедии Гайдая полковник.

– Это похоже на язык племён Банту или Мурси. Я, нифига, не пойму. – Серёга был близок к панике.

– Спокойно. Ты просто по-французски скажи ему, что мы, мол, чужестранцы и хотим пройти через горы на ту сторону к своим, а если они пропустят нас и дадут проводника, то взамен за оказанную услугу мы подарим им ...

– Красивые белые бусики, – встрял в разговор один из танкистов – любитель анекдотов, с совершенно серьёзным ли-

цом. Палий посмотрел осуждающе на перебившего его танкиста, но ничего не сказал ему, а продолжил разговор с Серёгой,

– ... оставим им в подарок вот этот вот автомат. – И Палий слегка потряс "Ксюхой". Серёга начал переводить. Один из бесштаных воинов наклонился к мумифицированному руководителю и видимо переводил с французского на местный. Местное Величество интенсивно кивало головой в такт переводимым словам.

– Интересно всё ж, как у него башка не отвалится? – подумал Андрей, глядя на высушенного старичка, голова которого относительно тщедушного тельца была очень большой, а шея тонкой с выступающими костями хребта и морщинистой как у черепахи.

– Баранана (или банарана) што омонашд калаш, – выдал очередной перл местный депутат, и выпятил на полный вылет нижнюю губу. Воин с расписным автоматом в руках и какими-то цветными фенечками на прикладе, одетый в расшитую местными орнаментами, опять-таки, модную занавеску, перевёл речь дедка на французский, а Серёга уже для нас.

– Просит показать автомат поближе. Видимо такое оружие они ещё не видели. Товарищ полковник вы только в руки им автомат не давайте – это тогда по местным понятиям будет подарок, и назад уже вернуть не получится. Оружие в руки может брать только хозяин иначе – смертельное оскорб-

ление, – пояснил Сергей. Палий подошёл ближе к старику на табуретке. Снял автоматный ремень с шеи, и не выпуская "Ксюху" из рук показал оружие с разных сторон поворачивая его перед носом у дедка.

Все воины стоящие рядом с сидящим предводителем наклонились как можно ближе к оружию, и желая получше рассмотреть диковину, чуть ли не носом водили по стволу. Толпа чернокожих воинов обступила россиян со всех сторон – все хотели глянуть на диво – дивное, чудо – чудное.

Зато сразу же изменилось настроение толпы с резко – агрессивного, на доверительное, и почти полностью исчезло напряжение в общении двух, таких разных культур – эта перемена ощущалась почти на физическом уровне. Ещё мину-ту назад весь этот табор был готов из россиян котлет понаде-лать, а теперь воины опустили оружие и толкаясь, наступая друг другу на босые ноги, пытались из-за плеча соплеменни-ков разглядеть новое, неизвестное для них, оружие. Со сто-роны было похоже на то, что толпа детишек во дворе, пы-тается разглядеть чью-то новую игрушку, как какой-нибудь игрушечный автомобильчик, вот только детишки эти круп-ные, сильно мускулистые и жилистые не по годам.

Палий отсоединил магазин от автомата и выщелкнул па-трон из рожка. Затем вручил патрон сушёному старичку в протянутую морщинистую руку. Дедок покатал патрон в ла-донях и поднял его над головой. Из полсотни глоток вырва-лось удивлённо – восхищённое,

– О-о-у! – Видимо, у чёрного воинства вызвал удивление тот факт, что калибр "Ксюхи" – 5,45, был гораздо меньше чем у классического АК-47, к которому они, наверное, привыкли с детства. Старичок поднял руку, призывая свою армию к порядку, и разродился длинной, но совершенно непонятной для россиян речью, при этом он размахивал руками и часто – часто кивал головой, как китайский болванчик. Под конец своей пламенной и зажигательной речи старик встал со своей расписной табуретки, и глядя на Палия красным, воспалённым глазом закончил свою декламацию выдохнувший перл,

– Ква хери!

– И тебе не хворать дедуль, – ответил по-русски полковник.

– Цирк уехал, а клоуны вот они . . ., – прокомментировал ситуацию всё тот же танкист – рассказчик анекдотов. Аудитория у местного императора (или кто он там) явно подошла к концу. Сам мумифицированный дедушка и ещё несколько вооружённых парней, видимо, приближённых к телу сына неба (может личная охрана или гвардия), важно прошествовали всей компанией мимо отряда советников, и скрылись в ближайшей хижине, над крышей которой подымался вертикально вверх белый дымок.

Духота была невероятной. Казалось, что отряд россиян и вся деревня находится в какой-то гигантской парилке, а всё те же невидимые великаны, которые ранее лупили кулаками

по земле за горизонтом, теперь постоянно поддают жару где-то глубоко под землёй в огромную топку невероятных размеров каменки. Франко-говорящий воин затеялся переводить речь своего вождя Сергею.

Сергей очень внимательно слушал и иногда задавал, видимо, уточняющие вопросы на французском. Наконец воин в местном пончо закончил перевод и отвернулся от советников с важным и независимым видом, задрал нос и карикатурно выпятив нижнюю губу, наверное, от осознания собственной важности и исключительности, а может он таким образом подражал своему предводителю. Сергей повернулся к терпеливо ждущим ребятам и сказал,

– Ну значит такие дела. Они уже в курсе того, что мы с Халедом в контрах и это очень хорошо для нас. Они считают, что сам Халед является потомком тех кочевников, которые захватили их страну больше тысячи лет назад. Тогда кочевники дошли до этих гор и здесь же тормознулись. Дед уверяет, что это их племя дало отпор тем кочевникам. Но я думаю, что кочевникам горы просто неинтересны, поэтому дальше они и не попёрлись.

– Серёга ближе к телу, как говорил Ги Мопассан, а про исторические загадки ты нам потом поведаешь. Лады? – Палий нетерпеливо переложил автомат из одной руки в другую.

– Да конечно, товарищ полковник. В общем, они нас пропускают. Дают в проводники вот этого пижона, – он показал рукой на воина, стоящего в отдалении всё в той же позе, и

с выпяченной нижней губой, – Да ещё дают пару охотников для сопровождения. Доведут они нас до границы их племени – это приблизительно до разделительного хребта, а на той стороне живут какие-то ужасные Квамби – это племя относится к большому народу Мурси, которые давно воюют с нашими новыми знакомыми и постоянно нарушают договорные границы. Да, и, похоже, что эти Квамби кушают человека. Во всяком случае, – это они так говорят – Все офицеры не стовариваясь молча устали на переводчика.

– Ну, печень врага там, или сердце ..., – неуверенно продолжил Сергей.

– Слушай, Серёга, пожалуйста, избавь нас от перечисления гастрономических пристрастий местного населения. Вали дальше.

– Да – да. Перед переходом границы мы должны будем отдать один автомат и три полных рожка патронов вот этому воину, – он махнул рукой в сторону парня в национальной одежде.

– А зовут его ...

– Да похрен как его зовут. Выходим ребята. Всё. Время – время. Пошли ...

Глава 14

Они шли уже четыре часа, постепенно снижая темп движения, который задавал всё тот же чёрнокожий воин с накинута́й на плечи яркой накидкой. Казалось, что этот уроженец местных гор совершенно не устал, и этот рейд по горам для него просто лёгкий промена́д – скуки ради. Автомат он держал особым образом, как это делают многие коренные африканцы: сам автомат висел на ремне на правом плече, и воин придерживал его от падения, правой же рукой за ствол. Таким образом, оружие не мешало при ходьбе, не било по телу своим корпусом и всегда можно моментально перехватить автомат для стрельбы. Но с точки зрения россиян такое положение для переноски оружия было крайне неудобно, поэтому они просто закинули "Ксюхи" за спину.

Интересно то, что проводник шёл по едва заметной тропе босиком, когда как все советники были обу́ты в кроссовки (сапоги и высокие ботинки не носили из-за жары). Тропа шла с небольшим подъёмом вверх, где по камням размером с кулак, а где просто по утопанному каменному крошеву, но на скорости движения босоногого следопыта это никак не сказывалось. Советники же еле поспевали за ним, а Палий только успевал подгонять отстающих, он всё ещё опасался погони. Сделали уже два коротких привала, но для полноценного отдыха этого было маловато. Советники топали как

стадо слонов, поднимая с тропы тучи пыли, и эта чёртова красная пыль забивалась во все отверстия в теле. Да – да, во все абсолютно: скрипела на зубах, сушила и раздражала горло, забивалась в уши, а из других анатомических отверстий её надо было вымывать водой, запасы которой и без водных процедур очень быстро подходили к концу.

Голозадый экскурсовод пообещал, что к концу дня они доберутся до источника, где и заночуют. Интересно то, что сам он прекрасно обходился без воды. При нём не было никакой фляги, он совершенно не потел, и даже красная пыль, казалось, совсем не оседала на нём. Солнце продолжало жарить как доменная печь, раскаляя древние горы так, как будто хотело их расплавить обратно в текущую, вязкую, вулканическую лаву. Даже через подошву кроссовок чувствовался сильный жар, идущий от раскалённого камня, а как шёл по этим камням босоногий гид – это просто загадка.

– Интересно, какая там у него кожа на пятках?– думал Андрей.

Наконец ближе к вечеру стало чуть – чуть прохладней. Стало больше попадаться выходов скальных пород. Попадались целые замки из камня, да базальтовые чёрные пики, выступающие над поверхностью метров на тридцать – сорок, которые приходилось обходить стороной. Как-то незаметно исчезли два африканца из почётного эскорта, и Красовский ругал себя за то, что прошляпил этот момент. Нет, он не думал, что их новые африканские друзья нарушат договорён-

ность, и устроят отряду какую-нибудь подлянку, хотя и этот вариант нельзя было полностью исключать, но профукать незаметное исчезновение двух человек из небольшой группы было как-то недостойно разведчика – это просто непрофессионально, что ли. Надо сказать ради справедливости, что оба африканских воина постоянно топали в хвосте их небольшой колонны, как бы прикрывая тылы, и испариться незаметно им ничего не стоило.

– Вот так и понадейся, блин, на союзников, – подумал Андрей. Он хотел было догнать проводника, бодро шлёпающего босыми ступнями по камням, но тот сам вдруг остановился и поднял руку над головой. Все встали тяжело дыша. Для многих этот дневной переход дался очень тяжело, а ведь ещё предстояло идти по этим древним холмам не меньше сотни километров. В тишине все сразу услышали бодрое журчание воды, доносившееся из ближайшего нагромождения огромных камней с острыми гранями.

Оказалось, что источник вытекал из-под громадного валуна под приличным давлением, затем вода бурно текла по каменному жёлобу метра четыре и снова с шумом исчезала в нагромождениях крупных камней. Все россияне сразу кинулись к воде, особо не глядя по сторонам, но Андрей решил немного осмотреть окрестности – так, на всякий случай.

– Андрей! Ты, вообще, далеко собрался? – это Палий, заметил, как Красовский перехватил автомат в боевое положение и готовится куда-то идти.

– Я тут хочу немного осмотреться, товарищ полковник. Разрешите?

– Валяй. Всё равно ты уже и без моего разрешения соби-рался это сделать. – Андрей кивнул головой, и, не торопясь, пошёл вдоль скального выхода по часовой стрелке. Обогнув скалу, он почти сразу увидел парочку африканцев, тех самых из почётного сопровождения, спокойно поднимающихся по каменной осыпи. Шли они так аккуратно, что ни один камень не покатился вниз, но они не крались, а просто это такая манера передвижения по склонам, выработанная годами. Вот что значит "дети гор". Андрей даже немного позавидовал выносливости и сноровке местных жителей. Они бы точно прошли сотню километров по этим проклятым, раскалённым холмам и не вспотели.

Красовский вернулся в лагерь. Ребята плескались в роднике как небольшое стадо гиппопотамов, а африканские воины, встретившись, что-то довольно горячо обсуждали, размахивая руками. Андрей подошёл к источнику, сполоснул лицо от пыли, налил флягу свежей водой и потом начал её пить небольшими глотками. Не хватало ещё до всей кучи неприятностей ещё и горло застудить. Краем глаза он увидел, что наш гид подошёл к Сергею и что-то увлечённо, и целеустремлённо начал объяснять переводчику. Палий это тоже заметил, и, махнув Андрею рукой, сказал,

– Похоже, что опять какой-то геморрой. Пошли, Андрюша, послушаем, о чём этот горец там гутарит. – Проводник

закончил свой рассказ, и теперь стоял рядом с Сергеем в своей излюбленной позе с выпяченной нижней губой.

– Ну и чего этот твой Дункан Маклауд тут распинался? – поинтересовался Палий, подойдя поближе.

– Да какой он мой. Он сам по себе. Вот, товарищ полковник, он говорит, что его друзья Мбонго и Дунгоу видели группу вооружённых людей в восьми километрах отсюда ниже и правее по склону. Всего около двадцати человек, сейчас встали лагерем, но идут тем же направлением, что и мы.

– Ну, хорошо, а ещё что-нибудь эти твои Лёлек и Болек рассказали.

– Говорят, что сначала приняли этих людей за контрабандистов, но никакого груза они не несут, так что, скорее всего – это по нашу душу, товарищ полковник.

– Это они тебе сказали?

– Нет. Но они считают, что хоть это и не солдаты джибутийской армии, но всё равно это какие-то люди работающие на Халеда. У некоторых людей на голове тёмно-зелёные береты. – Палий и Красовский переглянулись.

– Это что же? Выходит Абасс с коллегами пожаловал. Что думаешь Андрюша?

– Да хрюли тут думать. Ясно как день, что джибутийские вояки с танковой засадой обосрались по-полному, и ещё парой кисточек на рукоятке сабли Халеда станет больше, да и хрен с ними. Ну, а теперь видимо очередь спецназеров нас ловить, и это очень погано. Будем думать, что это общеар-

мейские спецы, а то если это горные егеря, то тогда нам точно звездац – это однозначно.

– А с чего решил, что это может быть общearмейский спецназ?

– Ну, армия-то у них тут довольно хилая. Вряд ли они тут держат целую кучу спецподразделений: боевых пловцов там, горных егерей, диверов или наоборот контр диверсантов. Подготовка таких спецов стоит огромных денег. Нужны обучающие центры, спецтехника, полигоны, грамотные, дорогостоящие инструктора ну и всё в таком духе. Вряд ли Халед будет тратиться на всё это удовольствие. Ну а без общевойсковой разведки никуда не денешься. Разведка обязана быть, иначе жди проблем и сюрпризов от своих же вражин. И ещё эти береты тёмно-зелёные – это ж форма, как вы верно подметили, нашего зачатого друга Абасса. Конечно это не показатель но ...

– Хорошо. Твои предложения.

– Да предложения-то не блещут особой оригинальностью. Ночью по горам, пусть даже и по таким старым, ходить опасно, да и ребята вымотались по полной. Кто-нибудь ногу поломает и тогда нам точно карачун выйдет. Завтра с утра нужно выйти затемно и скакать вверх по склону, как заводные лягушки, а там ... там видно будет.

– Ладно. Серёга, ты переведи этому голозадому Соколиному Глазу, что завтра выходим за полчаса до рассвета. Андрюша, а ты давай организуй часовых на ночь. Не хватало

нам ещё ночных сюрпризов в виде диверсантов. Давайте мужики, давайте, а я пойду хоть харю сполосну, а то всё лицо скукожило от пыли.

Глава 15

Им казалось, что они идут быстро – очень быстро. Но на самом деле быстро они шли только первые пару часов, а потом скорость движения постепенно снижалась, и с каждым шагом переставлять ноги было всё трудней и трудней. Ноги, казалось, изнутри наполнились свинцом и весили по центнеру. Мышцы уже перестало ломить, и они просто неме-ли на коротких привалах, которые всё-таки приходилось де-лать, чтобы люди просто не упали от перенапряжения. Да-же хорошо подготовленному в центре обучения ГРУ, где по-чти каждый день они бегали кроссы, Красовскому приходи-лось несладко, а что говорить об офицерах – танкистах, чья основная специализация – танки, а бегом по пересечённой местности они занимались крайне редко, и скорее всего, бе-гали последний раз только в своём танковом командном учи-лище.

Хорошо ещё, что россияне поднялись в горы повыше, и поэтому стало немного прохладней. Под утро, Красовский даже немного подмёрз. Большую часть ночи камни отдавали тепло, а вот под утро от камней протягивало, порядком под-забытыми уже – сыростью и холодом. Говорили мало. На ко-ротком привале подошёл наш проводник и "порадовал" ин-формацией о том, что свежей воды сегодня не будет. Но вот если завтра если всё пойдёт хорошо, и они сохранят темп

хотьбы, то к середине дня дойдут до колодца. Вода в горах вообще редкость, ну кроме льда и снега в высокогорьях.

Хорошо ещё, что перед выходом наполнили фляги, да напились и сполоснулись холодненькой водичкой. Правда, теперь от прохлады осталось только воспоминание. Пёрли вверх без остановки весь остаток дня. Ребята вымотались по-полному. Только проводнику и его соплеменникам этот переход был, похоже, совершенно до звезды, и складывалось такое впечатление, что они совсем не устали, а только чуть-чуть запылились. Остановились на ночлег у очередного скального выхода, скрывшись за огромными валунами.

Палий, Андрей и Сергей сели, можно сказать, рухнули, на каменное крошево и привалились спинами к камню. Все тяжело дышали, но слегка отдышавшись, Палий сказал Сергею, – Серёжа, слушай, поговори с нашим чёрноногим Сусаниным. Пусть его друзья Бинго и Бонго сбегают в разведку. Ну, пусть глянут где эти черти с зелёными бэрэтами на башке.

– Хорошо товарищ полковник, – Сергей тяжело встал и пошёл к троице чёрнокожих воинов.

– Пётр Васильевич, а может, всё-таки, я сбегаяю? – предложил Андрей.

– Нет, Андрюха, силы побереги – они тебе ещё, ох, как, понадобятся. Да и потом, дети гор, не в обиду тебе будет сказано, более незаметны будут со своими тёмными фэйсами, а твоё бледное лицо будет очень хорошей мишенью на фоне камней. -

Через некоторое время, уже в темноте, к Палию и Андрею подошли Сергей и проводник. Палий не выдержал, и первым поинтересовался,

– Ну что там ...?

– Разведчики говорят, что те люди, по прежнему идут по следам нашей группы. Встали лагерем в пяти километрах ниже по склону. – Палий грубо выругался матом.

– Это что же получается. Мы, как угорелые, бежали по этим чёртовым горам целый день, а они нас ещё и нагоняют.

– Да Пётр Васильевич, хорошо идут – тренированные гады, но не егеря – это точно. Горные стрелки нас бы уже грохнули – это наверняка. Ну, во всяком случае, наши российские егеря-то точно. Я под Шароем видел, как они по горам ходят – залюбуешься, да и горы там настоящие, крутые, нечета этим холмам.

– Однако если и дальше так пойдёт, то через пару дней они нас нагонят, – Палий ненадолго задумался.

– Пётр Васильевич, я думаю, что они тоже не железные. Это со свежими силами, и с испуга они так рванули. Должны и они темп сбросить. Вряд ли им приходилось вот так вот – день за днём за кем-нибудь гоняться.

– Ладно. Переведи нашему Чингачгуку, что завтра выход за час до рассвета. – Сергей захрюкал в нос французским прононсом, переводя слова полковника. В ответ проводник, улыбаясь, что-то ответил. Сергей повернулся к офицерам и перевёл,

– Говорит, что тут можно спокойно спать. В этой местности крупного зверья нет, только змеи.

– Ну, спасибо тебе. Утешил, Зверобой, – растягивая слова, сказал полковник. В ответ проводник улыбнулся широкой добродушной улыбкой, показывая частокол белых зубов, сияющих в полутьме неестественной белизной, и создавалось впечатление, что они светятся изнутри, как будто в каждом зубе у него работающая, миниатюрная лампочка в шестьдесят ват.

– А-а, начинаю понимать – это местный фольклорный юмор такой. Да – да. Смешно! Во! – Палий собрал пальцы в кулак, а большой палец оттопырил кверху и вытянул руку в сторону проводника.

– Да – да, обоссаться можно от смеха. Петросян отдыхает. – Рядом проходил Толик, услышал разговор и не удержался от вопроса.

– Товарищ полковник, а он разве знает кто такой Петросян?

– Слушай Толя ты куда шёл?

– Я? На пост. Сейчас моя смена. – Толик поправил автомат на плече.

– Вот и иди, дорогой. Иди, пожалуйста. Без тебя тошно. – Толик пожал плечами и пошёл дальше.

– Всё хорошо на сегодня. Смехопанораму объявляю закрытой. Андрюша, на тебе часовые – проверь. Всем отдыхать нах. Отбой. Заикался я сегодня что-то.

* * *

На третий день бега по горам природа сжалилась над россиянами. Откуда-то налетел ветер и нагнал сизых и мощных туч. Палий опасался, что эти тучки разродятся грозой с ливнем, а в горах буря – это страшное дело, и ведь придётся как-то пережить непогоду, теряя драгоценное время. Но всё обошлось свежим ветерком, принёсшим приятную прохладу. Грозы прогрохотали где-то в стороне, страшно посверкали молниями, но постепенно грозовые тучи утянуло куда-то за хребет, и хорошо было видно, как молнии утюжат там противоположный склон хребта, куда россиянам предстояло ещё идти и идти.

Накануне их отряду всё-таки удалось немного оторваться от погони. К вечеру третьего дня, специально оставленные для наблюдения за противником, парочка чёрнокожих воинов доложила, что гвардейцы Халеда встали лагерем в семи километрах от места стоянки отряда советников. Выслушав переводчика, Палий удовлетворённо крикнул. В этот момент у полковника был вид бурундука, наконец-то, наевшегося зерна до отвала, после зимней спячки. Вечером, после команды "привал" все офицеры просто рухнули, кто, где стоял.

Все вымотались до предела. Один из танкистов натёр ногу до крови, другой подвернул ногу на неустойчивой каменной осыпи. Нога немного опухла в суставе, но танкист пока держал темп ходьбы и не жаловался. Весь отряд давно уже не

бежал по горам и даже не очень-то быстро шёл – силы были уже не те, а все старались хотя бы широко шагать – беречь силы и сохранять темп движения. Проводник отряда всё так же бодро шлёпал босыми ступнями по камням. Он наверняка мог спокойно ещё прибавить темпа, но подстраивался под скорость движения отряда россиян. На следующий день, миновали небольшой родник, который вытекал из под чёрной скалы, и почти сразу же исчезал в крупном галечнике, ниже по склону.

Если не знать где тот родник находится, то запросто можно пройти в двух шагах от него и не заметить. Все напились и наполнили фляги. Проводник сказал, что воды на этой стороне хребта больше не будет, только на той стороне, но как найти там источник он объяснить не может. Он был на территории Квамби только один раз, да и то ребёнком. До перевала на ту сторону хребта добрались без каких-нибудь проблем. Устроили небольшой привал у чёрного, большого валуна, символизирующего собой пограничный столб. Во время привала к Палию и Красовскому подошли проводник и Серёга. Палий снял ремень автомата с шеи, и протянул оружие чёрнокожему воину,

– На, держи, Зоркий глаз. Заслужил. – Затем вынул из карманов разгрузки три полностью снаряжённых автоматных рожка, и тоже отдал проводнику. В ответ воин что-то быстро заговорил на французском, показывая, свободной от оружия, рукой куда-то в сторону, в направлении большого

нагромождения камней, на противоположной стороне хребта. Серёга внимательно выслушал и перевёл, – Он благодарит за оружие, и говорит, что нам надо идти в направлении вот тех больших чёрных камней, чтобы обойти деревню Квамби, а то эта тропа как раз и приведёт к их жилью. Тропу было хорошо видно, она петляла узенькой ленточкой мимо камней, и исчезала в хилом лесочке, произраставшем чуть ниже по склону.

– Серёга спроси у этого пижона сколько воинов у Квамби, и куда, блин, опять подевались его друзья – эти как там их ... Винтик и Шпунтик, мать их так. – Серёга и проводник забубнили между собой по-французски.

– Говорит, что у Квамби больше сотни воинов. Все они очень свирепы, и убивают всех подряд чужаков на своей земле. С ними невозможно договориться, их можно только убить.

– Ну что же, очень милое описание. Прямо-таки образцово-показательное племя для Африки. А братишки-то его где?

– Говорит, что они остались наблюдать за зелёными берегами, и в случае чего подадут сигнал.

– А вот это правильно. Видал Андрюха, как у них тут разведка поставлена.

– Так они тут без перерыва воют, – ответил Красовский, – Считаю, что постоянно на передовой живут, а без разведки им тут быстро глаз на задницу натянут, и желающих

это сделать будет хоть отбавляй. Те же Квамби например не побрезгуют всему их племени в полном составе бошки отпилить. Так что разведка здесь должна быть на высоте, иначе к всему племени песец придёт полный и пушистый.

– А за что головы-то пилить? – поинтересовался Толик.

– Ну, ты чудак – человек Толян. Да просто так, от широкой, африканской души, чтобы не маячили перед носом туда-сюда, – ответил Палий.

– Так что же, и бабам и детишкам головы пилить будут?

– В первую очередь бабам и детишкам. Детишки вырастут и отомстят обидчикам, а бабы ещё могут воинов нарожать. Так что в случае – чего, им в первую очередь хана. Воины все вооружены поголовно, можно сказать, спят с оружием, и их так просто не пустишь на котлеты – можно и пулю в ответ получить, а дети и бабы не могут за себя постоять ... Это Африка, Толя, здесь всегда так было, есть, и похоже не кончится никогда. Такие дела. Привыкай.

– Товарищ полковник, а вы в Африке бывали уже? Ну, до этой командировки?

– Был, Толя, был. В Анголе, – Палий замолчал ненадолго и продолжил, – Только давно это было. Мне было, наверно, столько же лет столько и тебе сейчас. – Красовский посмотрел на Палия с интересом, и подумал,

– Вот это номер. Полковник-то оказывается ветеран горячих точек, а он-то думал, что Палий только в Чечне воевал. Ох, не зря его сюда поставили старшим. Ох, не зря ...

– Всё, мужики, закончили вечер вопросов и ответов. Выдвигаться нам нужно, а то эти Квамби – гамби нас запеленгуют, а от них нам убежать будет, ну, о-о-чень трудно.

Глава 16

Идти вниз было гораздо легче, чем постоянно штурмовать кручи по каменистым осыпям. Все ребята воспрянули духом и даже прибавили скорости. Настроение у россиян явно улучшилось. Направление на приметный выход чёрных скальных пород, подсказанное проводником, прослеживалось очень хорошо. Теперь первым шёл Красовский, за ним Толик, потом вооружённые танкисты. Автоматов осталось всего шесть. Перед уходом группы от БТРа Алексей отдал свой автомат ребятам, понимая, что им он будет гораздо нужней, а его основное оружие КПВТ на транспортёре. Закрывал маленький отряд сам полковник Палий. На этой высоте было ещё относительно прохладно, и чумовое солнце хоть и заливало всю местность своим слепящим светом, но пока ещё не жарило, и не жгло беспощадно, как на равнине.

Общее благодушное настроение перекинулось и на Андрея, отчего он немного расслабился, чего делать было категорически нельзя. Видимо всё-таки сказалась усталость последних дней от постоянного бега по горам, да ещё прибавилось постоянное, сильное, психологическое давление от сознания того, что за ними по пятам идёт жестокий враг, который не пощадит и в плен брать никого не собирается.

В начале этой трудной дороги, наверное, далеко не все ребята в их маленьком отряде верили в то, что им удастся

спокойно перебраться через горы, и вот после тяжелейшего, пройденного пути наконец-то появилась уверенность в том, что у них всё получится, как и было задумано. Ведь они все прошли большую, часть маршрута, причём самую тяжёлую его часть. Видимо поэтому Красовский не почувствовал заранее присутствие впереди группы людей, хотя и должен был, и только в самый последний момент, уже после того как он сделал шаг вперёд, и выскочил на небольшую полянку среди колючих невысоких деревьев, он понял, что на поляне кто-то есть. По спине, между лопаток разлился ледяной, просто, космический холод, предупреждая об очевидной опасности.

Россиянам повезло только в том, что воины Квамби тоже немного растерялись, неожиданно увидев перед собой, на поляне отряд вооружённых белых воинов в военной форме, а сколько ещё скрывается солдат в лесочке, им было неизвестно. Андрей, как только почувствовал присутствие слева от себя людей, то сразу встал как вкопанный. Толик, идущий сзади, чуть ли не стукнулся носом в затылок Красовского. Автомат разведчика смотрел стволом точно в центр группы суровых воинов, чернущих как галоша, и с таким же лакированным отливом.

Одеты они были в короткие разноцветные юбки из обёрнутых вокруг бёдер кусков грубой ткани. Одеты – это если можно назвать небольшие куски ткани одеждой. Обнажённые торсы воинов были густо покрыты разнообразными узо-

рами, нанесёнными краской белого цвета. На щеках и вокруг глаз тоже пристроились своеобразные белые разводы. Складывалось впечатление, что ребята просто баловались и перепачкались зубной пастой с ног до головы, но извели её на себя целую большую коробку.

Но больше всего притягивали к себе внимание довольно большие, отполированные добела и блеска, клыки разных животных, вплетённые в волосы Квамби. На шее, на обрубках, сплетённых из кожи, тоже были подвешены клыки и небольшие рёбра, похожие на человеческие, но скорее всего это кости какого-то животного. (Смотри фото в приложении.)

Всё-таки это Африка, а не Папуа – Новая Гвинея, где по непроверенным слухам до сих пор живут людоеды. Всё это Красовский рассмотрел за пару секунд. Воинов было около десяти или двенадцати человек, все вооружены автоматами Калашникова, странной модификации с несъёмными откидными штыками. Скорее всего, – это калаша китайского производства. В России Андрей такой модификации не встречал. Но только двое из всех воинов стояли с автоматами наизготовку к стрельбе и были развёрнуты лицом к отряду россиян, а остальные сидели в разных позах на камнях и чего-то жевали и пили из разнокалиберных фляг, положив автоматы на колени или закинув оружие за спину.

Ни дать ни взять мальчишник на природе, вот только мангала с шашлыками не хватает, да бутылок с пивом. Последо-

вала немая сцена, все замерли, и не просто замерли, а превратились на недолгие мгновения в камень, и в этой тишине, нарушаемой только шуршанием узкой листвы и перекличкой невидимых птиц, Красовский отчётливо и ясно услышал сухой щелчок предохранителя, раздавшийся со стороны чёрного воинства. Дальнейшие события развивались столь стремительно, что просто стало некогда думать и на первое место вышли инстинкты и рефлекторные действия, вбитые в подсознание многочисленными тренировками по тактике и огневой подготовке на полигоне ГРУ под Самарой.

Андрей упал в сторону, уходя с траектории огня, одновременно снимая оружие с предохранителя и нажимая на спусковую скобу. Два чёрных воина и Красовский открыли огонь почти одновременно. Андрей упал, перекатился, и ещё раз дал короткую очередь в то место где ещё пару секунд назад стояли воины Квамби. Он отчётливо увидел попадания в грудь и руку широкоплечего воина, стреляющего от пуза, не целясь. Воина слегка развернуло, он сделал шаг назад, уронил автомат и тяжело завалился на спину.

В это время ребята танкисты опомнились от неожиданности нападения и тоже открыли огонь по чёрнокожим воинам. Но воины не стали ждать, когда их перебьют как мух, и, побросав фляги, очень резко попрыгали за большое нагромождение камней. Но при беге ещё один воин, получив несколько пуль в спину, упал лицом вперёд прямо на острые камни, в изобилии валяющиеся на поляне. Остальные пули ри-

кошетили с визгом от камней абсолютно никому, не причиняя вреда.

– Прекратить огонь! – крикнул Красовский. Патронов-то кот наплакал. Желательно и поберечь.

– Ну чего тут ...? – Палий с пистолетом в руке упал рядом с Андреем в высокую жёсткую траву на самом краю поляны.

– Да вот, товарищ полковник, проводник накаркал. Похоже, что напоролись на этих самых Квамби.

– Двоих завалили, но ещё около десяти попрыгали вон за те большие камни. Там теперь и заседают.

– Интересно, а чего они не уходят?

– Да как чего? Автоматы убитых не хотят бросать – однозначно. Если сразу не получится взять оружие, то будут сидеть за валунами столько сколько нужно, но и нас не подпустят к трофеям. Калашаи здесь, наверное, бешеных денег стоят – по местным-то меркам. Да и без оружия тут долго не протянешь – это точно. Очень уж много недоброжелателей с автоматами стало бродить по горам.

– Это ты нас имеешь в виду? – Из-за большого камня, чуть левее лежащих трупов, кто-то аккуратно высунулся, оглядывая поляну. Андрей приценился и дал короткую очередь в два патрона. Пули выбили фонтанчики каменного крошева из валуна в двадцати сантиметрах от головы наблюдателя. Голова исчезла.

– Андрюха, слушай, поползли потихоньку к нашим. Они уже наверно отошли от края поляны. Уходить нам надо от-

сюда. Хрен с теми автоматами. За нами топают наши друзья – зелёные береты. Ты, надеюсь, помнишь об этом?

– Это-то да. Но вот эти черти могут гонца отрядить в деревню за подмогой, и тогда нам звездац приснится. Вот было бы здорово свести друг с другом этих людоедов и наших старых, добрых, друзей – зелёных беретов.

– Ладно, подумаем на досуге. Поползли к своим.

Глава 17

Славный, рязанский парень, прекрасный механик – золотые руки, блондин и весельчак младший лейтенант Толя Переверзнев, лежал в траве, вытянув руки вдоль тела и закрыв на половину невидящие глаза, которые уже подёрнулись ртутной плёнкой небытия. Толик был бесповоротно мёртв – без вариантов. Пуля вошла ему в голову чуть выше правой брови, там виднелось небольшое входное отверстие и совсем немного крови, а вышла через затылочную часть, разворотив при этом треть затылка, но туда Андрей старался не смотреть. Кроме Толи погиб ещё танкист, шедший позади Толика. Тому пули попали в грудь и шею. Ребята сказали, что пару минут назад он часто и прерывисто дышал, и они кинулись делать ему перевязку, а сейчас вот вытянулся и застыл. И ещё один танкист был ранен в предплечье по касательной: пуля лишь чиркнула по руке, разорвала кожу, но не повредила мышцы и сухожилия.

Теперь он сидел на камне, прижимая к животу перевязанную руку. Порванная пулей кожа горела огнём, но эту боль можно было терпеть. Андрей с каким-то немного отстранённым видом, наклонился к телу бывшего напарника, аккуратно приподнял голову и снял с шеи автомат, лежавший у того на груди, и из которого Толя так ни разу и не выстрелил. Затем так же аккуратно вынул два запасных рожка из его раз-

грузки, и повесил автомат Толика через левое плечо. Рожки запихал в карманы разгрузки, а затем спокойно, как на стрельбище подогнал ремень "Ксюхи" Толика под левую руку, так что б можно было держать автомат и вести неприцельный огонь одной левой рукой. Потом, совершенно спокойно, он извлёк из своего автомата полупустой рожок, и заменил его на полный из своей разгрузки, а полупустой сунул в крайний клапан – это чтобы помнить – где какие. За его приготовлениями очень внимательно, и с тревогой смотрел Палий.

– Ты чего удумал, Андрей?

– Да вот хочу с чёрными пацанами в прятки поиграть.

– Андрюха, завязывай ты это дело нахрен. Ты чего, этим уродам мстить собрался? Да они же все эти склоны с детства знают. У них здесь каждый камешек обоссан. Да и не со зла они по нам стреляли. Они ведь по всем кто по их земле ходит, хреначат без разбора. А у нас что, не так что ли? Только у нас пограничники сначала спросят: "Стой! Кто идёт?", а уж потом стреляют на поражение. А у них сначала стреляют, а уж потом смотрят, кого тут черт занёс на их территорию.

– Пётр Васильевич, надо людей уводить, – сказал устало Красовский. – Я всё понимаю, но этих гавриков отпускать сейчас ну никак нельзя, потому как они пошустрее нас будут. Обойдут с фланга и тёмную нам устроят – это к гадалке не ходи, особенно когда узнают, что нас всего-то ..., – Андрей обвёл взглядом всех оставшихся офицеров.

– Да, а я то, старый дуралей подумал, что это они нас за горло взяли, а оно вона как, оказывается мы, значит, решаем отпускать их или нет.

– Пока они там за камнями сидят и бздят с ними ещё можно потягаться, а вот как только вся банда в зелёнку вырвется всё звездац, ищи-свищи их.

– Так давай все вместе с ребятами, – Палий махнул рукой в сторону вооружённых танкистов, – накроем этих долдонов у камней. А ...?

– Нет, Пётр Васильевич, у вас подготовки нужной нет. Будем мешаться друг другу, да и поляжем там все, нахрен.

– Ишь ты..., а у тебя получается есть ... Рэмбо, хренов!

– Пётр Васильевич, вы только не обижайтесь, но мне одному сподручней будет. Меня обучали тактике и стрелковой подготовке очень хорошие учителя. Поверьте мне на слово, – сказал Андрей, проверяя, легко ли выходит нож из клапана разгрузки.

– Конечно, ты уже большой мальчик, и я надеюсь, ты знаешь что делаешь, Андрюха. Приказывать тебе, я не хочу. Ты и раньше был кругом прав: и с танковой засадой угадал, и в горы нас всех вывел, и на счёт проводника договорился, а уж как повстанцев распистонил – это просто высший пилотаж. Я давно служу в армии и побывал в разных передрягах, даже похреновей этой, но таких чудес я ще не бачив.

– Ну, на счёт проводника – это-то вы сами со стариком договаривались, а с борцами за мировую справедливость мне

просто повезло – это как-то всё само собой вышло. Сам не ожидал.

– Да, у всех бы так неожиданно выходило. Я уж скорее поверю в то, что учителя у тебя были – что надо. Ладно. Топать нужно. Эх, жаль ребят хоронить некогда. Простите нас мужики, – Палий склонил голову над телами погибших. Немного помолчал, потом посмотрел на всех оставшихся офицеров и сказал,

– Всё, уходим ребята. Андрюха нас догонит.

– Вы только направление на чёрный пик так и держите, а то где я вас тут искать буду? -

Андрей закинул автомат Толика за спину, чтобы не мешал, а свой повесил на грудь и снял его с предохранителя.

Многие ребята, уходя, смотрели на Андрея со смесью удивления, сочувствия и недоверия. Как так – один человек против десятка местных аборигенов, знающих эту местность как свой карман. Но Андрей думал иначе. В данный момент, пока чёрнокожие воины прижаты к большим камням, знание местности не имеет ни малейшего значения. Ошибкой отряда Квамби было то, что они даже не попытались прорваться через россиян, а сразу перешли в глухую оборону. Но их тоже можно понять. Отряд белых воинов в форме выскочил на них, как чёрт из табакерки. Численность неизвестна, вооружение неизвестно. Стрелять явно умеют, о чём свидетельствуют два трупа соплеменников на поляне. Поневоле задумаешься: "А стоит ли в атаку идти?"

– Эх, были бы у нас гранатомёты, ну хотя бы пару, тройку "Мух" – все вопросы с этими Квамби быстро бы порешали, а так придётся повозиться, – думал Андрей, подкрадываясь к краю поляны с трупами чёрнокожих воинов.

Вспомнился инструктор по тактике майор Штоль, внушающий курсантам различные истины, да и просто здравые мысли. Любил он это дело – внушать.

– Вы проигрываете не потому, что слабы или опыта у вас нет. – Андрей и ещё несколько курсантов стоят на закрытом полигоне ГРУ, на плече спец. карабин, стреляющий маркерами. Все в мокрых, перепачканных грязью и отпечатками маркеров комбинезонах, без знаков различия, только ленты на рукавах: красные и белые. Только что "белые", к которым принадлежал Андрей, пытались выбить красных из хорошо укреплённых позиций, а перед этим было всё наоборот. Но взять позиции так и не получилось, ни у красных, ни у белых, да и вообще казалось – это сделать совсем невозможно. – Вы все в прекрасной физической форме, – продолжал вещать громогласно Штоль, расхаживая вдоль строя курсантов в своих любимых хромовых сапогах (и где он только их брал?).

– Про здоровье вообще не говорю. Многие из вас побывали в горячих точках и сами вели бои в стеснённых городских условиях, а проядываете в такой простой тактической игре раз за разом. Почему? -

Никто из курсантов не проронил ни слова. Все ужасно за-

мёрзли. Как-никак слякотный октябрь на дворе. Хотелось плюнуть на все эти игры в войнушку да пойти в казарму к теплу. Но все понимали, что Штоль не отстанет от них пока не добьётся результата.

– Тогда я вам объясню почему ... Вы все, – он обвёл рукой неровную шеренгу курсантов, словно хотел обвинить их в страшных несмываемых грехах, – Вы, очень много думаете во время боя, а это в самый разгар боевой работы очень вредно для собственного здоровья, и, почти наверняка, отразится на здоровье ваших боевых товарищей в худшую сторону. До начала любого действия – там да, думать надо обязательно. Планирование своих действий это основа тактики боестолкновения. Но когда вы начали движение в бою ... Всё выключайте мозг и включайте рефлексy. Рефлексy не подведут никогда.

Мозг – запросто. Вы не должны думать, о том, куда поставить ногу, где упасть, где перекатиться, где перезарядиться, где приоритетная мишень, а кто и может подождать вашей пули. Всё производимые вами действия должны быть доведены до автоматизма. Во время боя вы должны представлять собой – запрограммированный на уничтожение врага механизм, в котором заложено множество программ на все случаи жизни. Меняется характер боя – меняется программа на ту, которая именно в данных условиях наиболее эффективна. Я здесь для того и нахожусь, чтобы загрузить в ваши головы как можно больше таких вот полезных для вашего здо-

ровья программ. Но человек не компьютер и прямо с диска в мозг программы не скинешь, а запоминаются они только при помощи многократного повторения, чем мы сейчас и займёмся. "Белые", – занять позиции! "Красные", – приготовится к штурму! Погнали бойцы. Я вам кое-чего сейчас подскажу ...

Красовский аккуратно подполз под колючие ветки дерева растущего на самом краю поляны, и, не раздвигая травы, выглянул на открытое пространство. Два бойца Квамби уже подобрали автоматы убитых, повесили оружие на плечо и теперь переворачивали труп того воина, который погиб последним и упал лицом на острые камни. Ещё один боец стоял боком и ближе к Андрею с автоматом в руках и контролировал обстановку, вернее ему казалось, что он контролирует обстановку.

Из-за больших валунов выглядывали головы его соплеменников, но выходить на поляну они пока побаивались, и это было очень хорошо, потому как если бы они всем скопом высыпали на поляну, то справиться со всей ордой было бы очень проблематично, а так ... Принцип "разделяй и властвуй" никто не отменял. Андрей аккуратно прицелился в ближайшего воина с автоматом в руках и нажал на курок. В последний момент воин что-то почувствовал, видимо сработали могучие инстинкты, но это его уже не могло спасти. С такого близкого расстояния три пули прошли тело насквозь, вырывая на выходе кусочки мяса и костей. Андрей

мгновенно перевёл огонь на воина стоящего к нему спиной, и не снимая пальца с курка повёл кургузым стволом автомата к третьему силуэту человека, склонившемуся над трупом, и тут же, уже особо не маскируясь, и не оценив результатов своей стрельбы (он и так знал, что попал), рванул назад и в сторону.

Вскочил на ноги, и рискуя подвернуть стопу или потянуть связки устремился бегом за нагромождение камней, заходя прячущемся воинам за спину. В тот же миг множественные пулевые попадания просто перепахали то место под деревом, где только что прятался разведчик. Но из-за грохота своей собственной стрельбы стрелки не услышали, как Красовский карабкается по камням, заходя к ним с тыла. Очень аккуратно выглянул из-за большого валуна и увидел двоих автоматчиков, уже не стрелявших по кустам, но выцеливающих что-то на поляне. Андрей первым же выстрелом разнёс голову ближайшему автоматчику, а второй только начал поворачивать голову на звук выстрела. Красовский всадил ему в спину и шею четыре пули, и опять нырнул за камень. Где-то рядом послышались вопросительные возгласы – это друзья только что убитых бойцов, видимо они интересовались как там дела у товарищей.

А дела у тех, между тем, были хреновей некуда. Просто-напросто лежи себе с прострелянной головой и требухой наружу да жди, когда тебя свои же соплеменники похоронят, а больше никаких дел-то вроде и нету. Красовский

начал двигаться на голоса. Похоже, что все оставшиеся бойцы собрались в одном месте, здраво рассудив, что гуртом обороняться будет гораздо сподручней. Андрей лёг грудью на камни и осторожно выглянул на мгновение из под большей каменюки, и тут же убрался обратно, переваривая увиденную информацию. Между большим нагромождением камней было свободное пространство овальной формы где-то пятнадцать на пять метров, и в этом каменном мешке находилось пять воинов Квамби, они поводили стволами автоматов в разные стороны, явно не зная с какой именно стороны последует нападение. Сидеть и ждать, когда воинам надоест прятаться среди камней, и дожидаться, когда они полезут из своей берлоги, чтобы подловить их в этот момент, но на засаду просто нет времени.

– Эх, сейчас хотя бы обыкновенную, стандартную РГД-5, и всё, и никаких проблем. Разорвавшись в таком каменном мешке, она могла бы понаделать много добрых дел. Осталось бы только спуститься туда и дострелить оставшихся в живых бедолаг. Но к великому сожалению гранаты под рукой нет, а значит – придётся рисковать, – подумал Андрей. Он стряхнул со спины автомат Толика, снял с предохранителя (патрон был уже в стволе). В своей "Ксюхе" Красовский поменял полупустую обойму на полную, и дослал патрон. Потом взял по автомату в левую и правую руки, и попробовал насколько свободно можно менять направление стрельбы. Хорошо, что это были "Ксюхи", а не длинноствольные калаши,

а то с ними такой номер не прошёл бы. Потом опять на мгновение зыркнул из под камня, срисовал кто где стоит.

Все воины были на тех же местах где и минуту назад. То есть стояли и топтались на месте, как гималайские медведи, а им надо было хоть что-то делать, надо . . . , а вот теперь времени у них просто не осталось. Андрей поднялся, отошёл назад. Три валуна, расположенные друг за другом давали возможность для короткого разбега. Он разбежался коротко, но как можно яростнее и с силой выбросил тело как можно выше вверх, и как только показался край каменного мешка, в котором находились чёрнокожие воины, открыл огонь с обоих стволов . . .

Глава 18

Андрей бежал, тяжело топая кроссовками по малозаметной тропе, поднимая, при этом, тучи пыли. За плечами у него болталось, аж, четыре автомата: две "Ксюхи" и два трофейных АК-74 китайского производства. Клапана разгрузки были забиты магазинами к калашам. Разведчик очень торопился.

До наступления темноты надо было успеть добраться до высоченного, чёрного, базальтового пика – места встречи со своими. Одному плутать по этим местам – верная смерть. Вся правая сторона лица и верхняя часть коричневой, форменной куртки были залиты кровью, уже порядком подсохшей, свернувшейся и кое-где взявшейся корочкой. Всю левую щёку Андрея, по направлению от уголка рта и до мочки уха, слегка задевая его, рассекал красный росчерк – рана – это остался след от пули, пущенной практически в упор. Пуля, после возгорания пороха в гильзе, проходит по каналу ствола, с приличным усилием, вкручиваясь в нарезку, чтобы после этого быстро вращаясь, и не кувыркаясь, стабильно лететь на приличное расстояние по своим, неотложным, стрелковым делам. Но на выходе из ствола пуля довольно ощутимо нагревается из-за сильного трения о нарезные ленты канала ствола, да и раскалённые пороховые газы передают часть высокой температуры телу пули. Поэтому пуля, про-

летевшая очень близко, буквально чиркнувшая по лицу Андрея, просто обожгла щёку, только слегка задев кожу, и повредила на своём пути, да и то совсем чуть-чуть, мочку уха.

Вообще-то валяться бы сейчас Красовскому там на камнях, с простреленной навывлет башкой, если бы не предупредившее его вовремя чувство смертельной опасности, ещё более обострившегося во время боевой работы. После того памятного головокружного прыжка, кстати очень удачного – он даже не отбил ступни при приземлении, все пять вражеских воинов получили пулевые ранения в различные части тела, по завершении плотной стрельбы веером сразу из двух автоматов. Оставалось дело за малым – дострелить тех кто ещё шевелится, чтобы неожиданно не получить пулю от раненого вражины. Всё эти действия Красовский исполнил автоматически, как учили, используя автомат только в правой руке. Автомат покойного Толика разведчик поставил на предохранитель и закинул за спину, чтобы не мешал.

Когда дело было сделано Андрей неожиданно, даже не услышал, а скорее почувствовал кожей, что за выступом ближайшей скалы кто-то есть, одновременно между лопаток разлился знакомый холод – вот будто бы ледышку из морозилки холодильника сунули за шиворот куртки. Этот кто-то, думая, что он невидим, а значит и незаметен, собирался вот – вот напасть на разведчика. Надо было срочно предпринять хоть какое-нибудь действие, способное дать преимущество над противником. Нужно хоть на пол шага но опережать вра-

га, а иначе неприятель окажется быстрее и сильнее, со всеми вытекающими из этого факта последствиями . Выступ скалы, за которым кто-то прятался, находился совсем близко – только руку протяни. Андрей скакнул вбок, выпрыгивая из-за уступа, выставив вперёд автомат, одновременно давя на спусковой крючок, надеясь таким образом застать врага врасплох, и у него это почти получилось.

Но автомат издал гадкий, сухой щелчок – это просто кончились патроны, потраченные на дострел неприятеля, а перезарядить автомат Красовский не успел. Чуть замешкавшийся вначале атаки довольно крупный воин Квамби, с широченной грудной клеткой и хорошо развитой мускулатурой, резко направил свой АК-74 на Андрея. Хороший всё-таки автомат АК-74 и надёжен, и недорог в изготовлении, а убойная сила такая, что пробивает насквозь человека в лёгком, кевларовом бронежилете.

Такие вот броники очень любят носить американские копы в боевиках. Но среди редких и небольших недостатков этого оружия есть один, мешающий эффективно использовать этот автомат в условиях ближнего боя, а именно длинна автомата. Вместе с деревянным прикладом длина семьдесят четвёртого очень уж велика и когда надо вести огонь на коротке, резко меняя сектор стрельбы, то это получается не очень-то быстро и эффективно. Этим-то недостатком и решил воспользоваться Андрей. Разведчик изо всех сил метнулся к чёрнокожему воину, чего тот явно не ожидал, и ухва-

тился за ствол автомата левой рукой, одновременно отклоняя голову в сторону от ствола. В этот же момент воин открыл огонь. Андрей почувствовал, что левую щеку будто бы лизнуло пламя. Сильной боли пока не было. В пылу борьбы часто не замечаешь мелких ранений и несильной боли. Всё выявиться потом после драки.

Когда утихнет адреналиновый шторм в крови. События в последнем боестолкновении закрутились с невероятной скоростью. Поэтому Андрей действовал рефлекторно, не думая (майор Штоль мог бы быть доволен своим учеником, если бы узнал о цирковых кульбитах Красовского). Воин продолжал стрелять, несмотря на то, что пули уходили в чистое небо. Разведчик разжал правую руку и отпустил свой автомат, ставший теперь бесполезной железякой, повисшей мёртвым грузом на шее, и тут же ухватился за рукоять ножа, торчащую из разгрузки. Мгновенно выхватил НРС-2, и без сильного замаха (большая масса ножа позволяла не делать замах из-за уха) хотел ударом сверху вниз вогнать его в шею или грудь воина. Но тот оказался ловким парнем, и почти грамотно перехватил руку с ножом.

Воин Квамби был на пол головы выше Андрея, и физически гораздо сильнее. Красовский с ужасом понял, что проигрывает силовое противостояние, и его упорства надолго не хватит. Видимо это почувствовал и воин, он медленно, но уверенно отводил руку с ножом от своей шеи в сторону. На его губах появилась гаденькая улыбка говорящая буквально:

"Всё парень, звезда тебе. Вот сейчас, только руку твою отведу подальше и ...". Чёрный воин держал руку Андрея с ножом за запястье, железным хватом под кулак.

Пальцы Красовского, держащие нож были свободны. Можно было попробовать изогнуть кисть и попытаться лезвием резануть по запястью врага, но Андрей очень быстро терял силы, и поэтому разведчик начал быстро манипулировать ножом, разворачивая его торцом рукоятки по направлению на голову врага. Затем щёлкнула планка предохранителя. На лице чёрнокожего парня появилось некоторое недоумение.

Неизвестно понял он перед смертью, что произошло или нет, но "сюрприз" спрятанный в рукоятке ножа сработал штатно. Раздался негромкий хлопок, и пуля калибра 7,62 прошила голову парня насквозь. На выходе из головы пуля выбила наружу брызги крови, кусочки кости и ошмётки мозгов, вся эта масса забрызгала всю правую сторону лица и всю верхнюю часть куртки Андрея. Труп здоровяка рухнул к ногам разведчика. От дуращего запаха крови и вида кусочков мозга Красовского замутило, и его почти пустой желудок вывернуло наизнанку. Он присел в стороне от трупов – ноги от нервного перенапряжения плохо держали. Но нельзя забывать и о безопасности. Андрей перезарядил свой автомат.

Вставил в стреляющий механизм ножа очередной спецпатрон. Взвёл механизм в рукоятке и поставил его на предохранитель. Потом спокойно убрал нож в ножны, и вставил

его в клапан разгрузки, затем тяжело поднялся, выбрал из всех трофеев пару автоматов менее обшарпанных – больше ему на себе было не утащить. У каждого воина было по запасному полному магазину.

Андрей взял пять и разложил их по клапанам разгрузки, а свои пустые выбросил (всё равно нескоро представится возможность разжиться патронами калибра 5,45 мм, так непопулярными в Африке в конце девяностых годов). Хотел было обтереть лицо от крови, но не нашёл чем. Фляги с водой если они и были у воинов, то где-то валялись между камней, а снять с убитых юбку и вытереться ей ... Просто сама мысль об этом вызывала тошноту, уж не говоря об откровенной антисанитарии. Поэтому просто протёр глаза от крови чистым рукавом своей же куртки. Надо было срочно уходить. Нашумел-то Андрей сильно, и сюда на поляну могли вот-вот нагрянуть соплеменники убиенных. Ох, и расстроятся же они, увидев, как обошёл Красовский с их товарищами.

Глава 19

Недалеко от чёрного пика, Андрей стал топтать, как слон уже умышленно, чтобы свои же случайно не пристрелили, а так хоть услышат топот может, и глянут – кто там шумит. Ведь враг будет скорее красться тихонько – это в теории, конечно же.

– Ну и кто тут у нас топает, как стадо гиппопотамов? – сказал Палий, выходя из-за плотных зарослей какого-то кустарника. В руке у него был пистолет. Полковник изменился в лице, когда увидел, как выглядит Андрей: в маске на пол лица из засохшей, спёкшейся крови. Половина куртки также залита, уже свернувшейся, кровью.

– Ты ранен? Куда? – Палий метнулся к Андрею.

– Да нет, Василич, не моя это кровь. Меня только чуть-чуть цапануло. – Андрей показал пальцем на красную борозду на левой щеке. – У вас водички случайно не осталось а ...?

– Пошли – пошли. Мы тут с ребятами как раз родник нашли, или что-то похожее на него. -

Родник выглядел как большая чаша метра два в диаметре – дно из крупного галечника, а стенки выложены плоскими камнями. Вода выходила из-под земли небольшой струйкой, заполняла чашу, и через неплотно подогнанные стенки чаши потихоньку просачивалась по сторонам, а затем исчезала среди камней. Андрей скинул залитую кровью куртку. От-

мылся от крови сам, и насколько это вообще возможно, отстирал куртку. Прохладная вода приятно остужала ожог на щеке, который уже воспалился, и ткани вокруг него нехорошо стягивало, словно кожа на щеке склеилась в разных местах, а разлепить её не представляется возможным. Подошёл Палий.

– А трофейные автоматы-то практически новые. Даром что китайские, – начал полковник.

– Свинья грязи ... Здесь в Африке еды и воды хрен найдёшь, а вот убойного железа сколько хочешь. Хоть и стоит дорого, – ответил Андрей.

– Да, всё для человека. Всё для ближнего своего ... – Помолчали.

– И вот что интересно Василич, ну почему так: чем люди беднее живут, тем больше друг друга ненавидят. Ведь и у нас такая же хрень. Вот одна большая и богатая страна СССР развалилась на куски. Так. Появилось много мелких – независимых стран. Казалось бы, живи да радуйся, ан нет. Тут же разосрались все, и со всеми. Грузины сцепились с осетинами. Армения с Азербайджаном. Молдаване и то поделить свою территорию не смогли. Мы с Чечнёй насмерть сошлись, а на очереди, похоже, Дагестан. А в Чечне и Дагестане простые люди бедно живут. Я знаю – сам видел. Не живут даже, а выживают. – Андрей замолчал.

– Андрюша, ты понимаешь, – это во всём мире так, а здесь в Африке ситуация дошла до логического предела, или вер-

нее сказать, зашла в тупик, из которого просто нет выхода. И если на территории бывшей страны советов, всё-таки, все эти страны – лилипуты в конечном итоге как-нибудь определяться со статусом, и, так или иначе, найдут своё место под солнцем. Кто-то у кого-то отожмёт силой часть территорий. Где-то договорятся по-плохому. По-хорошему в таких вопросах никогда и нигде не договариваются. Кто-то будет верещать на весь мир, но уступит.

А всему миру на все эти территориальные проблемы стран – гномиков, по большому счёту, наделать большую кучу. Ну, посочувствуют, соберут совещания Совбеза. Потом примут пару тройку гневных резолюций и пистец – выкручивайтесь сами как хотите. "Мы что, теперь из-за вас третью мировую будем начинать?" Но, так ведёт себя условно – цивилизованный мир. С советом безопасности Европы, блоком НАТО, с международным судом и трибуналом, ну и другой объединённой хреню, а теперь представь себе, что делается здесь на африканском континенте, где у остального цивилизованного (условно) мира нет особенно никаких интересов. Да кто в цивилизованном мире знает, что, к примеру, та же Сомали в результате череды кровавых переворотов развалилась на три части.

Двумя частями бывшей Сомали управляют просто бандиты. За пять лет конфликтов в этой самой Сомали, народу погибло в пять раз больше чем за всё время десятилетнего присутствия войск Союза в Афгане. Никого из правозащит-

ников и поборников демократии сей факт особо не трогает. Никто гневных резолюций не пишет, и никаких мер воздействия не принимает. А вспомнили об этой самой Сомали только тогда, когда в конец оборзевшие пираты потеряв всякий страх, стали нападать на все подряд торговые корабли. Вот тогда-то и прогремело на весь мир название пиратской страны, хотя на самом деле местность, где базируются морские пираты – это, давно уже, не часть Сомали. Ну, а что касается простых людей, то я их не виню. В бесконечных стычках всех со всеми, и за всё на свете о них просто забыли.

Люди здесь ценятся ниже скота. Они нужны иногда в очередной кровавой разборке только в качестве фарша на убой, и для достижения каких-то своих целей местного главаря бандюков, и неважно одеты эти бандиты в форму или нет, смысл от этого не меняется. Ну и что остаётся тем самым беднякам? Да только браться за оружие, чтобы защитить себя и своих близких и от бандитов, и от соседей завистников. По мордам им всем! По мордам ...! А что иначе? А есть ли у простых людей альтернатива? Да просто нет других вариантов. Просто остаётся только пропадать, а пропадать ведь очень не хочется, потому как любая тварь божья – она ведь жить хочет, и чтобы даже просто существовать – надо бороться, а иначе придётся сидеть и смотреть, как насилуют твою жену, а сыновьям перерезают горло.

Это ведь у богатых есть личные телохранители, их прикрывает полиция, их интересы защищает армия и продаж-

ные политики, суды и карманные диктаторы, а за бедняков некому заступиться. Поэтому они защищают себя сами, и зарабатывают на хлеб насущный так, как это они умеют – просто отбирая то, что им нужно у более слабого. А бедность в Африке она такая ... такая – звенящая что ль, беднее Африки территории нет. Ты видел, Андрюха, как люди тут живут? То-то. Из одежды – только коврик на яйцах. Живут тем же укладом, как и тысячи лет назад, вот только копья поменяли на калаша. Наверное – это самое дно человеческого существования. Ещё шаг и человек превращается в зверя: в хитрого, жестокого, беспощадного, мыслящего зверя, и здесь, в Африке, люди постоянно переходят эту черту.

– Да вы Пётр Васильевич никак оправдываете, то чего они тут творят друг с другом?

– Да ты что, Андрюха? Ни в коем разе не оправдываю. Я просто понимаю откуда у этого африканского беспредела ноги растут, и не более того. Я же говорю, – это тупик, из которого выхода нет, да никто, собственно, и не ищет, этот самый, выход. Никому он, нахрен, не нужен. Слушай, Андрюха, заболтались мы тут с тобой. Стемнело уже, а нам ещё место для ночлега надо найти, да понадежней. Пошли, что ль поищем. -

В итоге заночевали среди больших валунов – осколков этой же чёрной скалы. Наверное, и с двух метров не заметишь, что тут в камнях прячется десять человек. Но всё равно оставили сменных дежурных. Предосторожность лишней

не бывает.

Глава 20

Двигаться вниз по склону начали только с рассветом. Дороги-то никто, понятное дело, не знал. Поэтому приходилось полагаться только на собственное чувство направления. Благо, что надо идти теперь только вниз, и вот там, где-то у подножия хребта, извивается змеёй грунтовая дорога, по которой и можно выйти к какому-нибудь населённому пункту. Правда это ещё не факт, что в этом посёлке получится договориться с местным населением о телефоне, если конечно таковой вообще имеется в деревне. Ну, или хотя бы полюбовно договориться – просто не делать лишних дырок в организмах обеих сторон. В общем, впереди проблем ещё много, и сейчас о них думать совсем не хотелось, а ведь ещё на хвосте сидят зелёные береты, да и новых знакомых Квамби нельзя скидывать со счетов.

Тесное знакомство с которыми, прошло в горячей, и прямо скажем, в совсем недружественной обстановке, и скорее всего, местные ребятишки попытаются перехватить отряд советников да организовать более жёсткий приём россиянам. Благо свою местность они знают куда лучше тех же зелёных беретов. Да-а, сколько ещё всяких опасных и неучтённых моментов было в плане Андрея – махнуть в Эфиопию прямо через горы. Теперь-то Красовский понял, почему так сомневался Палий в реализации этого простого, с виду, пла-

на, и то, что пока выжили в рейде по этим древним горам десять офицеров – это всё-таки, скорее, везение, чем какой-то тонкий расчёт боевых действий. Да и как тут вообще что-то можно рассчитывать в этой долбанутой, безумной Африке. Вот воистину. Как там ..., у классика детской литературы?:

"Африка ужасна,

Африка опасна,

Не ходите в Африку,

Дети, никогда!" – как-то так, помнилось Андрею приблизительно.

Вниз идти было всё-таки гораздо легче, чем выбивать кроссовками пыль из узких горных троп, тяжело карабкаясь вверх. Россияне держали довольно высокую скорость движения. Отдыхали мало. Все понимали или почти физически ощущали, что за ними по пятам идёт смертельная опасность, и надо поторапливаться, если хочешь вернуться домой. Появились каменные осыпи, так досаждавшие при подъёме с той стороны. Растительность становилась всё более чахлой. Скоро должна показаться и та самая дорога. Но час шёл за часом, а дороги что-то не наблюдалось.

До темноты оставалось, наверно, час с небольшим ... Устроили небольшой привал. Палий стал осматривать часть холма ниже по склону в бинокль, который так и не бросил, несмотря на тяжёлый переход. Многие ребята выкинули всё лишнее, и даже, ставшие уже бесполезными зажигалки. Всё равно курить было нечего, варить и жарить тоже, а демас-

кирующий костёр разводить в тёмное время – просто самоубийство. Ну, а такого холода, чтобы греться у огня, в Джибути не было никогда с начала времён. Питались в переходе по горам исключительно сухпаем. В основном жевали галеты, напоминающие и по вкусу, и по виду картон. В начале перехода были ещё и разные консервы. Но банок с консервированной едой было немного, и их съели в первую очередь.

– Слушай, Андрюха, мне кажется, что вот за той каменной грядой наша дорога прячется. На, глянь, – сказал Палий, протягивая бинокль Красовскому. – Разведчик внимательно всмотрелся в каменную гряду в двух километрах ниже по склону. И точно. Было похоже на то, что камни с дороги убирали и складывали по её обочинам, но со стороны горы камней было гораздо больше, и поэтому вал крупных булыжников был гораздо выше, чем с противоположной стороны. Вот этот самый вал и скрывал само полотно грунтовой дороги, кусочек которой всё-таки был виден в пяти километрах вправо от места привала россиян.

– Точно Василич. Похоже, что до тракта мы дотопали.

– Ну, бойцы, – Палий обернулся ко всему отряду, – остался последний рывок – и мы на дороге. А там и наших разыщем. Здесь в Эфиопии, к русским более дружелюбное отношение, чем в той же сраной Джибути. – Пока полковник держал свою небольшую речь перед отрядом, Андрей навёл бинокль на склон горы выше по склону, и почти сразу увидел ловкие человеческие фигурки в зелёной военной форме,

довольно быстро, идущие по следам отряда россиян. Палий посмотрел в ту сторону, куда Андрей направил бинокль, и моментально уловив перемену в его поведении, коротко бросил,

– Кто?

– Зелёные береты. Человек сорок. Идут по нашим следам. Удаление где-то восемьсот метров, – коротко доложил Краковский.

– Твою жеж в дарданэллу мать, а с каких хренов-то сорок? Винтик и Шпунтик говорили же о двадцати?

– Да кто ж этих следопытов знает. Может, считают они плохо. Школу-то, небось, прогуливали постоянно. Всё с пацанами в войнушку играли. Вот и выросли неучами, а может береты двумя отдельными группами шли. Обычная тактика: хотели окружить с двух сторон – взять в клещи, ну и так далее.

– Так! Мужики, кончай перекур! К нам девки на танцы пришли. Все бежим вниз. Быстро! Нам нужно до дороги добраться, а там за камнями сховаемся, и хрен они нас оттуда выжмут. -

Полковник, конечно же, кривил душой. При таком соотношении сил, размазать по камням небольшой отряд советников, да с хорошей подготовкой спецназа, дело недолгое (какая бы там подготовка у местного спецназа не была, но спецназ – это всё равно элита вооружённых сил любой страны). Но сейчас надо было людей как-то стимулировать к воз-

возможной обороне. Нельзя отчаиваться и опускать руки.

Пленных никто брать не будет, и поэтому придётся драться за последний шанс. Драться и рвать зубами врага хоть за самый малюсенький, за самый призрачный и эфемерный шансик остаться в живых, и жить дальше. Они бежали быстро, как могли, рискуя переломать ноги о камни или покалечиться вниз по каменной осыпи обдирая об острые осколки камней кожу и мясо. Отряд россиян успел добежать только до вала из больших камней отделявшего чистое полотно дороги от каменных осыпей.

Андрей увидел, как споткнулся на полушаге и упал за-мертво танкист, бежавший первым, но ненадолго остановившийся перед большим валуном, высматривая обход. На куртке со стороны груди пуля вырвала кусок мяса с кулак, а из раны торчал кусок обломанного ребра. Парень умер мгновенно. Андрей обернулся, оценивая расстояние до преследователей. Получалось что-то около пяти ста метров. Спецназеров уже было прекрасно видно и невооружённым глазом. Они, уже особо не маскируясь, бежали, сбросив с себя всю лишнюю амуницию, оставив себе только оружие и патроны. Мгновенно оценив ситуацию и сделав правильный вывод, Красовский крикнул,

– Василич! Снайпер! – Палий отреагировал незамедлительно.

– Отряд рассредоточится! Все в укрытие! Занять оборону! К бою! – Но, снайпер у пришлых спецназеров оказался

грамотный, и боец, шедший замыкающим в группе россиян, и не успевший нырнуть за камни, получил тяжёлую снайперскую пулю в голову, отчего голова, за мгновение потеряв округлую форму (сказался эффект гидроудара) лопнула кровавыми брызгами со стороны лица, как переспелый арбуз при падении на асфальт. Но Палий ещё умудрился подхватить автомат погибшего, прежде чем с размаха сигануть за камень, за которым его дожидался Андрей. Красовский тоже успел взять "Ксюху" первого убитого парня и пару почти полных рожков к оружию.

– Жаль патроны не успел забрать, – пожаловался, запыхавшийся Палий.

– Сейчас туда нельзя, Василич. Больно уж снайпер у них, сука, хорош. Метров с пятьсот – шестьсот лупит, как в копеечку, гнида.

– Да, грамотно они нас делают, пидоры. Снайпер нас тормазнул, а теперь вся их кодла подвалит поближе, и начнут они нас отсюда выковыривать.

– Сейчас лучше здесь, среди камней куковать, чем на открытой дороге. Но надо постараться ближе пятидесяти метров их не подпускать, а то гранатами закидают, – сказал Андрей, наблюдая за склоном в небольшую щель между камнями.

– Думаешь, что они могли много гранат протащить по этим горам?

– Много – не много, а если хотя бы по паре гранат на нос у

них имеется, то восьмидесяти гранат нам хватит с избытком.

– Мужики! – заорал Палий во всю глотку, – Слушай мою команду. Когда эти суки подойдут на сто метров, только тогда открывать огонь, и стрелять короткими ... по два – три патрона. Старайтесь близко их не подпускать, а то жди от девочек сюрпризов. У кого автомата нет? Быстрыми перебежками ко мне дуй, пока пальба не началась. Через пару минут за камень ввалился боец раненый в схватке с Квамби.

– Ты с автоматом-то справишься? – С сомнением спросил Палий.

– Правая-то рука работает нормально, а левой только придерживать и всё.

– Ну, лады. Ты обратно-то не беги. Не рискуй зря. Снайпер у них дюже серьёзный. Здесь позицию занимай. Благо булыжников хватает. – Боец сиганул за каменюку в рост человека, стоящую рядом с валуном, за которым прятались Андрей с Палием. Палий выглянул снизу валуна на приближающиеся фигурки в зелёном и заорал во всё горло,

– Бойцы! Внимание! Ого-о-нь! – Первые две фигурки в зелёной форме срезали на бегу плотным огнём, и они рухнули лицом вперёд, проехав по инерции на каменной осыпи, какое-то расстояние. Ещё один спецназовец упал вбок, и его сразу втащили за ближайший валун. Зелёные береты залегли за разнообразные укрытия, и уже оттуда открыли ответный, шквальный и беспорядочный огонь. Пули защёлкали вокруг отряда россиян по камням, с искрами и визгливыми рико-

шетами. Палий и Андрей, не обращая особого внимания на довольно плотный огонь противника, постреливали из под камня, скупыми очередями по перебегаящим от укрытия к укрытию, зелёным беретам.

Вот и ещё один зелёно-беретный спецназер получил пулю в бок и рухнул вниз по склону, дёргаясь от боли. Из-за ближайшего камня к раненому рванула пара бойцов, пытаюсь вытащить раненого из-под огня. Красовский тщательно прицелился по одному из бегущих, по ходу действия вспоминая, чего ему там втолковывал Берёг о ведении стрельбы в горах. Стрелковые таблицы с упреждениями для стрельбы вверх по склону и вниз, путались в голове. В конце – концов, Красовский плюнул на таблицы, и нажал на спуск. Тот из спасателей, которого выцеливал Андрей завалился на бок и затих.

А второй тут же спрятался за ближайший осколок скалы. В ответ на такую наглость, береты сконцентрировали огонь на убежище Андрея и Палия. Пули с тройным усердием стали злобно рвать и крошить камень рядом с ведущими огонь россиянами. Пришлось обоим спрятаться за непробиваемый гранитный щит, который спокойно устоял бы, даже если бы по нему саданули из РПГэшки.

Андрею вспомнился закрытый полигон при училище ГРУ, они валяются всё в той же осенней грязи, перед ними ростовые мишени на разном удалении от рубежа стрельбы. Но мало того, что мишени поднимаются без всякой види-

мой закономерности, так ещё надо успеть поразить фанерного врага за три коротких секунды, а потом мишень ложится и получаешь минус балл – это если промазал. Рядом с уже отстрелявшимся Красовским, в осенней луже лежит Миша – Костромской, а над ним нависает здоровенный, массивный Берег, и костерит своим трубным басом Миху на чём свет стоит,

– Ну, ты – тундра непроходимая. Какого хера ты в каждую мишень по пол рожка садишь? Тебе же патронов для обороны не хватает. Всё, ты труп, твою мать. Видишь! – Берег театрально выпростал руку в сторону мишеней, – это твои враги, блядь, а стрелять тебе нечем. Всё, бля, теперь ты погиб! И твой взвод тоже! Ты всё просрал боец. Это из-за тебя погибли твои товарищи, сука! Ты! Это именно ты не смог их прикрыть, воин! А теперь тебя, сука, возьмут в плен – это потому что стрелять тебе нечем, и там отрежут тебе хер и яйца, но делать это будут медленно и вдумчиво так, с паузами – это чтобы ты хорошенько прочувствовал торжественность и важность момента. И тебе очень-очень сильно повезёт, курсант, если ты потеряешь сознание от болевого шока раньше, чем увидишь, как тебе начнут резать пальцы, уши и другие части тела до тех пор, пока ты окончательно не загнёшься. -

Берег раскраснелся от крика. В тот момент, когда вот так вот его переклинивало, он был просто ужасен. Многие тёртые мужики пугались до икоты, когда Берег был в таком состоянии. Да и кто не сдрейфит когда перед твоим носом ма-

шет кулаками, размером с твою голову, здоровенный детина – два с небольшим метра ростом. Глаза, при этом, у Берега выкатывались из орбит, как у киношного Петра Первого, и правое веко начинало немного дёргаться. Как Берег проходил медицинскую комиссию – непонятно. Но, как правило, накричавшись, Берег брал себя в руки, и продолжал объяснять задачу уже более – менее спокойно. Вот и в этом случае произошло также.

Какая-то релюха в голове у инструктора щёлкнула, и переключила необузданный выпуск раскалённого пара на спокойное охлаждение нервной системы в целом. Глаза встали в орбиты, веко перестало дёргаться, краснота стала спадать прямо на глазах, и Берег продолжил говорить спокойным, рассудительным тоном, – Врагу достаточно одного – двух попаданий, и он уже для тебя неопасен. Поэтому, курсант, бережём боеприпас, а он в бою бывает дороже золота, воды и еды, и стреляем короткими очередями по два три патрона. Одного целого рожка тебе должно хватить для выполнения этого задания. Давай, боец, погнали снова. Тебе потом мужики из твоего взвода "спасибо" отвесят, за лишнее лежание в степи. – Капитан, Береговой Степан Иванович – это полное имя и звание инструктора по стрелковой подготовке. Герой Советского Союза плюс ещё какие-то ордена и медали за выполнение ...

Героя он получил ещё в Афгане будучи пулемётчиком, но стрелял из любого вида стрелкового оружия, включая и за-

рубежные образцы. Хотя снайпером он никогда не был. Ну, не бывает таких вот снайперов двухметрового роста, с голо- сом громким, как гудок круизного лайнера и фигурой горил- лы. Красовский в Чечне видел – перевидел настоящих снай- перов. Пару раз в штабе полка встречал снайпера – леген- ду Володю Якута. Володя был эталоном классического снай- пера, если вообще так можно говорить. Он был невысокий, щуплый, тихий и спокойный как удав. Снайпер должен быть незаметен.

Если снайпера раскрыли, то ему каюк – это однозначно. Но всё равно Берег стрелял снайперски из всего того, что во- обще может стрелять в принципе. Наверное, стреляя из ро- гатки он мог бы спокойно выбить десять из десяти, случись ему стрелять из такого странного вооружения. Но любимым оружием у него значился всё-таки АК – 74, который смот- релся в его руках, как игрушечный. А вот теперь-то Красов- скому очень сильно пригодились те занятия по стрелковой подготовке.

– Эх, самого бы Берега сюда. Вот бы он тут душу отвёл – такой прекрасный тир, – подумал отстранённо Андрей.

Но Берег далеко, а вот береты подбираются всё ближе, и с этим надо срочно что-то делать.

Глава 21

Красовский очень удачно выцелил ещё одного зелёного берета, и тот, после попадания в него пары пуль со стальным сердечником, потеряв сознание, а может и жизнь, заскользил на спине головой вниз по каменной осыпи, по ходу теряя оружие и ботинок.

– Да ты, Андрюха, просто Ворошиловский стрелок, – прокомментировал попадание Палий. В этот момент ребята танкисты сняли ещё одного вражеского спецназера.

– Во! Видал? Оказывается, танкисты не только из пушки палить умеют, – ответил Андрей, и продолжил, – Меня, Василич, сейчас больше снайпер беспокоит. Он сейчас, наверное, позицию меняет, и скорее всего, поближе перебирается, а как только он нас работать начнёт, то туго нам тут придётся. Он, сука, с пятисот метров пулю в голову кладёт, а с сотни метров каких он дел натворит? Представляешь, Василич? И вычислить его в этой катавасии не получится.

– Чего делать будем? – поинтересовался Палий.

– Будем прыгать, как гамадрилы – позиции менять, а что нам ещё остаётся? Глядишь и не выцелит сука. -

Тем не менее, атака беретов захлебнулась. Взять с хода россиян не получилось. И береты залегли за укрытиями, и лишь изредка постреливая по камням, за которыми пряталась россияне. То ли герои у джибутийского спецназа за-

кончились, а может, ждали чего-то, непонятно. Но возникла небольшая пауза.

– Слушай, Андрюха, а давай пока затишье позицию поменяем. Вон там справа в двадцати метрах отличный, большущий каменюка, а от него и дальше можно будет пройти не подставляясь. – Андрей утвердительно кивнул головой.

– Эй, Славик, ты с нами? Смотри – тут уже береты пристрелялись. Скоро и носа не высунешь, – крикнул Палий раненому бойцу.

– Да, конечно с вами, что я тут один останусь что ли?

– Значит так, мужики, на счёт три скачем, как сайгаки вон за тот камень, – Палий показал рукой куда им надо скакать.

– ..., три! – скомандовал полковник, и они рванули с места, как австралийские кенгуру – с прыжком для разгона. Андрей и Палий миновали открытое пространство без проблем. Славику оставалось преодолеть последние три метра до защитного камня, но снайперская пуля с гадким, гулким чваком (кто слышал, тот не забудет этот звук никогда) ударила бойца в бок. Прошила тело насквозь, выбив из выходного отверстия часть плоти и крови на стенку ближайшего камня, и отрикошетив об него же, с печальным визгом ушла свечой в такое синее – синее, безбрежное, вечернее небо Африки.

Славик упал как сломанная пополам кукла. Видимо пуля повредила позвоночник, и тело при падении изогнулось под немислимым, для живого человека, углом. Но Славка, как это нестранно, был ещё жив, хотя и вряд ли он уже по-

нимал, что вокруг него происходит. Он попытался что-то сказать, но захлебнулся чёрной кровью, обильно хлынувшей горлом. Видимо пуля превратила внутренности в кашу, но сердце не затронула. Слава умирал, а Палий с Андреем сидели, смотрели и не могли ничего сделать. Наконец Слава перестал шевелиться, расслабился и застыл, его полузакрытые глаза смотрели сквозь людей в вечность.

– Андрюха, – сказал Палий тихо, – Я прошу тебя – найди мне этого стрелка. Слышишь? Хоть приблизительно укажи, где эта гнида залегла.

– Василич, – так же тихо ответил Андрей, – Если бы это было так просто, то мы бы их всех расхреначили под корень. Ладно, сейчас глянем, что там твориться, – и аккуратно выглянул в проём между двумя камнями. Через три секунды пуля вжикнула в паре сантиметров от головы разведчика, обдав лицо тугой струёй воздуха. Андрей моментально присел.

– Он где-то точно напротив нас, – сказал Красовский, и обернулся, разглядывая отметину в камне оставленную пулей. – Угол не очень велик. Скорее всего, он прячется, где-то, чуть выше по склону, в нагромождении вон тех красноватых камней, что прямо напротив нас. Удаление сто – сто двадцать метров. Но у нас у всех столько боеприпасов нет чтобы этого гада придавить. Сюда бы пару миномётных расчётов, – мечтательно сказал Андрей, – В момент бы разобрались с этой сукой.

– Да, миномётный расчёт бы неплохо, а ещё лучше хотя бы

одну "Буратину" подогнать, да и весь склон сжечь к ебням.

("Буратино" – это тяжёлая огнемётная система залпового огня ТОС-1. Установлена на ходовом шасси танка Т-72. Зона тотального поражения одним залпом – два футбольных поля).

Вдруг что-то, явно, изменилось в звуках боя. Перестрелка разгоралась с новой силой, а щелчков пуль, от ударов о камни стало гораздо меньше. На слух можно было подумать, что почти одновременно ведут огонь почти сотня автоматчиков.

– Чего за фигня? – удивлённо сказал Палий, и очень аккуратно выглянул снизу каменного щита, закрывавшего людей от пуль.

– Ба-а! Да ведь это подошли наши старые друзья Квамби. Ух, и разозлил же ты их Андрюха. Они ведь не знают, что это ты их друзей положил. Наверно подумали, что это береты их соплеменников уработали.

– Слушай, Василич, а они потом за нас не возьмутся?

– Да какого хрена? И ещё неизвестно кто кого положит. Силы-то у них почти равны, У спецназа выучка и снайпер – пидор, шибко грамотный. Ну, а Квамби – дети природы, хозяева этих мест, воюют с пелёнок. Так, что ещё посмотрим ... Но то, что в ближайшее время им всем скучно не будет – это и к гадалке не ходи. Ты за кого болеть будешь?

– Да пусть они все здесь передохнут. Мне – насрать. Слушай, Василич, а давай к дороге перебежим поближе. Наблюдать ведь можно и от дороги, а что если, пока такая хрено-

верть тут завязалась, попробовать и смотать под шумок.

– А это мысль. Только ребят забрать нужно... Кто живой, – добавил Палий, после небольшой паузы.

– Ну, это само собой. Вот с дороги их и покличем. Уже скоро темнеть начнёт. А по дороге можно ведь, и в темноте топтать – не заблудишься.-

Они рванули через каменный барьер с той же прытью бешеных кенгуру, но по ним никто не выстрелил. Видимо действительно беретам было абсолютно не до них. Судя по звукам стрельбы – бой шёл очень горячий, и на коротких дистанциях. Автоматные выстрелы слились в единый гул. Ухнула граната, потом ещё одна. Они присели за камнями обочины дороги, переводя дух. Оба тяжело дышали после бега. Вдруг Палий начал к чему-то прислушиваться.

– Слушай, Андрей, или я с ума схожу, или это на самом деле к нам движется танковая колонна.

– Да ну нах ... Откуда тут тяжёлая броня. У местных погранцов только джипы и ... – И тут он сам услышал характерное рыканье танковых двигателей, которое ни с чем не спутаешь.

– Да говорю тебе – это Т-72. Я с танками больше двадцати лет нянькаюсь, и я этот звук не спутаю ни с чем. -

Дорога у подножия горы вилась змейёй со множеством зигзагов. Поэтому, что там делается за поворотом, откуда слышался звук моторов, было абсолютно непонятно. Но рокот приближался, и довольно быстро. Наконец из-за ближайше-

го поворота выскочил головной танк, на довольно высокой скорости, если учесть зигзагообразность дороги. Грунтозацепы на траках выкидывали по ходу движения водопады песка, а за кормой боевой машины вставал столб красноватой пыли давно уже скрипевшей на зубах россиян. Да, это был Т-72 с каким-то дополнительным навесным оборудованием. Эмблему на башне было не разобрать. Весь танк был покрыт толстым слоем пыли, а может эмблемы – просто не было.

– Слушай, Андрюха, давай сдаваться что ль? А то с перепугу-то, шас, как звезданут из пулемёта, не разобравшись, – и сам, подавая пример, поставил аккуратно автомат к камню, и поднял вверх обе руки. Андрей нехотя повторил действия полковника. Без оружия он чувствовал себя голым на оживлённой улице, хотя и понимал, что против танка переть с автоматом – всё равно дохлый номер. Танки подходили по одному, и останавливаясь, держали определённый интервал. Палий видел восемь машин. Но за поворотом остановилось ещё несколько, было слышно, как они рыкают двигателем. Башня головного танка развернулась орудием к склону горы, на которой шло боестолкновение между зелёными беретами и Квамби.

– Эй, там! В коробке! – заорал Палий, стараясь переорать работающий на холостых оборотах танковый дизель. – Выйди, поговорим! Мы русские советники! Заблудились в этих сраных горах! Нас преследуют какие-то боевики! Ну, выйди! Поговорим! Я уже запарился орать.

– Скорее всего они по-русски не секут, Василич. Эх, сейчас бы сюда Серёгу. – В этот момент в башне танка откинулась крышка люка, и в проёме показалась голова в танковом шлеме.

Танкист профессионально прятался за крышкой люка от выстрела со стороны воюющих друг с другом беретов и Квамби. Крышка люка вполне выдерживает попадание автоматной пули.

– Василич, вот в жизни бы не подумал, что могу тебя здесь встретить, – начал танкист.

– Паша?! Твою жеж мать, а ты откуда здесь?

– Так я, почитай уж, как почти год в Эфиопии советником. Вот уже вторую смену местных танкистов готовлю. Я как русскую речь услышал, так подумал, что у меня от жары уже крыша поехала. Ну, а когда узнал, что это ты, так вообще охренел. Вы, бродяги, как здесь на границе оказались-то?

– Ой, Паша, так вот с ходу всё и не объяснить. Слушай, а у тебя фугасы есть?

– Ну, есть фугасы. Мы по этим местам никогда пустые не ходим. Мало ли что ...

– Понимаешь, Паша, у меня там за камнями ребята застряли, и надо по этим воякам на склоне епануть, так чтобы они в штаны наложили, а мои в это время сюда, к нам перебегут.

– Ну, это можно. Это мы завсегда пожалуйста. Епануть фугасом – это дело знатное. Так это что ль из-за вас тут вой-

пушка началась?

– Ну, можно сказать, что и мы тоже приложили к этому руку, но все подробности потом.

– Ага. Ну, ладно. Щас всё будет в лучшем виде, – и стал отдавать приказы в ларингофон, прижав его к шее правой рукой. Затем Паша нырнул в башню, махнув рукой, и люк закрылся. Сразу же ожила пушка, загудели сервомоторы, и ствол нацелился на склон.

– Это Паша. Мы с ним вместе в союзе служили несколько лет, в одном полку, – ответил Палий, на немой вопрос Андрея.

– Мужики! – заорал во всю свою лужёную глотку Палий, – Здесь мы с Андрюхой на дороге стоим! У вас как дела!? Есть кто живой!? Отзовись!

– Есть живые! Есть! – откликнулись из-за камня глуховато. Каменные нагромождения приглушали голос, и приходилось орать во всё горло.

– Мужики, мы тут своих встретили – танкистов! Они сейчас холм зачистят! Как только они работать закончат, вы – ноги в руки, и к нам дуйте! Ферштэйн!? – но ответить ребята не успели. Головной танк первым открыл огонь по склону горы. Затем к обстрелу склона подключились и другие танки из колонны, ведя беглый огонь фугасными снарядами. Кто не находился рядом с танком во время его стрельбы из башенного орудия, тот не поймёт какой это на самом деле оглушающий, и даже, парализующий грохот.

Во время выстрела, в радиусе тридцати метров от танка, земля ходит ходуном, и даже сам танк присаживается на своей подвеске от невероятной силы отдачи, и чтобы просто устоять на ногах, надо приложить немалые усилия, а уши закладывает даже в пятидесяти метрах от стреляющего монстра. Палий и Красовский, чтобы не упасть – присели, облокотившись спиной в каменную стену, а чтобы совсем не оглохнуть, во время обстрела закрывали уши обеими руками.

На склоне активно расцветали цветки разрывов. Из-за небольшого расстояния до цели иногда часть каменных осколков от скал долетала и до дороги, молотя мелкими камешками по броне танков. На склоне горы начался самый настоящий кошмар для пехоты. После подрыва фугасного снаряда на обычном грунте остаётся воронка довольно приличного размера, а при подрыве снаряда на камне к собственным осколкам снаряда добавляются ещё и осколки камня, которые после взрыва тоже разлетаются с немалой скоростью, превращаясь в смертельную шрапнель. Но, даже если бойца, каким-то чудом, и не заденет осколками, то сам по себе взрыв толовой начинки снаряда, из-за возникновения резкого перепада давления в зоне подрыва, нанесёт человеку, находящемуся в радиусе поражения, тяжёлую баротравму уха. Травма сразу же может и не проявиться, но со временем у поражённого человека могут развиваться болезни, приводящие к глухоте. В общем, множество разнообразных

"удовольствий" и малоприятных сюрпризов при массовом артобстреле мишеням гарантированно.

После грохота стрельбы на людей опустилась ватная тишина. В голове звенело, а в ушах было ощущение, что туда затолкали целый рулон ветоши. Палий и Андрей поднялись на ноги, и одновременно оба закашлялись. Пыль забила и нос, и горло, и даже проникла в лёгкие, раздражая их, и вызывая неудержимый кашель. В воздухе клубилось громадное облако красноватой пыли, поднятое стрелявшими танками. Тошнотворно воняло соляркой, пороховыми газами и перегретыми двигателями. Пылевое облако потихоньку сдувало в сторону от дороги. Настала пауза. На перепаханном взрывами склоне ужасно кричал от боли человек, но в наступившей тишине крик, ослабленный расстоянием, был хорошо слышен на дороге. Затем крик перешёл в совсем уже нечеловеческий вой и затих на высокой, пронзительной ноте. Из-за пылевой стены показались смутные фигуры с автоматами. Всего три человека. Причём двое почти тащили третьего, видимо серьёзно раненого.

– Это все? – спросил Палий угрюмо, когда троица подошла ближе. Ответил Сергей с лицом, полностью залепленным пылью. Не лицо, а просто красная маска – кожи лица вообще невидно.

– Двое погибли от попадания в голову, а вот Вовку по касательной по рёбрам стегануло, крови много потерял.

– Понятно. – Опять откинулась крышка люка башни, из

прёма высунулась голова танкиста.

– Эй, мужики! Ну что? Если все собрались. Поехали что ли?

Слушай, Паша, у меня ещё пять двухсотых там, – он махнул рукой в направлении склона горы, – Забрать бы ...

– Нет, Василич, у меня десанта нет, а торчать здесь долго нельзя. Сейчас уже сумерки, а скоро вообще темнота будет, как в попе у местного населения. Могут близко подкрасться и гранату кинуть, или другую какую-нибудь гадость выдумать. Здесь народец тот ещё. Давай завтра я поговорю с одним нашим гвардейцем десантником. Он тут из местных бандерлогов десантуру делает. Так вот он, я думаю, не откажет, и сгоняет вместе с тобой сюда на БМД со своими подопечными (БМД – Боевая Машина Десанта).

Вот пацанов тогда и заберёте, а сейчас – это опасно очень. Никто их тут не тронет – здесь зверья нет. Хорошо? – Палий вспомнил о снайпере, который мог и уцелеть при обстреле, и согласился с Пашей. Раненого бойца подняли на броню, а сами кое-как уселись и уцепились за выступы на броне, и навесное оборудование на башне. Танк рывком взял разгон, и набирая скорость, пошёл петлять по узкой змееобразной дороге, оставляя за собой густой шлейф из удушливых выхлопных газов и красноватой пыли.

Глава 22

Снайпер умирал долго и мучительно. Когда подкатили танки и головной танк развернул башенное орудие в сторону сражающихся, стрелок сразу понял, что сейчас произойдёт. Он был сообразительный – этот стрелок, и успел нырнуть между двух больших камней образующих щель, куда мог залезть только один человек. Но беда заключалась в том, что щель была коротковатой, и ступни ног остались снаружи укрытия, а когда рядом рванул фугас: то одну ступню ему начисто отсекло осколком, а вторую просто чудом не оторвало, переломав все крупные кости.

Он моментально почти оглох – барабанные перепонки с трудом выдержали близкий взрыв, но сознания он не потерял, и даже сумел наложить жгут на голень, выше отрезанной ступни. Когда кончился обстрел, он вколол себе обезболивающие – антишоковое, вылез из своей норы, и стал ждать, когда появятся бойцы его взвода. Ну не могло же так случиться, что полегли сразу все сорок пять бойцов – любимцев Аллаха. Только – только их отряд наконец-то нагнал неверных и прижал их к камням, сверху посыпались эти дикари, что забрал их к себе Иблис.

Но и дикарей они сумели остановить шквальным огнём, а ещё немного, и те бы просто убежали. Ведь сам стрелок убил в этом бою пять русских, и ещё пятнадцать попаданий по ди-

карям было точно. Но откуда здесь взялись танки? Неужели неверные смогли их вызвать себе на подмогу, – это просто невероятно. Никакой рации у русских просто не было – это точно. Снайперу было невдомёк, что это просто был не его день. Спецназу Халеда в этот день просто катастрофически не повезло. Так часто бывает в жизни: к кому-то Фортуна поворачивается лицом, а к кому-то и задней частью тела, а она девушка традиционной ориентации, и настолько разборчивая в отношениях, что сзади её не поимеешь, – корешок короткий. Вот, и в этот день прекрасная девушка Фортуна повернулась к бойцам в зелёных беретах своей филейной частью.

Именно сегодня, танковая колонна под командованием советника Паши, возвращалась с плановых учений с боевыми стрельбами, когда по рации к нему обратился командующий российской группировкой в Эфиопии полковник ... (впрочем, имя и фамилия не столь важны в нашем повествовании), и попросил подсобить эфиопским пограничникам. Которые сообщали, что на высоте такой-то идёт жаркий бой, а силы у пограничников слишком малы для наведения порядка. Так что полковник просто попросил Пашу посмотреть, что там к чему на месте, и принять меры на своё усмотрение, что Паша и выполнил с блеском.

Стрелок на какое-то время всё-таки потерял сознание, а когда пришёл в себя то, скорее, почувствовал, чем услышал, что рядом кто-то есть. Это были остатки уцелевших в бою

Квамби, вернувшиеся ночью на поле боя мародёрствовать. Из деревни пришли даже женщины и дети. Стрелка колотило крупной дрожью, у него был жар, его лихорадило, и сильно болела культия. Но сдаваться просто так – он не собирался. Он хотел биться до конца, поэтому попытался дотянуться до кобуры с пистолетом на поясе. Но кобура съехала немного ближе к спине, и стрелок никак не мог достать пистолет. Своими действиями он привлёк внимание воина Квамби, который тихо крался за ближайшим камнем.

Почти глухой снайпер заметил воина в последний момент, но проклятый пистолет всё ещё оставался в кобуре. Стрелок только расстегнул кобуру и нащупал рубчатую рукоять оружия. Чёрный воин одним прыжком скакнул к лежащему стрелку, и ногой, с силой, ударил по руке, вытаскивающей из кобуры пистолет. Пистолет брякнул железом по камню, и улетел в темноту.

Воин прыгнул сверху на снайпера, уселся на грудь, и придавил его руки к земле своими коленями. Потом взял голову стрелка левой рукой за волосы, и откинул её назад, открывая горло, а правой рукой достал из-за спины огромный тесак, больше похожий на мачете, и с силой надавил его лезвием на горло стрелку.

Снайпер забился под тяжестью воина, пытаясь его скинуть с себя, молотя обрубком ноги по земле, и забрызгивая чёрные камни кровью, хлещущей из раны на ноге. Кровь пошла из-за того, что во время борьбы слетел с голени жгут, нало-

женный слабеющей рукой. Если бы у стрелка были здоровы обе ноги, то скинуть с себя чёрного воина, скорее всего, ему бы удалось. Но в данной ситуации снайпер ничего не мог поделать. Лезвие медленно вошло в гортань, и перерезало голосовые связки. Стрелок хотел закричать от злости, и от бессилия хоть что-нибудь изменить, но из разреза на горле, изпод лезвия тесака пошли только кровавые пузыри. Последнее, что увидел теряющий сознание, снайпер – это бездушные, холодные глаза чёрного воина.

Ирония судьбы стрелка заключалась в том, что сам снайпер учился своему военному ремеслу в Академии им. Фрунзе в Москве, ещё во времена СССР. Его готовили лучшие специалисты ГРУ для борьбы с израильскими воинскими подразделениями, во время обострения конфликта между Израилем и Палестиной. Стрелка отличал сам Ясир Арафат. Но после смерти Арафата, волею судеб, жизнь закинула снайпера на службу в спецподразделение в Джибути. Хорошая спокойная служба была у стрелка, с прекрасным жалованием. Халед хорошо платил специалистам, а боевой работы было немного.

Трусливые повстанцы захватывали территорию наскоками, и поэтому достаточно было провести против них контроперацию по выборочному отстрелу их бойцов. Оставшиеся в живых воины, улепётывали без оглядки. Снайпер видел в мечтах безбедную старость, но вот это последнее задание Халеда, выбило его из спокойного течения жизни. Когда он

узнал, что придётся гоняться по горам за русскими, он сразу понял – всё будет очень сложно. Во время обучения в России он неплохо узнал этих людей.

Они очень душевные и наивные люди. Обмануть их правдоверному ничего не стоит – это легко. Но, будучи загнанными в тупик или прижатыми к стенке, эти люди сражались с такой яростью и ожесточением, что их боевому напору и самоотречению могли бы позавидовать и Шахиды. Но, к сожалению, Халед был в бешенстве, и он не хотел ничего слышать, он хотел только их отрубленные головы – любой ценой. Просто цена эта оказалась очень высока, как для снайпера, так и для большинства его боевых коллег.

Эпилог

– Ну, что, Андрюха, зайдёшь ко мне? – Палий стоял в коридоре, где располагались комнаты для обслуживающего персонала российского посольства в Джибути. Коридор был довольно длинным, и ряды дверей с обеих сторон терялись где-то в сумраке за поворотом. Здесь, в глубине здания царил приятный, прохладный полумрак, пахло сыростью и немного подвалом.

– Фляжка ...? – Угрюмо ответил вопросом на вопрос Красовский. – Она, родимая. Слушай, а позови ещё Серёгу. Он ведь тоже, с нами по этим чёртовым горам ползал. Хоть он и шпак, (штатский) но парень неплохой. Ну, и к тому ж: на троих – это просто классика жанра. Не будем нарушать традиций, и пожрать чего-нибудь пошукай а? А то у меня в холодильнике "мышь повесилась", а спирт лупить – кулаком занюхивать как-то "не комильфо".

– Сделаем, Пётр Васильевич. Сейчас в буфет загляну, потом за Серёгой и к вам. А как же так – он шпак? Я думал – военный переводчик.

– Не – е, накрылось училище военных переводчиков. Как есть накрылось "медным тазиком". Вот уж год, как расформировали его. А теперь переводчиков из этого шлют э – э – ... забыл, чёрт. Ладно, потом вспомню – скажу. А тебе денежку-то дать на закуску, Андрюша?

– Не – е, не нужно. Всё равно здесь покупать нечего, а в город нас атташе не выпускает. – Так правильно, что не выпускает. Здесь в посольстве Халед до нас не доберётся – руки короткие, а вот в городе – кто знает ...? Теперь до прилёта спецборта так и будем здесь куковать. После наших с тобой приключений мы в Джибути очень популярные личности, а у местных особистов, так просто, слюни текут, когда нас видят. Вот ты, сколько объяснительных написал?

– Три, пока что.

– А я шесть, и это только начало. Дома придётся всё по-новому в мельчайших подробностях излагать, и не один раз. Ну да ладно, беги, давай. Жду вас с Серёгой. -

Через полчаса не выспавшийся, взъерошенный Сергей и Андрей с непроницаемым лицом, сидели у Палия в комнате на стареньком диване. Стол придвинули к дивану, чтобы вдвоём поместиться, а полковник сел напротив ребят на вихляющим стуле, привезённом, видимо, ещё из Союза. На столе же расположились в живописном беспорядке: немного чёрствые пирожки с рисом и яйцом, конфеты "ириски" россыпью, целлофановый пакетик с десятком бутербродов, с обветренным, выгнувшимся сыром, похожем на кусочек картона. Ещё: большая бутылка Кока-Колы на запивку, три бутылки минералки непонятного происхождения с надписями на арабском и стеклянная цветочная ваза, в которую очень чётко вместились пол литра спирта и почти столько же минералки.

Спирт общим голосованием решили, всё-таки, развести минералкой, за это категорически ратовал Сергей, а Красовскому было, в общем-то, всё равно. Ещё стояло на столе три тонкостенных, стеклянных стакана с красивыми, тонкими, жёлтыми полосками по ободку, всё из того же буфета. Стаканы незаметно "конфисковал" из буфета Красовский, вылив из них компот в, ближайшее к нему, мусорное ведро.

– Ну, Андрюха, ты, наверное, весь буфет скупил? – Палий встретил ребят на пороге.

– Там ещё бутерброды с икрой были, но я подумал, что я их не донесу – всю икру по дороге растеряю, нафиг, – ответил Андрей.

– Пусть ту икру местные дипломаты лопают до икоты. Нам и пирожков с ирисками во ...! – и Палий провёл раскрытой ладонью повернутой вниз, по горлу, под подбородком, показывая насколько большой у компании запас ирисок и пирожков.

– Ну, что давай по первой? Наливай Серёга. Чокаться не будем, потому – как не празднуем, а благодарим Бога и судьбу за то, что целые возвратились. Давайте мужики... Ну, живы будем! – И первый выпил залпом содержимое своего стакана, крикнул, поморщился и поставил с громким стуком стакан обратно на стол. Остальные последовали его примеру. Серёга с шумом выдохнул, рыская взглядом по столу чем бы таким – таким закусить и не найдя чего-то нужного, схватился за бутылку минералки, сделал большой глоток, пыта-

ьясь погасить жжение в горле.

Андрей совершенно спокойно, без эмоций поставил свой стакан, взял из пакета слегка обветренный пирожок, но сначала неторопливо понюхал его, закрыв глаза, а потом всё же, откусил от него небольшой кусочек, и не торопясь стал его пережёвывать. Помолчали, прислушиваясь к приятно-теплу, растекающемуся по желудку, а потом и к тёплой, приятной, расслабляющей волне, прокатившейся с головы до пяток. Всех кинуло в жар, несмотря на подвальную прохладу комнаты. Первым прервал тишину Сергей. Его коснулась первая волна поражения спиртового заряда. От этого он слегка захмелел, и его потянуло на разговоры.

– Вам ребята за то, что мы тут навоевали, наверно награды дадут. Звания очередные. Продвижение по службе там ... Я вам даже немного завидую. – Палий и Андрей, при этих словах, посмотрели друг на друга, и Палий, грустно усмехнувшись, ответил,

– Вот сразу видно Серёга, что ты был, есть, и останешься шпаком.

– Это почему же? – с возмущением парировал Сергей.

– Да потому, что мне доверили жизни наших парней, которые я, сука, не уберёг! Ты понял!? – На последней фразе голос Палия зазвенел металлом, и офицерам на диване сразу стало как-то неуютно. В один момент рассыпалось очарование от спокойного вечера, в отличной кампании и неторопливых разговоров ни о чём, под водочку. Но, через неболь-

шую паузу полковника отпустило, и он добавил уже спокойно, и без эмоций,

– Так, что по возвращению домой ждёт меня служебное расследование: долгое – долгое, нудное – нудное, да гадкое и противное, с неизвестным результатом.

– А чего тут расследовать-то, и так всё ясно. На нас Халед натравил всех своих псов. Мы защищались. Чего тут мудрить-то, а ...? – Серёга смачно затянулся сигаретой, и выпустил дым в потолок густым перетекающим облаком. У Красовского сразу же рефлексивно потекли слюни, как у собаки Павлова на еду.

– Ай, да потом брошу, – подумал Андрей и попросил сигаретку у переводчика. Закурил её, с нескрываемым удовольствием, стряхивая пепел в пустую бутылку из-под минеральной воды. Голова немного закружилась, и по телу разлилась приятная истома.

– Да ты чего, Серёжа? – Палий посмотрел на Сергея с удивлением. – Да, мы одного местного населения во время нашего весёлого турпохода покروшили на удобрения несколько десятков человек. – Потом через паузу тихо добавил,

– А ещё, сколько ребят наших погибло. Танковую колонну привлекли к боевой работе. Границу перешли незаконно. Да ещё дохрена всяких подвигов наворочили. Думаешь, так просто всё это проскочит? Нет, мужики. Писанины будет – будь здоров, а когда умникам – особистам надоест слушать

наши занимательные истории, тогда они начнут искать виноватых во всех грехах, и я на эту вакансию первейший претендент. Будут рассматривать разные варианты. Можно ли было уберечь своих людей или нет. Да, и вообще, насколько правомерно было применение оружия против местных. Ну, и всё в таком же духе. Ладно, если сильно достанут – то уйду, нахрен, на пенсию да и делу конец. Да пошли они все ... Наливай мужики. Сегодня имеем право... -

Налили, выпили без тоста. Сергей закашлялся.

– Пузырьки в нос шибанули, – оправдываясь сквозь кашель, сказал он. На глазах выступили слёзы, которые он смахнул рукавом форменной рубахи. Они уже переоделись в свою форму, в которой и прилетели в Джибути.

– А ты говоришь "ордена – медали" ... , – продолжил развивать тему полковник. – Тут как бы под трибунал не загреметь, эфиоп твою мать. Нам ведь строжайше запрещается вступать в любые вооружённые конфликты. Атташе тоже люлей накидают за то, что он нам оружие выдал. Он ведь вместе с нами в Россию спецбортом вылетает. Но, он наверняка легко отмажется, сказав, что оружие-то он нам на бронетехнику выдал по штатному расписанию, а мы уж сами его прикарманили. Ещё меня наверняка заставят отчитаться за каждый ствол. Вот увидишь Андрюха. -

Андрей в знак согласия кивнул головой, и молча, продолжил смачно курить. Он вообще после рейда по горам не улыбался, не вступал в обсуждения, и всё больше отмалчивался.

Ожёг от пули, на его щеке воспалился, слегка опух и горел красной, влажной полосой перечеркнувшей щёку наискось.

Посольские при встрече с Красовским, шарахались от него по сторонам, как от ожившей египетской мумии, но Андрей, казалось, не замечал этого. В Эфиопии военный медик при российской группировке хотел закатать Красовского в госпиталь вместе с двумя танкистами из их отряда, ранеными куда более серьёзно, но Андрей категорически отказался. Поэтому медик почистил рану, вколол в задницу болючий укол и на прощание сказал, что, скорее всего, у Андрея так и останется шрам на щеке.

– Нет. Погодите ребята. Я чего-то, видимо, не понимаю, – возмутился Сергей, – Нас же Халед убить пытался. Специально с повстанцами договорился. Мы же не от хорошей жизни по горам лазили. Да если бы не вы и Андрюха, то про нас вообще бы никто и не узнал. Так и сгнули бы в этих красных песках.

– Да, вот тут Халед здорово придумал, – сразу оживился Андрей, услышав болезную тему. – Заключил договор с "ФВЕД", о том, что отдаёт им южные провинции под охрану их боевиков, а взамен получает союзников на юге страны, и возможность перекинуть все свои войска на север, чтобы спокойно разобраться с непримиримыми. Заодно получил хороший шанс и нам отомстить, но чужими руками. Ведь он, гнида, так и напел атташе, что при внезапной атаке повстанцев, армия в беспорядке отступила, и где теперь нахо-

дятся ваши советники – один Аллах знает.

– Захотел сучёнок и конфетку съесть и на каркалыгу сесть, – ввернул свой комментарий полковник.

– Слушай, Андрей, а ты случаем не имеешь планы отомстить этому козлу – Халеду? – Палий с подозрением глянул на Красовского прищуренным глазом.

– Да ты чего Василич? Я что похож на графа Монте – Кристо?

– Похож – не похож, а с тебя станется. Видели мы, как ты тем Квамби за Толяна легко и просто бошки пооткручивал. -

Все замолчали и одновременно вспомнили Толика, Лёху, Славика и других погибших ребят. Палий поднялся и взял в руки стакан. Сергей и Красовский последовали его примеру. Третий тост – тост за павших в бою. Выпили молча, и в тишине.

Май 2019